

ВЕСЦІ

НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2022. Т. 67, № 1

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2022. Т. 67, № 1

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

*Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований,
включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

В. И. Бельский – Помощник Президента Республики Беларусь по вопросам финансово-кредитной системы, Минск,
Беларусь (заместитель главного редактора)

В. В. Гниломедов – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук
Беларуси, Минск, Беларусь (заместитель главного редактора)

А. И. Локотко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук
Беларуси, Минск, Беларусь (заместитель главного редактора)

М. С. Макрицкая – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь (ведущий редактор журнала)

Е. М. Бабосов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Д. К. Безнюк – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Г. А. Василевич – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

П. А. Водопьянов – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь

В. Л. Гурский – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

В. В. Данилович – Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь

А. И. Жук – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь

- И. Л. Копылов** – Филиал «Институт языкоznания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларусь», Минск, Беларусь
- А. Д. Король** – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
- М. В. Мясникович** – Коллегия Евразийской экономической комиссии, Москва, Россия
- П. Г. Никитенко** – Институт экономики Национальной академии наук Беларусь, Минск, Беларусь
- И. В. Саверченко** – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларусь», Минск, Беларусь

Редакционный совет:

- А. Н. Булыко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларусь, Минск, Беларусь
- В. И. Васильев** – Центр истории и теории культуры и академического сектора науки Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук», Москва, Россия
- Г. Генчель** – Институт славистики Университета Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
- С. Ю. Глазьев** – Коллегия по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
- Е. Голаховска** – Институт славистики Польской академии наук, Департамент лингвистики, Варшава, Польша
- А. Е. Дайнеко** – Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь
- В. А. Ильин** – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
- С. П. Карпов** – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
- С. Л. Кандыбович** – Российская академия образования, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Федеральная национально-культурная автономия белорусов России, Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, Консультативный совет по делам белорусов зарубежья при МИД Республики Беларусь, Москва, Россия
- Е. Миронович** – Белостокский университет, Белосток, Польша
- А. А. Сатыбалдин** – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
- А. В. Смирнов** – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук», Москва, Россия
- П. П. Толочко** – Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина
- Чжань Юйянь** – Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай
- Янг Хионг** – Институт социологии Шанхайской академии общественных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:

ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Сайт: vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.

Серия гуманитарных наук. 2022. Т. 67, № 1.

Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *M. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *И. В. Счеснюк*

Подписано в печать 05.01.2022. Выход в свет 27.01.2022. Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 16,4. Тираж 94 экз. Заказ 5.
Цена номера: индивидуальная подписка – 12,67 руб., ведомственная подписка – 29,77 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».
Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2022

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2022, vol. 67, no. 1

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)

E d i t o r - i n - C h i e f:

Alexander Alexandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

E d i t o r i a l B o a r d:

Valery I. Belsky – Assistant to the President of the Republic of Belarus on the Financial and Credit System, Minsk, Belarus
(*Deputy Editor-in-Chief*)

Vladimir V. Gnilomedov – Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Deputy Editor-in-Chief*)

Alexander I. Lokotko – Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Deputy Editor-in-Chief*)

Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House (*Leading Editor*)

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Dmitry K. Beznyuk – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Grigory A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Vasily L. Gursky – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Vyacheslav V. Danilovich – Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Alexander I. Zhuk – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus

Igor L. Kopylov – Branch “Institute of Linguistics named after Yakub Kolas” of the State Scientific Institution “Center
for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk,
Belarus

Andrey D. Korol' – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Mikhail V. Myasnikovich – Board of the Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia

Petr G. Nikitenko – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Ivan V. Saverchenko – Branch “Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala” of the State Scientific Institution
“Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus”,
Minsk, Belarus

Editorial Council:

- Alexander N. Bulyko** – Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
- Vladimir I. Vasiliev** – Center for the History and Theory of Culture and the Academic Sector of Science of the Federal State Budgetary Institution of Science «Science and Publishing Center “Nauka” of the Russian Academy of Sciences», Moscow, Russia
- Gerd Genchel** – Institute of Slavic Studies at the Karl von Ossietzky University, Oldenburg, Germany
- Sergey Yu. Glazyev** – Board for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Department of the Faculty of Public Administration of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”, Moscow, Russia
- Eva Golakhovska** – Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, Department of Linguistics, Warsaw, Poland
- Alexey E. Daineko** – Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
- Vladimir A. Ilyin** – Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Moscow, Russia
- Sergey P. Karpov** – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”, Moscow, Russia
- Sergey L. Kandybovich** – Russian Academy of Education, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Federal National-Cultural Autonomy of Belarusians of Russia, Council under the President of the Russian Federation for Interethnic Relations, Advisory Council on the Affairs of Belarusians Abroad under the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus, Moscow, Russia
- Evgeni Mironovich** – University of Białystok, Białystok, Poland
- Azimkhan A. Satybaldin** – Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
- Andrey V. Smirnov** – Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- Petr P. Tolochko** – Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
- Zhan Yuyan** – Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China
- Yang Khiong** – Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:

*1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: +375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Website: vestihum.belnauka.by*

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.

Humanitarian Series, 2022, vol. 67, no. 1.

Printed in Russian, Belarusian and English

*Editor M. S. Makritskaya
Computer imposition I. V. Schasniuk*

Signed to print on 05.01.2022. Published on 27.01.2022. Format 60×84¹/₈. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 14,88. Publisher's sheets 16,4. Circulation 94 copies. Order 5.
Number price: individual subscription – BYN 12.67, departmental subscription – BYN 29.77.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise “Publishing House “Belaruskaya Navuka”.

Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,

*distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.
Address: F. Scorina Str., 40, 220141, Minsk, Republic of Belarus.*

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Головач А. А. Способы решения проблемных демографических вопросов в Республике Беларусь.....	7
Ставровский И. К. Искусственный интеллект и творчество.....	15
Шавердо Т. М. Проблематизация категории “социальное пространство” в социологии.....	21

ГІСТОРЫЯ

Крывуюць В. І. Конкурсы сельскагаспадарчай падрыхтоўкі моладзі Палесскага ваяводства ў міжваенны перыяд.....	31
Жук С. А. Организация Института философии и права АН БССР (1944–1947 гг.)	38
Кунаш А. А. Рымска-каталіцкі аброзак XVIII ст. з курганнага могільніка Глыбай Рэчыцкага раёна Гомельскай вобласці.....	49

МОВАЗНАЎСТВА

Ли Лунь. Влияние китайско-русских культурных различий при переводе фразеологизмов	60
---	----

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Внукович Ю. І. Тэарэтыка-метадалагічныя падыходы да вывучэння этнічнай ідэнтычнасці	69
Гулак Н. А. Жанравая трансфармацыя народнай драмы ў прасторы абрадавай культуры	80
Шыдлоўскі С. А. Традыцыі гасціннасці памеснага дваранства Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.)	88

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Шаладонава Ж. С. Дарога ў сімволіка-метафарычнай прасторы твораў Я. Коласа: параўнальны ракурс... Бразгуноў А. У. Эмоцыя ў “Дыярыушы” Самуэля Маскевіча.....	97 104
---	-----------

ПРАВА

Ладутько В. К. Административно-деликтная политика Республики Беларусь: тенденции, достижения, повышение эффективности реализации	110
--	-----

ЭКАНОМІКА

Каштелян Т. В. Инновационно-социально-экологическая трансформация лесного сектора Беларуси в контексте закономерностей рентных отношений хозяйственных систем.....	118
--	-----

РЭЦЭНЗІІ

Бразгуноў А. У. «Открывающий врата учёности»: новая книга пра Сімёона Полацкага.....	125
--	-----

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Golovach A. A. Methods of solving problematic demographic issues in the Republic of Belarus	7
Stavrovsky I. K. Artificial intelligence and creativity	15
Shaverdo T. M. Problematization of the “social space” category in sociology	21

HISTORY

Kryvuts V. I. Competitions for agricultural training of youth of the Polesie Voivodeship in the interwar period....	31
Zhuk S. A. Organization of the institute of philosophy and law of the academy of sciences of the BSSR (1944–1947)	38
Kunash A. A. Roman catholic medal from the 18th century from the burial mound of Glybay in Rechytsha district Gomel region	49

LINGUISTICS

Li Lun. Influence of Chinese-Russian cultural differences in translation of phraseologists	60
---	----

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Vnukovich Yu. I. Theoretical and methodological approaches to ethnic identity	69
Hulak N. A. Genre transformation of folk drama in the space of ritual culture	80
Shydlouski S. A. Hospitality customs of the landed nobility of Belarus of late XVIII – early XX centuries	88

LITERARY SCIENCE

Shaladonava Zh. S. The road to the symbolic and metaphorical space of the works of Y. Kolas: comparative point of view	97
Brazgunou A. U. Emotion in “The Diary” by Samuel Maskievič	104

LAW

Ladutko V. K. Administrative and delict policy of the Republic of Belarus: trends, achievements, increasing the efficiency of realization	110
--	-----

ECONOMICS

Kashtelyan T. V. Innovative social and environmental transformation of the forest sector of Belarus in the context of modern theory of rent relations in economy.....	118
--	-----

REVIEWS

Brazgunou A. U. «Opening the gate of science»: new book by Symeon Polotsky	125
---	-----

ФІЛАСOFІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 314.15(476)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-7-14>

Поступила в редакцию 12.05.2021
Received 12.05.2021

А. А. Головач

Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь

**СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМНЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Аннотация. На сегодняшний день в научной литературе проблемам решения демографических вопросов уделено достаточно большое внимание. В Республике Беларусь демографическая проблема является сложной и неоднозначной.

В статье использовались методы анализа, синтеза, дедукции, индукции, сравнения, группировок. В основу исследования положены концептуальные положения, идеи, результаты анализа демографической проблемы в мире в целом и в Республике Беларусь в частности.

В Беларуси демографическая ситуация оценивается как серьезная угроза устойчивому развитию и национальной безопасности страны. Основной целью демографической политики республики как на национальном, так и на региональном уровне является создание условий, обеспечивающих увеличение численности населения и улучшение его возрастной структуры. Созданию наилучших условий для белорусского общества может способствовать демографическая безопасность – это составная часть национальной безопасности, определяющая состояние защищенности социально-экономического развития государства и общества от демографических угроз.

Для улучшения демографической ситуации в Республике Беларусь необходимо решить следующие задачи: укрепить статус семьи, что подразумевает принятие ряда мер по стимулированию рождаемости; сократить уровень смертности; создать механизм миграционного замещения естественной убыли населения в отдельных регионах и др.

Ключевые слова: демографическая проблема, демографическая ситуация, демографический кризис, демографическая безопасность, демографическая проблема, миграция, рождаемость

Для цитирования: Головач, А. А. Способы решения проблемных демографических вопросов в Республике Беларусь / А. А. Головач // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 1. – С. 7–14. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-7-14>

Alla A. Golovach

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

METHODS OF SOLVING PROBLEMATIC DEMOGRAPHIC ISSUES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. Today, the problems of solving demographic issues in the literature are given quite a lot of attention. The demographic problem today is complex and ambiguous, which can be seen in the example of the Republic of Belarus.

When writing the article, the methods of analysis, synthesis, deduction, induction, comparison, and grouping were used. The study is based on the conceptual provisions, ideas, and results of the analysis of the demographic problem in the world, and on the example of the Republic of Belarus, in particular.

The object of the study is demographic problems in the Republic of Belarus. In Belarus, the demographic situation is assessed as a serious threat to the sustainable development and national security of the country and is put at the center of its social policy.

The main goal of the demographic policy of the republic, both at the national and regional levels, is to create conditions that ensure an increase in the population and an improvement in its age structure. Demographic security can contribute to the creation of the best conditions for Belarusian society – it is an integral part of national security, which determines the state of protection of the socio-economic development of the state and society from demographic threats.

To achieve an improvement in the demographic situation in the Republic of Belarus, it is necessary to solve the following tasks: strengthening the status of the family, which implies the adoption of a number of measures to stimulate the birth rate; reducing the death rate; creating a mechanism for migration replacement of natural population decline in certain regions, etc.

Keywords: demographic problem, demographic situation, demographic crisis, demographic security, demographic problem, migration, birth rate

For citation: Golovach A. A. Methods of solving problematic demographic issues in the Republic of Belarus. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 1, pp. 7–14 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-7-14>

Введение. В научной литературе уделено достаточно большое внимание решению демографических вопросов. Отдельные аспекты данной проблемы затрагивались в работах К. Борнуковой, Ф. С. Приходько, Н. И. Снытко, Н. А. Чистовой, Л. Львовского, В. Н. Шимова, Н. Г. Хацкевич, Н. Г. Забродской, Л. П. Шахотько, А. Г. Бобровой, П. П. Шахотько и др. Однако единого мнения по решению проблем сокращения и старения населения, а также по ряду других вопросов не существует. Цель статьи – выявить перспективы, возможности, пути решения проблемных демографических вопросов в Республике Беларусь.

Демографическая проблема на сегодняшний день является сложной и неоднозначной. При написании статьи использовались методы анализа, синтеза, дедукции, индукции, сравнения, группировок. В основе исследования – концептуальные положения, идеи, результаты анализа демографической проблемы в мире в целом и в Республике Беларусь в частности. Анализируются публикаций отечественных и зарубежных авторов, а также нормативные правовые акты и аналитические исследования. Объект изучения – демографические проблемы в Республике Беларусь.

Основная часть. Демографическую ситуацию в различных странах по-разному оценивают их правительства и мировое сообщество в целом. Как указывается в отчете отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, почти треть государств мира испытывают беспокойство высокими темпами увеличения численности населения, около трети считают сложившиеся в их странах темпы увеличения численности населения удовлетворительными [1].

Что касается снижения численности населения, то 73 государства из 195 стран мира (или 37 %) обеспокоены динамикой этого показателя либо считают темп роста численности населения низким. Соответственно, такая оценка формирует и содержание, и проведение в этих государствах демографической политики [1].

Согласно методике ООН, население, в котором доля лиц в возрасте 65 лет и старше составляет 7 %, считается старым [2, с. 134]. В Беларуси старение является основной тенденцией эволюции возрастной структуры населения на протяжении всего послевоенного периода. По данным переписи 2009 г., доля лиц в возрасте 65 лет и старше составляет 14 %, а в структуре сельского населения приближается к 23 % [2, с. 135].

В статье обозначены конкретные предложения для улучшения демографической ситуации и снижения последствий демографического кризиса в Республике Беларусь. Исторические и современные социально-философские идеи рассмотрены с позиций демографического детерминизма.

Проблему населения, демографии в государстве так или иначе исследовали многие ученые и философы разного времени – Платон, Конфуций, Т. Мор, М. В. Ломоносов, К. Маркс, С. Капица и др. Их идеи и оценки могут являться основанием и предпосылкой для разработки подхода к конструированию социально-демографического механизма взаимодействия государства и отслеживания демографической среды любого общества [3, с. 61; 4, с. 238].

Существенные изменения демографической ситуации за последние годы в Беларуси связаны с падением рождаемости, кризисом института семьи, ликвидацией последствий на ЧАЭС, изменением миграционных потоков, увеличением потоков эмигрантов из Беларуси, которые сопровождаются «утечкой мозгов», появлением потоков беженцев, развитием мировой пандемии COVID-19 [5, с. 7]. Таким образом, исключительно важным в Республике Беларусь является вопрос интенсивного типа демовоспроизводства, который означает улучшение демографических показателей в социальном, физическом и психическом отношениях. Значительно усилилась зна-

чимость состояния здоровья, уровня, структуры и содержания образования, продолжительности жизни, ее качества, продления общественно-трудовой активности человека. Вышеперечисленные показатели будут способствовать улучшению уровня жизни, а значит, и решению демографических проблем.

Формируется новый тип репродуктивных установок и репродуктивного поведения. В процессе перехода к новому типу жизнедеятельности демографический спектр в возрастающей мере приобретает социальную направленность, что означает наличие социальных льгот и гарантий со стороны государства многодетным семьям.

Демографические и социальные компоненты развития государственной демографической политики, будучи дифференцированными, одновременно становятся и интегрированными, что означает новый уровень социальной политики в сфере обеспечения национальной безопасности. Демографическое развитие является, с одной стороны, основой протекающих социально-экономических процессов, с другой – отражает сущность этих социально-экономических процессов, т. е. выступает их результатом.

В истории имеются примеры решения демографических проблем с помощью мигрантов. Этот опыт может быть как положительным, так и отрицательным, в том числе и для нашей республики.

В Беларуси демографическая ситуация оценивается как серьезная угроза устойчивому развитию и национальной безопасности страны и находится в центре ее социальной политики. Одна из причин падения Рима – поток африканских и азиатских мигрантов, которые только выполняли репродуктивную функцию, за что освобождались от налогов, а сами плодили дикость и аморальность. Опыт показывает, что многодетность не только решает демографические проблемы, но и порождает деструктивные асоциальные явления. Детей нужно не только рожать, но и воспитывать. Со временем подобные «микрорайоны» способны отделяться по территориальному и национальному признаку (например, Брайтон-Бич, Чайна-таун в США).

В основе той или иной демографической политики лежат конкретно-исторические условия, а также конкретная демографическая ситуация в стране. Исходя из концепции устойчивого развития государства, требующей учета разумного баланса роста населения и экономических ресурсов, наша страна имеет объективные условия для стимулирования роста рождаемости.

Во-первых, Беларусь среди европейских государств характеризуется самой низкой плотностью населения, и проблема перенаселения в ближайшие столетия не будет возникать. Во-вторых, она относится к той группе европейских (прежде всего постсоветских) государств (наряду с Украиной и Россией), в которых сложилось стабильное отрицательное сальдо естественного прироста населения в отличие от многих западных государств.

В Беларуси переход от режима расширенного воспроизводства поколений к режиму суженного воспроизводства произошел очень резко, в результате чего население не воспроизводится уже третье десятилетие.

В-третьих, Беларусь имеет такой мощный природный и экономический потенциал, как земельные и водные ресурсы. Хотя и это утверждение спорно, поскольку земли и воды часто являются непригодными для жизни. Более-менее стабильный ресурс – это леса, которые способны к регенерации. Но в Беларуси указанные природные ресурсы не являются факторами, которые требуют проведения политики сдерживания рождаемости.

Обеспеченность питьевой водой – важнейшая характеристика, используемая ЮНЕСКО при анализе уровня устойчивости развития и человеческого развития. Этот потенциал в Беларуси не вступает в противоречие с возможностью роста численности населения, а также наличными и перспективными экономическими ресурсами.

Серьезность и сложность демографических проблем Беларуси заключаются, прежде всего, в социальных проблемах будущего развития страны, хотя по сравнению со многими другими государствами постсоветского пространства демографическая ситуация в нашей республике не самая худшая. Так, в Беларуси позднее, чем в других постсоветских государствах, зафиксировано уменьшение численности населения. Это определяется активной социальной политикой белорусского государства в сфере занятости, образования и социальной поддержки населения.

Например, на сегодняшний день в белорусском обществе образ идеальной семьи, существовавший в последние десятилетия, утратил свое значение. Параллельно возник ряд моделей брачно-семейных отношений, которые раньше не имели большого распространения (сожительство, пробные браки, «материнские» семьи, когда женщины рожают «для себя») [6]. Прошедшие годы характеризовались интенсификацией процессов демографического старения. Существенные различия динамики показателя старения характерны для городской и сельской местности.

Особенно острой эта проблема является для женщин. При этом в перспективе старение населения будет ускоряться как в целом по республике, так и в городах.

В сельской местности, по прогнозам, увеличение показателя старения населения в дальнейшем изменится на его замедление. В белорусских деревнях и поселках, в которых проживает незначительное количество детей, малокомплектные школы давно закрыты. В лучшем случае ориентировочно на 10–15 деревень приходится 20–30 учеников, обучающихся в одной школе, клубов и библиотек нет. Если старение замедлится, то молодежь не захочет жить в запущенных агрогородках. По расчетам экономистов, в 2030 г. коэффициент старения населения Республики Беларусь составит 20,4 % [7, с. 349]. В городской местности он вырастет до 19,3 %, а в сельской – до 25,1 %. В целом, процесс старения явился результатом демографического перехода от высоких уровней fertильности и смертности к низким, констатация преобладания доли пожилых возрастов в обществе делает правомерным использование термина «стареющее общество» [8, с. 74].

Важной проблемой структуры населения является увеличение демографической нагрузки, которая заключается в отношении лиц в нетрудоспособном возрасте к трудоспособному населению.

Многие тенденции и явления всё больше становятся демографическими угрозами устойчивому развитию и даже национальной безопасности. Если не так давно демографическим изменениям не приписывалась роль угроз национальной безопасности, поскольку им не был свойствен широкий аспект отрицательных последствий социального, экономического и другого характера, то, следовательно, ими не оказывалось существенного воздействия на отдельные составляющие национальной безопасности.

На современном этапе такому воздействию, а скорее взаимодействию, характерно достаточно явное проявление, которое, что наиболее существенно, возрастает.

Демографическая безопасность относится к приоритетным направлениям социальной политики Республики Беларусь. При снижении общей смертности и улучшении ряда показателей, характеризующих здоровье населения, остаётся высоким уровень смертности среди лиц в трудоспособном возрасте, особенно у мужчин. Возможно, ученым, философам, экономистам еще предстоит решить, какую дилемму реализовывать: то ли добиваться снижения коэффициентов смертности до уровней рождаемости, то ли мобилизовать все доступные ресурсы на дальнейшее повышение рождаемости, которое смогло бы адекватно компенсировать убыль населения от смертности [9, с. 47]. Согласно Ж. Бодрияру, все проблемы постмодернистского общества решит единственное средство, которое может исправить ситуацию на уровне реальности, – это смерть, а смерть, как известно, означает полную утрату идентичности, а значит, и населения [10, с. 9]. Возможно, проблему перенаселения решит пандемия COVID-19?

Следует отметить также проблему значительного разрыва в показателях, характеризующих здоровье населения в разрезе городской и сельской местности, между женщинами и мужчинами. Показатель уровня рождаемости остается недостаточным для воспроизводства населения Республики Беларусь. При этом увеличивается численность пожилых людей, а также их доля в структуре общей численности населения. В то же время следует отметить проблему нестабильности в семейных отношениях, снижается ценность связи поколений и семейного образа жизни.

Важность демографических проблем и значимость их последствий для социально-экономического развития сделали демографическую проблематику приоритетной в национальной безопасности республики. Закон Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь» [4] определяет демографическую безопасность как состояние, при котором социально-экономическое развитие государства и общества защищено от демографических угроз, а развитие Республики Беларусь происходит с учётом реализации ее национальных демографических интересов.

В 2010 г. Президент Республики Беларусь Указом от 9 ноября 2010 г. № 575 утвердил Концепцию Национальной безопасности Республики Беларусь [11], в которой определён перечень основных интересов нашей страны в демографической сфере, а цель демографической политики заключается в преодолении негативных тенденций и формировании благоприятных условий демографического развития и роста численности населения.

Национальные программы демографической безопасности (2007–2010 гг. и 2011–2015 гг.) показали, что существенно улучшить демографическую ситуацию можно довольно быстрыми темпами. Меры по улучшению демографической ситуации в рамках этих программ, принятые государством, увеличили благосостояние семей с детьми. Благодаря этим мерам были созданы благоприятные условия для рождения и воспитания детей, повысились качество и доступность для населения услуг в сферах здравоохранения и образования [12, с. 11].

Вызов, возникший перед Беларусью на современном этапе в сфере демографии, – сокращение и старение населения. Адекватный ответ на этот вызов должен учитывать ограниченное влияние мер материальной поддержки на уровень рождаемости и включать в себя более широкий спектр доступных мер и механизмов, а также фокусироваться на качестве человеческого капитала [13, с. 4].

Согласно медианному прогнозному сценарию ООН, в 2050 г. в результате низкого уровня рождаемости население Беларуси сократится до 8634225 человек. Сокращение количества трудоспособного населения составит 1371836 человек. Это означает, что при условии неизменности остальных факторов ВВП к 2050 г. сократится на 16 % только из-за фактора сокращения трудоспособного населения. Ожидаемое резкое сокращение трудоспособного населения продиктовано необходимостью более эффективно использовать тот человеческий потенциал, который имеется [14, с. 20].

Это подразумевает острую необходимость инвестиций в развитие человеческого капитала и в повышение эффективности рынка труда. Старение и сокращение населения оказывают влияние на рост ВВП не только прямо, но и косвенно – через фискальный механизм. Пенсиям, детским пособиям, средствам на здравоохранение и образование отводится роль важных статей расходов, которые прямо определяются возрастным составом населения [15].

Текущая пенсионная система без изменений размера взносов, пенсий будет генерировать большие дефициты, которые составят приблизительно 5–10 % от ВВП, что вряд ли можно легко компенсировать другими статьями бюджета [16, с. 103].

Повышение размера взносов – серьезный вызов для конкурентоспособности предприятий Республики Беларусь, поскольку на данный момент их величина уже является одной из самых высоких из стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Для сравнения: этот показатель в России составляет до 30 %, в Польше – до 34, в Украине – 22, в Беларуси – 35 % [1].

Гендерный аспект демографических проблем также является немаловажным. Женщины имеют, как правило, более низкий доход, чем мужчины [16, с. 21]. Прослеживается связь демографических проблем с молодежной политикой, процессом иммиграции. Иммиграционные процессы также напрямую связаны с демографическими проблемами. Иммиграция может как решить, так, наоборот, и усугубить демографические проблемы. Очевиден и негативный, и позитивный аспект этих явлений. Иммиграцию часто связывают с социально-политическими кризисами многих государств и супердержав древности.

На рост ВВП Республики Беларусь может негативно влиять фактор активной эмиграции населения не только по причине уменьшения количества населения, но и из-за изменения его качественного состава. Возраст эмигрантов из Республики Беларусь ниже, а также они более образованы, чем население страны в среднем.

Необходимо отдельно отметить миграцию граждан Республики Беларусь, которые выезжают за границу для обучения в учреждениях высшего образования. Несмотря на то что выезд за рубеж в целях получения образования не обязательно придаётся статус эмиграции, часто он становится первым шагом к переезду на постоянное место жительства [17, с. 32].

Таким образом, в качестве основной цели демографической политики страны как на национальном, так и региональном уровне является создание условий, обеспечивающих увеличение

численности населения и улучшение его возрастной структуры. Созданию наилучших условий для белорусского общества может способствовать демографическая безопасность – составная часть национальной безопасности, определяющая состояние защищенности социально-экономического развития государства и общества от демографических угроз, при котором обеспечивается развитие Республики Беларусь в соответствии с ее национальными демографическими интересами [11]. Достижение данной цели требует решения следующих задач.

1. *Укрепление статуса семьи, что подразумевает:*

усиление социальной рекламы;
развитие служб семейных психологических консультаций;
создание специальных курсов по основам семьи и брака для молодежи.

2. *Стимулирование рождаемости за счет:*

предоставления материнского капитала при рождении третьего и последующего ребенка;
введения дифференцированных пособий по уходу за детьми, учитывающих экологическую благополучность территории проживания семьи;
создания условий, обеспечивающих возможность совмещения семейных и трудовых обязанностей.

3. *Сокращение уровня смертности, прежде всего в трудоспособном возрасте, от внешних причин подразумевает:*

повышение доступности медицинской помощи;
повышение качества медицинской помощи;
усиление профилактической составляющей здравоохранения;
формирование условий для повышения популярности установок здорового образа жизни и самосохранительного поведения среди населения.

4. *Создание механизма миграционного замещения естественной убыли населения в отдельных регионах, что требует:*

включения в разрабатываемые региональные Стратегии устойчивого развития инвестиционных проектов создания новых производств, а также мер проведения селективной миграционной политики;
включения в программы социально-экономического развития отсталых районов экономических стимулов для переселенцев (например, регионально-дифференцированные меры по перераспределению иммиграционных потоков между регионами).

Заключение. Таким образом, преодоление негативных демографических тенденций в Республике Беларусь возможно только посредством комплексной, целенаправленной демографической политики, направления денежных средств на улучшение качества жизни и укрепление здоровья населения. Необходимо принять неотложные меры по увеличению рождаемости, упрощению процедуры получения жилья и ипотечного кредитования молодыми семьями, пропаганде семейных ценностей.

Подводя итог, следует отметить, что демографическая безопасность выступает в качестве приоритетного направления социальной политики нашего государства. Законодательство Республики Беларусь определяет демографическую безопасность как состояние, при котором социально-экономическое развитие государства и общества защищено от демографических угроз, при этом развитие Республики Беларусь происходит с учётом реализации ее национальных демографических интересов. Вызов, возникший перед Беларусью на современном этапе в части демографии, – сокращение и старение населения. Адекватный ответ на этот вызов должен учитывать ограниченное влияние мер материальной поддержки на уровень рождаемости и включать в себя более широкий спектр доступных мер и механизмов, а также фокусироваться на качестве человеческого капитала.

Для стимулирования рождаемости необходимо предоставление материнского капитала при рождении третьего и последующего ребенка; введение дифференцированных пособий по уходу за детьми с учетом экологической благополучности территории проживания семьи; создание условий для совмещения семейных и трудовых обязанностей. Сокращение уровня смертности, прежде всего в трудоспособном возрасте от внешних причин, может быть осуществлено за счёт

повышения доступности медицинской помощи; повышения качества медицинской помощи; усиления профилактической составляющей здравоохранения; формирования условий для ведения здорового образа жизни и самосохранительного поведения населения. Создание механизма миграционного замещения естественной убыли населения в отдельных регионах требует включения в разрабатываемые региональные стратегии устойчивого развития инвестиционных проектов по созданию новых производств, а также мер по проведению селективной миграционной политики; включения в программы социально-экономического развития отсталых районов экономических стимулов для переселенцев. Удастся ли решить все вышеперечисленные демографические проблемы, покажет время, а также совместные усилия ученых, экономистов, философов.

Список использованных источников

1. PWC 2019: Worldwide Tax Summaries Online [Electronic resource]. – Mode of access: <http://taxsummaries.pwc.com/> ID/taxsummaries-home. – Date of access: 16.12.2020.
2. Шахотъко, Л. П. Демографический потенциал и его развитие / Л. П. Шахотъко, А. Г. Боброва // Социально-экономическая модель: становление и развитие: теория, методология, практика : в 2 кн. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики ; под общ. ред. В. Г. Гусакова. – Минск, 2015. – Кн. 2. – С. 131–162.
3. Михеева, А. Р. Философские взгляды на демографический фактор развития общества / А. Р. Михеева // Идеи и взгляды. – 2014. – Т. 2, № 4 (22). – С. 61–68.
4. Чистова, Н. А. Философские основания демографических проблем: исторический обзор / Н. А. Чистова // Молодой ученый. – 2019. – № 9 (247). – С. 238–241.
5. Приходько, Ф. С. Особенности демографического кризиса в Республике Беларусь и пути его преодоления / Ф. С. Приходько // Вестн. Междунар. ин-та экономики и права. – 2013. – № 3 (12). – С. 7–14.
6. Пути решения демографических проблем в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mydocx.ru/6-103852.html>. – Дата доступа: 01.05.2021.
7. Привалова, Н. Н. Демографические риски, обусловленные старением населения Беларуси / Н. Н. Привалова // Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах (к 50-летию кафедры народонаселения): Девятые Валентеевские чтения : сб. ст. и тез. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; ред.: И. Е. Калабихина, Н. М. Калмыкова. – М., 2017. – С. 347–355.
8. Снытко, Н. И. Социально-культурные последствия старения населения / Н. И. Снытко // Беларус. думка. – 2008. – № 3. – С. 74–79.
9. Рубин, Я. И. Современная демографическая проблема в Беларуси / Я. И. Рубин // Социол. исслед. – 2009. – № 2. – С. 46–51.
10. Алиханова, В. Л. Кризис идентичности в философии постмодерна (по произведениям Ж. Бодрияра и Ж. Деррида) / В. Л. Алиханова // Время науки. – 2017. – № 2. – С. 8–12.
11. Концепция Национальной безопасности Республики Беларусь : [утв. Указом Президента Респ. Беларусь 9 нояб. 2010 г. № 575]. – Минск : Белорус. Дом печати, 2011. – 47 с.
12. Миронова, Т. Н. Особенности демографической ситуации и приоритеты демографической политики Республики Беларусь / Т. Н. Миронова // Социально-трудовая сфера и демографическое развитие Республики Беларусь : материалы междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (28–29 нояб. 2017 г., Минск) / [редкол.: Т. Н. Миронова (гл. ред.) и др.]. – Минск, 2018. – С. 11–16.
13. Шимов, В. От стабильности к росту / В. Шимов // Банк. весн. – 2020. – № 3 (680). – С. 4–5.
14. Хацкевич, Г. А. Демографический прогноз и миграционная политика в Республике Беларусь: проблемы и перспективы / Г. А. Хацкевич, Н. Г. Забродская // Бизнес. Инновации. Экономика : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т, Ин-т бизнеса и менеджмента технологий. – Минск, 2018. – Вып. 2. – С. 19–28.
15. Национальная платформа бизнеса Беларусь – 2018 «От возможностей к реальности» / Координац. совет по развитию и продвижению «Национальной платформы бизнеса Беларусь» ; под ред. В. Н. Карагина. – Минск : Кодорград, 2018. – 223 с.
16. Lisenkova, K. Effects of population ageing on the pension system in Belarus / K. Lisenkova, K. Bornukova // Baltic J. of Economics. – 2017. – № 2. – Р. 103–118. <https://doi.org/10.1080/1406099X.2017.1318000>
17. Борнукова, К. Демография как вызов для экономического роста / К. Борнукова, Л. Львовский // Банк. весн. – 2020. – № 3 (680). – С. 31–35.

References

1. PWC 2019: Worldwide Tax Summaries Online. Available at: <http://taxsummaries.pwc.com/> ID/taxsummaries-home (accessed 16.12.2020).
2. Shakhot'ko L. P., Bobrova A. G. Demographic potential and its development. *Sotsial'no-ekonomicheskaya model': stanovlenie i razvitiye: teoriya, metodologiya, praktika* [Socio-economic model: formation and development: theory, methodology, practice]. Minsk, 2015, blk. 2, pp. 131–162 (in Russian).
3. Mikheeva A. R. Philosophical views on demographic factor of society progress. *Idei i vzglyady = Ideas and Ideals*, 2014, vol. 2, no. 4 (22), pp. 61–68 (in Russian).

4. Chistova N. A. Philosophical foundations of demographic problems: a historical review. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2019, no. 9 (247), pp. 238–241 (in Russian).
5. Prikhodko F. S. Special aspects of demographic crisis in the Republic of Belarus and ways of overcoming it. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava = Herald of International Institute of Economics and Law (Russia)*, 2013, no. 3 (12), pp. 7–14 (in Russian).
6. *Ways of solving demographic problems in the Republic of Belarus*. Available at: <https://mydocx.ru/6-103852> (accessed 01.05.2021) (in Russian).
7. Privalova N. N. Demographic risks arising from the ageing of the population of Belarus. *Demograficheskoe obrazovanie i izuchenie narodonaseleniya v universitetakh (k 50-letiyu kafedry narodonaseleniya): Devyatye Valenteevskie chteniya: sbornik statei i tezisov* [Demographic education and the study of population in universities (for the 50th anniversary of the Department of Population) (Ninth Valenteyev Readings): collection of articles and theses]. Moscow, 2017, pp. 347–355 (in Russian).
8. Snytko N. I. Socio-cultural consequences of population aging. *Belaruskaya dumka* [Belarusian Thought], 2008, no. 3, pp. 74–79 (in Russian).
9. Roubin Ya. I. Belarus': current demographic problem. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2009, no. 2, pp. 46–51 (in Russian).
10. Alikhanova V. L. The crisis of identity in postmodern philosophy (based on the works of Zh. Baudrillard and J. Derrida). *Vremya nauki = The Times of Science*, 2017, no. 2, p. 8–12 (in Russian).
11. *The concept of National Security of the Republic of Belarus: Decree of the President of the Republic of Belarus of November 9, 2010*, no. 575. Minsk, Belarusian House of Press, 2011. 47 p. (in Russian).
12. Mironova T. N. Features of the demographic situation and priorities of the demographic policy of the Republic of Belarus. *Sotsial'no-trudovaya sfera i demograficheskoe razvitiye Respubliki Belarus': materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh (28–29 noyabrya 2017 g., Minsk)* [Socio-labor sphere and demographic development of the Republic of Belarus: materials of the International scientific-practical conference of young scientists (November 28–29, 2017, Minsk)]. Minsk, 2018, pp. 11–16 (in Russian).
13. Shimov V. N. From stability to growth. *Bankauski vesnik = Bank Bulletin Journal*, 2020, no. 3 (680), pp. 4–5 (in Russian).
14. Khatskevich G. A., Zabrodskaya N. G. Demographic forecast and migration policy in the Republic of Belarus: problems and prospects. *Biznes. Innovatsii. Ekonomika: sbornik nauchnykh statei* [Business. Innovation. Economy: collection of scientific articles]. Minsk, 2018, iss. 2, pp. 19–28 (in Russian).
15. Karyagin V. N. (ed.). *Belarus national business platform – 2018 "Turning opportunities into reality"*. Minsk, Kolorgrad Publ., 2018. 223 p. (in Russian).
16. Lisenkova K., Bornukova K. Effects of population ageing on the pension system in Belarus. *Baltic Journal of Economics*, 2017, no. 2, pp. 103–118. <https://doi.org/10.1080/1406099X.2017.1318000>
17. Bornukova K., Lvovskiy L. Demography as a challenge for economic growth. *Bankauski vesnik = Bank Bulletin Journal*, 2020, no. 3 (680), pp. 31–35 (in Russian).

Информация об авторе

Головач Алла Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии. Белорусский государственный экономический университет (пр. Партизанский, 22а, корп. 4, 220070, Минск, Республика Беларусь). E-mail: alla_minsk@tut.by

Information about the author

Alla A. Golovach – Ph. D. (Philos.), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy. Belarusian State Economic University (22a Partizanskii Ave., Bldg 4, Minsk 220070, Belarus). E-mail: alla_minsk@tut.by

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 004.8:7.01

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-15-20>

Поступила в редакцию 14.05.2021

Received 14.05.2021

И. К. Ставровский

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ТВОРЧЕСТВО

Аннотация. Одной из самых знаменитых альтернатив теста Тьюринга является тест Лавлейс, который предлагает использовать понятие «творчество» как способ оценки способности искусственного интеллекта мыслить в том же смысле, что и человек. В статье демонстрируется, что понятие «творчество» слишком неоднозначно, чтобы использовать его как критерий чего-либо. Кроме того, показано, что обе версии теста Лавлейс, по сути, являются бихевиористскими, поэтому принципиально не могут доказать способность машины мыслить.

Ключевые слова: искусственный интеллект, тест Тьюринга, тест Лавлейс, психология творчества, философия творчества

Для цитирования: Ставровский, И. К. Искусственный интеллект и творчество / И. К. Ставровский // Вес. Нац. акад. навук Беларуси. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 1. – С. 15–20. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-15-20>

Igor K. Stavrovsky

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND CREATIVITY

Abstract. The Lovelace Test is one of the most famous alternatives to the Turing Test. It suggests to use the concept of creativity as a way to estimate the ability of artificial intelligence to think in the same sense as a human being. It is demonstrated in the article that the concept of creativity is too ambiguous to be used as a criteria of anything. It is shown that both versions of the Lovelace Test are inherently behaviorist and therefore cannot prove the ability of a machine to think.

Keywords: artificial intelligence, Turing test, Lovelace test, psychology of creativity, philosophy of creativity

For citation: Stavrovsky I. K. Artificial intelligence and creativity. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 1, pp. 15–20 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-15-20>

Введение. Долгое время способности человеческого разума считались уникальными, единственными в своем роде. Машины, в свою очередь, рассматривались как устройства, способные выполнять только примитивные задачи, которые не сравняются по сложности с тем, на что способен человек. Подобное представление зависело от уровня развития технологий прошлого, поэтому по мере развития вычислительной техники становилось все более очевидным, что исключительность человеческого разума была сильно переоценена.

Еще сравнительно недавно навык быстрого счета в уме, хорошая память или, к примеру, мастерство в шахматах рассматривались как надежные признаки высокого интеллекта, причем исключительно человеческого. Однако компьютеры доказали, что могут справляться со всем этим заметно лучше нас. Это должно было сильно пошатнуть или даже полностью разрушить представление людей об уникальности своих когнитивных способностей.

Отчасти это случилось, но гораздо интереснее другое. Каждый раз, когда компьютеры демонстрировали свое превосходство над человеком или даже просто овладевали «исключительно человеческими» способностями, эти самые способности объявлялись чем-то тривиальным, механическим и не заслуживающим внимания. Проще говоря, престиж этих способностей падал в той степени, в которой ими овладевали компьютеры.

У данного события есть два взаимодополняющих следствия.

Первое заключается в том, что произошла демистификация этих способностей. Хотя они еще могут впечатлять, мы все же понимаем, что здесь нет никакой магии или тайны. Это можно

сравнить с тем, как компьютеры воспринимают люди, не разбирающиеся в их устройстве. Да, человек не знает, что именно происходит внутри машины, но он понимает, что это просто вопрос получения соответствующего знания.

Второе следствие объясняет описанную выше потерю престижа тем, что люди стремятся любой ценой сохранить свою уникальность. Ради этого можно «пожертвовать» некоторыми способностями, признав их не исключительно человеческими. Главное сохранить что-то все еще делающее нас особенными, а не всего лишь биороботами.

Таким образом, хотя люди пересмотрели представления о своей уникальности, они вовсе от нее не отказывались.

Одной из главных черт бытия человеком до сих пор считается способность к творчеству. Многие скажут: «Пусть машины занимаются скучными вычислениями, но им никогда не написать симфонию». Отчасти это утверждение справедливо. Так, в 2019 г. искусственный интеллект дописал неоконченную симфонию Густава Малера. Однако это не создание нового произведения с нуля. Машина анализировала произведения умершего композитора, выделяя общие для его творчества паттерны, на основании чего предлагала различные варианты продолжения симфонии. При этом выбор лучшего варианта осуществлял человек. Более того, поклонники композитора заметили переход от оригинального произведения к части, которая была создана компьютером. Они также обратили внимание, что в дописанной части симфонии пропала «эмоциональная глубина» [3].

Мы можем предположить, что мнение поклонников Малера было предвзятым. Однако это не отменяет того факта, что выбор продолжения симфонии осуществлял человек. Таким образом, искусственный интеллект выступает не в роли творца, а скорее в роли высокотехнологичного инструмента. Его существование – не более чем любопытный факт, который никак не оспаривает место человека в мире.

Тем не менее вопрос о том, может ли машина творить, не теряет своей актуальности. Хотя современные разработки не могут впечатлить нас своими творческими способностями, однако в будущем ситуация может сильно измениться. Но даже если машины никогда не смогут творить в том же смысле, что и человек, сам вопрос может помочь разобраться в понятии «творчество».

Две версии теста Лавлейс. Классическим методом оценки способности искусственного интеллекта демонстрировать разумное поведение (т. е. неотличимое от человеческого) является тест Тьюринга. Во время тестирования основной задачей искусственного интеллекта является победа в игре в имитацию, т. е. в ходе диалога убедить собеседника-человека в том, что он тоже человек. При этом собеседник-человек не видит и не слышит, с кем он разговаривает, поэтому он может полагаться только на текст, появляющийся на экране монитора.

Тест Тьюринга много раз подвергался критике со стороны разных авторов, однако мы не будем останавливаться на этом подробно. Достаточно указать, что для прохождения теста Тьюринга разработчики искусственного интеллекта используют мелкие уловки и трюки, даже не пытаясь создать разумную машину [1, с. 40].

В качестве альтернативы тесту Тьюринга Сельмер Брингсйорд, Пол Белло и Дэвид Ферруччи предложили тест Лавлейс [6], названный в честь леди Ады Лавлейс – математика и одного из разработчиков первой вычислительной машины. Лавлейс утверждала, что компьютер лишь тогда можно будет считать разумным, когда он сможет создавать новое.

Здесь важно отметить, что новизна не должна быть результатом ошибки или случайности. Действительно, нет ничего сложного в том, чтобы написать программу, которая будет создавать случайные последовательности чисел, слов, цветовых пятен, звуков и т. д. В некоторых случаях мы даже сможем придать смысл этим последовательностям, находить их красивыми и интересными. Тем не менее это будет лишь игрой случайности.

Это подводит нас к другому важному замечанию: новизна не должна сводиться к субъективному ощущению. Для маленького ребенка новым будет являться многое из того, что взрослым людям кажется тривиальным. Аналогично неспециалист в какой-либо области будет считать новым практически все, что он узнает, в то же время для эксперта практически все будет знакомо. Таким образом, нас интересует новизна не как психологический факт удивления того или иного человека. Нужен более формальный критерий.

Брингсйорд, Белло и Ферруччи учли эти замечания и формализовали идею Лавлейс следующим образом:

*Человек **H** разработал искусственный интеллект **A**, создающий рассказы. Если **A** создает рассказ **o**, который не является ошибкой, и **H** не может объяснить, как **o** был создан, то **A** следует рассматривать как способный к творчеству.*

Сделаем несколько уточнений:

1) **o** не обязательно должен быть рассказом, это может быть любое произведение или продукт;

2) в распоряжении **H** должна быть полная информация об архитектуре и принципах работы **A**. При необходимости **H** может изучить любой элемент **A**;

3) удачным объяснением работы **A** будет считаться воспроизведение результатов его деятельности с помощью простой манипуляции символами. Иными словами, **H** должен продемонстрировать четкий алгоритм действий;

4) поиск объяснения может занять сколько угодно времени, но в пределах разумного – не более нескольких лет.

В своей статье Брингсйорд, Белло и Ферруччи утверждают, что современные системы искусственного интеллекта не могут пройти тест Лавлейс. Компьютеры, которые пишут истории, ничего не создают. На самом деле разработчики потратили годы, чтобы выработать алгоритм создания историй. Несовершенства работы системы компенсируются добавлением все новых правил *ad hoc*. Это относится даже к обучающимся машинам.

Таким образом, тест Лавлейс предлагает альтернативный способ оценки способности искусственного интеллекта демонстрировать разумное поведение, неотличимое от человеческого, заменив способность поддерживать диалог на способность создавать рассказы.

К сожалению, в действительности тест Лавлейс является непроходимым. Любой **H**, имеющий время и необходимые ресурсы для создания **A**, сможет объяснить **o** [7]. Ведь наличие полной информации об архитектуре и принципах работы системы подразумевает понимание того, как она создает что-либо. Если же **o** не является результатом случайности, что оговорено в самих условиях теста, то необходимо должен существовать алгоритм его создания, пусть даже очень сложный.

Можно пойти дальше, задав следующий вопрос: а что если однажды будет обнаружен «алгоритм» человеческого творчества? Должны ли мы в этом случае признать человека не способным к творчеству? Независимо от ответа на вопрос тест Лавлейс оказывается бессмысленным. Либо никто не способен к творчеству, либо человек считается способным к творчеству априори.

Важно отметить и то, что человеку не требуется специальная теория творчества, чтобы творить. Обучение позволяет увеличить мастерство, сложность и качество произведений, но творчество как таковое доступно даже маленьким детям. У них есть знание-как без знания-что [1, с. 7]. Искусственный интеллект в то же время нуждается в наборе однозначных правил. Они могут быть предзаданными или выработанными в процессе «обучения» нейронной сети, но это всегда конкретный набор правил. При таких условиях любое действие искусственного интеллекта будет принципиально объяснимым, потому тест Лавлейс будет непроходимым априори.

Но допустим, что **H** не смог объяснить, как **A** создал **o**. Значит ли это, что мы должны признать, что **A** успешно прошел тест Лавлейс? Едва ли. Само условие, ограничивающее время, отведенное на объяснение, абсолютно произвольно. Почему **H** отводится всего несколько лет? Что если объяснение займет 10 или даже 100 лет? У нас нет оснований считать, что объяснение, поиск которого занял год, качественно отличается от объяснения, на которое пришлось затратить десятилетия. Это замечание тем более примечательно, если учесть, что ответы на многие вопросы наука получает лишь спустя столетия исследований, проводимых поколениями ученых.

Позднее Марк О. Ридл попытался переработать тест Лавлейс и создал его вторую версию – тест Лавлейс 2.0 [7]. Он формулируется следующим образом:

***A** создает артефакт **o** типа **t**. При этом **o** отвечает множеству условий **C**, где каждое условие **c_i** ∈ **C** выражено на естественном языке. **H** выбирает **t** и **C**, а затем оценивает, насколько созданный **o** им соответствует. Рефери **R** проверяет, чтобы сочетание **t** и **C** было возможным.*

Способность А создать о, отвечающее требованиям т и С, является сильным индикатором интеллекта.

Вторая версия теста Лавлейс частично решает проблемы первой версии. По крайней мере, тест становится проходимым, ведь есть рефери, который проверяет выполнимость заданных условий. Однако вторая версия теста все равно страдает от проблемы произвольности избранных критериев оценки. Не понятно ни то, почему нам следует доверять оценкам **H** и **R**, ни то, почему способность А создать **o** является надежным индикатором интеллекта.

Обе версии теста Лавлейс предполагают, что создание вымышленных историй требует ряда когнитивных способностей человеческого уровня. Проблема заключается в том, что в действительности мы этого не знаем, поскольку понятие «творчество» является достаточно проблемным.

Проблема понятия «творчество». Уже в античности творчество считалось отличительной чертой человека, признаком его разумности. Конечно, эта способность приписывалась также различным мифическим существам, однако все они обладали разумом человеческого типа. Поэтому данное уточнение не меняет сути, и мы не будем к нему возвращаться в дальнейшем.

Важно отметить, что до сих пор нет единой научной теории творчества. Сложно даже дать конкретное определение этому понятию [2, с. 7]. Однако если говорить в самых общих чертах, то творчество можно определить как деятельность по созданию чего-либо, которая характеризуется:

- 1) *оригинальностью* – творец может вдохновляться и опираться на другие произведения, однако он обязательно должен привносить что-то новое;
- 2) *необусловленностью* – предполагается, что человек творит не ради денег, славы и т. д., а в силу внутреннего желания;
- 3) *спонтанностью* – хотя выполнение творческой задачи может требовать особых навыков и соблюдения правил, их правильное применение само по себе не гарантирует достижения успеха.

Как отмечал Б. Гизелин, различие между творческой и нетворческой деятельностью является скорее субъективным [2, с. 12]. И действительно, ни одна из перечисленных характеристик творчества не может быть однозначно измерена. Остановимся на этом подробней.

Начнем с оригинальности. Строго говоря, не существует ничего полностью уникального. Художник ограничен видимым цветовым спектром, музыкант – слышимым диапазоном звука, писатель – выразительными способностями языка. Более того, идеи для своих произведений творец заимствует из окружающего мира, книг, других произведений искусства и т. д. На это указывал и сам Тьюринг в своем ответе леди Лавлейс [5, с. 79–85]. Таким образом, абсолютная оригинальность невозможна.

Однако возникает вопрос: какая степень оригинальности достаточна, чтобы назвать деятельность творческой? Можно ли это как-то измерить? Где проходит граница между еще не оригинальным и уже оригинальным? Эти и многие другие вопросы рождаются сами собой. Вероятно, на них можно ответить в рамках той или иной концепции творчества. Однако, как было отмечено выше, пока нет согласия по поводу того, какая именно теория творчества верна. Следовательно, мы не можем дать однозначный критерий оригинальности.

Что касается необусловленности, то мы вынуждены верить творцу на слово, когда он говорит, что творчество для него важнее всего. Биографические факты могут делать его утверждения о собственной мотивации более или менее правдоподобными, но окончательного доказательства мы не получим. Даже художник, живущий в нищете, может думать только о деньгах, просто ему не хватило таланта или удачи, чтобы продать свои картины. Возможна обратная ситуация: богатый художник всю жизнь творил только ради удовольствия, лишь случайно став успешным.

Также неверно было бы описывать мотивацию человека как нечто монолитное и неизменное. Например, мы легко можем согласиться, что художник может рисовать лишь ради творчества в юности, но с годами стать циничным, продолжая работать лишь ради денег. При этом мотивация человека часто является суммой сразу нескольких желаний и целей. Человек может искренне любить творчество, но не менее искренне желать денег и славы. Едва ли здесь возможно измерить процентное соотношение. Более того, даже для самого творца могут быть не до конца очевидны его мотивы.

Есть еще одна проблема, связанная с необусловленностью. Изменим ли мы отношение к произведению искусства, которое считаем великим, если узнаем, что оно было создано только ради денег? Если нет, то похоже, что мотивация художника все же не имеет значения. Если да, то нечто становится или перестает быть произведением искусства исключительно в силу общественного мнения о мотивации автора. Что примечательно, искусственный творец мог бы продемонстрировать большую необусловленность, чем любой из когда-либо живущих людей.

Наконец, спонтанность также является скорее проблемой для прояснения понятия «творчество». Сложно или даже невозможно обнаружить в этом процессе какие-либо методы и техники, гарантирующие успех. Кажется, что это соответствует интуитивному представлению о творчестве, но, что важнее, к этому мнению склоняются многие теоретики. Например, с точки зрения А. Л. Галина, творчество высшего типа необходимо требует использования интуиции [2, с. 22]. Я. А. Пономарев и вовсе утверждает, что сама идея «логики открытий» противоречит смыслу понятия «творчество» [2, с. 28]. Следовательно, способ создания произведения всегда сохраняет принципиальную непроясненность и даже таинственность.

Итак, все три выделенные нами характеристики творчества делают его непригодным для использования в качестве критерия: оригинальность – слишком неоднозначный критерий, необусловленность в действительности не имеет существенного значения, а спонтанность делает понятие «творчество» принципиально непроясняемым.

Дополнительно можно задать следующий вопрос: все ли люди способны к творчеству? Ответ будет зависеть от того, насколько широко мы трактуем понятие «творчество». Сужение понятия «творчество» приведет нас к выводу, что не все люди разумны, например, если творчеством мы готовы назвать только создание произведений искусства, научных теорий и т. п. Расширение понятия, напротив, вынудит нас признать способность к творчеству и разумность за животными, машинами или даже, к примеру, погодными явлениями, если творчеством мы называем любое создание чего-то нового. Также мы рискуем начать решать задачу от ответа, подбирая такое определение понятию «творчество», которое соответствует нашим представлениям о способности людей к творчеству.

Таким образом, у нас нет однозначного мнения насчет способности людей к творчеству. Но в таком случае мы должны признать, что несправедливо требовать от машины доказывать разумность, демонстрируя способность к творчеству, если мы не можем достаточно однозначно определить это понятие. Велик риск того, что наша интерпретация понятия «творчество» будет напрямую зависеть от желания доказать или опровергнуть способность искусственного интеллекта к творчеству.

Обе версии теста Лавлейс страдают от описанной проблемы. Они предлагают произвольные критерии для оценки способности искусственного интеллекта к творчеству. Поэтому, с одной стороны, нет уверенности, что успешное прохождение теста доказывает наличие у агента способности к творчеству. Всегда есть вероятность, что проверка была недостаточно тщательной. С другой стороны, не является очевидным, что неспособность пройти тест Лавлейс доказывает неспособность агента к творчеству. Вполне возможно, что требование является принципиально невыполнимым. Следовательно, у нас нет оснований считать, что тест Лавлейс проверяет что-то большее, чем способность пройти тест Лавлейс.

Заключение. Как тест Тьюринга, так и обе версии теста Лавлейс по сути являются бихевиористскими тестами, т. е. они пытаются оценить наличие способности мыслить по внешним проявлениям. Однако здесь упускается сама суть вопроса о способности машины мыслить. В случае с человеком мы, как правило, не ставим такой вопрос, а изначально предполагаем за ним способность мыслить. Основанием обычно является примерно следующее рассуждение:

Я человек.

Я способен мыслить.

X тоже человек.

Следовательно, X тоже способен мыслить.

Хотя это не является строгим доказательством, подобный довод имеет некоторую убедительность. Отсюда мы можем предположить, что за поведенческими реакциями других людей стоят те же мыслительные процессы, которые мы обнаруживаем у себя.

Но в случае с искусственным интеллектом у нас нет оснований для подобного предположения, ведь машина не только не является человеком, но даже не похожа на него. И дело вовсе не во внешнем сходстве, добиться которого можно сравнительно легко. Проблема заключается в том, что принцип работы искусственного интеллекта значительно отличается от принципов работы человеческого мозга. Также известно, что компьютер и мозг по-разному решают одни и те же задачи. Следовательно, нам достоверно известно, что сколь угодно сложный искусственный интеллект не мыслит в том же смысле, что и человек. По этой причине до тех пор, пока структурная организация искусственного интеллекта не станет подобной человеческому мозгу, бихевиористские тесты не будут иметь никакого значения.

Список использованных источников

1. Дрейфус, Х. Чего не могут вычислительные машины: критика искусственного разума / Х. Дрейфус ; пер. с англ. – Изд. 2-е. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 336 с.
2. Ильин, Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2008. – 433 с.
3. Оркестр сыграл законченную ИИ симфонию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://naked-science.ru/article/hi-tech/orkestr-sygral-zakonchennuyu-ii>. – Дата доступа: 21.02.2021.
4. Серл, Д. Сознание, мозг и программы / Д. Серл // Аналитическая философия: становление и развитие : антология : [пер. с англ., нем.] / общ. ред. и сост. А. Ф. Грязнова. – М., 1998. – С. 376–400.
5. Тьюринг, А. Вычислительные машины и разум / А. Тьюринг ; [пер. с англ. К. Королева]. – М. : ACT, 2018. – 128 с.
6. Bringsjord, S. Creativity, the Turing test, and the (better) lovelace test / S. Bringsjord, P. Bello, D. A. Ferrucci // The Turing test: the elusive standard of artificial intelligence / ed. J. H. Moor. – Dordrecht, 2003. – P. 215–239. https://doi.org/10.1007/978-94-010-0105-2_12
7. Riedl, M. O. The Lovelace 2.0 Test of artificial creativity and intelligence [Electronic resource] / M. O. Riedl. – Mode of access: <https://arxiv.org/pdf/1410.6142.pdf>. – Date of access: 21.02.2021.

References

1. Dreyfus H. L. *What computers can't do: a critique of artificial reason*. Cambridge, MIT Press, 1992. 429 p.
2. Il'in E. P. *Psychology of creativity, creativity, giftedness*. St. Petersburg, Peter Publ., 2008. 433 p. (in Russian).
3. *The orchestra played a symphony completed by AI*. Available at: <https://naked-science.ru/article/hi-tech/orkestr-sygral-zakonchennuyu-ii> (accessed 21.02.2021) (in Russian).
4. Searle J. Minds, brains, and programs. *Behavioral and Brain Sciences*, 1980, vol. 3, no. 3, pp. 417–424. <https://doi.org/10.1017/s0140525x00005756>
5. Turing A. *Computing machinery and intelligence*. Moscow, AST Publ., 2018. 128 p. (in Russian).
6. Bringsjord S., Bello P., Ferrucci D. A. Creativity, the Turing Test, and the (Better) Lovelace Test. *The Turing test: the elusive standard of artificial intelligence*. Dordrecht, 2003, pp. 215–239. https://doi.org/10.1007/978-94-010-0105-2_12
7. Riedl M. O. *The Lovelace 2.0 Test of artificial creativity and intelligence*. Available at: <https://arxiv.org/pdf/1410.6142.pdf> (accessed 21.02.2021).

Информация об авторе

Ставровский Игорь Константинович – младший научный сотрудник. Институт философии, Национальная академия наук Беларусь (ул. Сурганова 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: tutoriks@gmail.com

Information about the author

Igor K. Stavrovsky – Junior Scientific Researcher. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganova Str., Bldg 2, 220072 Minsk, Belarus). E-mail: tutoriks@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 316.42+316.25

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-21-30>

Поступила в редакцию 14.05.2021

Received 14.05.2021

Т. М. Шавердо

Институт социологии Национальной академии наук Беларусь, Минск, Беларусь

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ «СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО» В СОЦИОЛОГИИ

Аннотация. Выявляется логика проблематизации категории «социальное пространство» в социологии на основе анализа пространственных концепций Г. Зиммеля, П. Сорокина и П. Бурдье. В соответствии с теоретическими положениями Г. Зиммеля эксплицируются базовые качества пространства как формы социальной жизни, аккумулирующие в себе физические и символические аспекты. Точкой проблематизации в данной концепции выступает отсутствие однозначных аргументов относительно направленности связи между характером социальной структуры и многообразием пространственных форм. Посредством теории социального пространства П. Сорокина демонстрируется перемещение исследовательского фокуса на символическую структуру социальных позиций, что приводит к ускользанию социального смысла физической близости и дистанции, а также смешению понятий физического и геометрического пространства. На основании социальной топологии П. Бурдье показывается органическая связь материальных и нематериальных аспектов пространства, а вопрос о соподчиненности структуры социальных позиций и пространственных форм находит разрешение в пользу причиняющих сил первого. С помощью теоретических схем Р. Карнапа и А. Лебевра представлены два противоположных взгляда на место «социального» в исследовании пространства. Производится различие понятий физического, геометрического и социального пространства. Эксплицируются онтологические и эпистемологические аспекты исследуемого феномена. Обозначаются два подхода к определению социального пространства, первый из которых предполагает акцент на социальном взаимодействии и соприсутствии социальных акторов, второй – на социальной практике в широком смысле этого слова. Формулируется авторское определение социального пространства.

Ключевые слова: социальное пространство, социология пространства, пространственная форма, социальная структура, площадка социального взаимодействия, социология пространства Г. Зиммеля, социальная топология П. Бурдье, теория социального пространства П. Сорокина

Для цитирования: Шавердо, Т. М. Проблематизация категории «социальное пространство» в социологии / Т. М. Шавердо // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 1. – С. 21–30. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-21-30>

Tamara M. Shaverdo

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PROBLEMATIZATION OF THE “SOCIAL SPACE” CATEGORY IN SOCIOLOGY

Abstract. The article is devoted to the problem of forming a conceptual-categorical apparatus in the field of social topography and reveals the dynamics of problematization of the category “social space” in sociology. The logic of the movement of the research focus in the spatial concepts created by G. Simmel, P. Sorokin and P. Bourdieu are explicated. The ratio of the material and non-material sides of space is analyzed, and the question of the relationship between social structure and spatial forms is considered. With the assistance of R. Carnap and H. Lefebvre's theoretical schemes are represented two opposite views of meaning of “social” in the spatial study. The dividing of concepts of physical, geometrical and social space is submitted. The ontological and epistemological aspects of the explored phenomenon are explicated. The two approaches to social space definition are outlined. The first of them supposes a focus on social interaction and co-presence social actors, the second one supposes social practice in the broadest sense. The author's definition is designed.

Keywords: social space, sociology of space, spatial form, social structure, the platform of social interaction, Simmel's sociology of space, Sorokin's theory of social space, Bourdieu's social topology

For citation: Shaverdo T. M. Problematisation of the “social space” category in sociology. *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 1, pp. 21–30 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-21-30>

Введение. Пространство – это сложноорганизованный и неоднозначный феномен, который проявляется себя на самых разных уровнях социальной жизни. Воплощаясь во всем многообразии материального мира и в качестве логически мыслимой структуры отношений между объектами

различной природы, пространство выступает сферой реализации социальности в самом широком смысле.

Для социолога интерес представляет не столько феномен пространства в его тотальности, сколько конкретные локусы, освоенные социальными акторами физически и символически. Пространственное расположение индивидов является продуктом двоякого процесса – структурирования наличной данности универсума согласно логике социальных смыслов и ответом социума на объективные условия окружающей действительности. Материалом для социологического исследования могут служить не только отношения близости и дистанции, но и все многообразие произведенных человеком пространственных форм, представляющих собой воплощение социальных смыслов и результат освоения физического мира социальными акторами.

Для продуктивной работы с понятием пространства необходимо принимать во внимание различные аспекты феномена, но при этом четко понимать, какой из них играет ключевую роль в конкретном исследовательском контексте, какой язык описания оказывается наиболее релевантным применительно к рассматриваемой проблеме.

В настоящей статье предпринимается попытка проследить логику проблематизации категории «социальное пространство» в контексте социологического знания и эксплицировать онтологические и эпистемологические аспекты исследуемого феномена.

Основная часть. Категорию «социальное пространство» в 1903 г. вводит в научный оборот немецкий социолог Г. Зиммель, рассматривая его как форму социальной жизни в единстве физической и символической природы.

С одной стороны, Г. Зиммель выдвигает идеалистский тезис о том, что пространство возникает благодаря нашему «воображению» и «деятельности души», которые развиваются согласно определенным планам, а значит, дизайн пространства является своеобразным социальным проектом. В своих теоретических построениях Г. Зиммель сближается с И. Кантом, принимая, что пространство представляет собой не феномен, лежащий вне субъекта, а форму чувственности: «пространство – это деятельность души, только человеческий способ соединить несвязанные ощущения в единую картину» [1].

С другой стороны, ученый анализирует пространство в его конкретно физической обусловленности, рассматривая в качестве площадок социального взаимодействия территорию государства или города. Как отмечает Г. Зиммель, в интерпретациях истории именно физическое пространство выходит на передний план: размеры империй, подвижность или стабильность масс, удаленность бедных и богатых друг от друга – все это невозможно вне пространства [1].

Кроме того, Г. Зиммель различает пространство-форму (пространство «вообще») и пространство-место, первое из которых представляет собой потенциальную площадку реализации социальных взаимодействий, а второе – пространство, освоенное человеком как физически, так и символически.

Анализируя творчество Г. Зиммеля, советский и российский социолог А. Ф. Филлипов отмечает, что пространство как форма не обладает силой причинности и не может воздействовать на людей, но конкретные локусы, которые обросли смыслами в ходе социальных практик, обретают такую силу [2].

Г. Зиммель выводит базовые качества пространства как формы социальной жизни.

1. *Эксклюзивность пространства.* Данное качество предполагает, что каждая часть пространства уникальна и практически не имеет аналогий. Эта уникальность обеспечивается тем, что пространство, будучи единым и однородным, состоит из множества точек, каждая из которых отлична от другой именно своим местоположением в единой системе координат [1]. А. Ф. Филлипов резюмирует мысль Г. Зиммеля: «Каждое место в пространстве уникально, потому что оно другое, и именно однородность уникального и уникальность однородного и составляет пространство» [2, с. 85].

2. *Дифференцированность пространства.* В ходе социальной практики пространство разбивается на множество частей, каждая из которых осваивается людьми своим уникальным образом и мыслится социальными субъектами как самостоятельная единица. Такая дифференциация становится возможна только при наличии четких пространственных разграничений. Безого-

ворочная четкость физического предела задает «формирующую силу» социального контекста и способствует связанности социальных субъектов с определенными пространственными локусами. Ограничения не обязательно обеспечиваются «естественными» факторами (такими, как горы или реки), способными разделять физические части пространства и выстраивать препятствия для общения людей друг с другом или, напротив, поддерживать их локализацию и взаимодействие. Границы также могут задаваться «работой души», направленной на определенные фрагменты пространства, что усиливает социальное значение места и привязанность субъектов к нему [1].

3. *Пространственная закрепленность.* Фрагмент пространства, освоенный в ходе социальной практики, характеризуется определенностью и оформленностью, в силу чего становится местом кристаллизации социальных связей. Пространственная закрепленность возможна в двух видах: как требование соприсутствия социальных акторов в определенном месте и как «точка фиксации», выраженная в исключительности и незаменимости места, в котором соприкасаются социальные элементы в других отношениях независимые. В качестве примера Г. Зиммель приводит церковную организацию, где пространственная фиксация становится условием взаимоотношений и центром сплоченности верующих: вместо изолированных элементов образуется религиозная община, и силы, исходящие из такого «живого центра», пробуждают религиозные потребности, которые не могли быть реализованы в изоляции [1].

4. *Пространственная конкретность и абстракция.* Данное качество пространства в интерпретации Г. Зиммеля тесно связано с чувственным восприятием и весьма психологизировано. Г. Зиммель описывает две перспективы восприятия пространства. Обозначим первое как непосредственно-конкретное восприятие, характерное для «примитивного сознания», не способного провести различие между собой и своим окружением и составить представление о пространстве, лежащем за пределами его непосредственного чувственного восприятия. Второе обозначим как интеллектуально-абстрактное, характерное для «развитого сознания», производящего четкое различие между собой и окружающим миром и способного мыслить, пространство, находящееся вне поля его непосредственной активности. В данном контексте А. Ф. Филиппов обращает внимание на взаимосвязь интеллектуализма и пространственной дистанции: «Дистанция предполагает интеллектуализм, интеллектуализм создает дистанцию между людьми. Сохранять или устанавливать дистанцию – значит быть социально компетентным, уметь уловить тонкие различия и т. п.» [2, с. 110].

В своей работе Г. Зиммель вводит понятие границы, принципиальное для исследования пространства. Когнитивно-перцептивные возможности человека не позволяют «схватить» пространство в его тотальности и бесконечной протяженности (т. е. «пространство-форму» в терминологии Г. Зиммеля). Дифференцировать непрерывное целое, не имеющее абсолютного предела, установить различие между сущностями становится возможным именно посредством проведения границ. Г. Зиммель подчеркивает, что «граница – это не пространственный факт с социальными эффектами, а социальный факт, который имеет пространственную форму» [1]. В основе дифференциации пространства и разграничения его частей лежит способность человека к соединению и разъединению, подробно описанная Г. Зиммелем в работе «Мост и дверь» [3]. Процессы разъединения и соединения осуществляются сперва субъективно, а затем закрепляются в форме вещей. Так, например, мост устанавливает зримое единство двух частей ландшафта, которые, прежде чем быть соединенными, были помыслены человеком как две различные сущности; дверь в свою очередь демонстрирует, что разделение и соединение – это две стороны одного и того же процесса [3].

В концепции Г. Зиммеля границу можно рассматривать в качестве условия онтологизации пространства. Нечто обнаруживает себя для человека, будучи очерченным. Граница открывает возможности для дифференциации пространства, делает возможным переход от «пространства-формы» к «пространству-месту». Обретая пределы, пространство превращается в территорию, а значит, может быть освоено, присвоено и прожито.

Категория «социальное пространство» детально разрабатывается П. Сорокиным в работе «Человек. Цивилизация. Общество» [4] и играет стержневую роль в его теории социальной

стратификации. П. Сорокин рассматривает социальное пространство по аналогии с геометрическим: «... Геометрическое пространство обычно представляется нам в виде некой “вселенной”, в которой располагаются физические тела... Подобным же образом социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли» [4, с. 231]. Если для определения местоположения объекта на земном шаре достаточно знать его широту и долготу, то социальная «картография» предполагает более развернутую систему координат. П. Сорокин предлагает учитывать следующие параметры: «1) отношение человека к определенным группам; 2) отношение этих групп друг к другу внутри популяции; 3) отношение данной популяции к другим популяциям, входящим в человечество» [4, с. 232]. При этом он обращает внимание на необходимость учитывать позицию субъекта внутри каждой группы, так как каждое социальное образование имеет свою специфическую структуру. В соответствии с теорией социальной стратификации П. Сорокин выделяет горизонтальные и вертикальные параметры социального пространства, первые из которых отражают содержательные признаки социальных субъектов (мужчина, юрист, пенсионер и пр.), а вторые – иерархию между ними (студент – преподаватель, начальник – подчиненный и пр.). Таким образом, положение человека в социальном пространстве определяется совокупностью групп, к которым он принадлежит, а также совокупностью позиций, которые он занимает в этих группах.

При всей структурно-функциональной четкости теоретических построений П. Сорокина в его трактовке социального пространства наблюдается некоторое противоречие. Определяя социальное пространство как «вселенную, состоящую из народонаселения земли» [4, с. 231], он не уточняет, что именно принимается за единицу анализа: человек в его физической обусловленности или же метафорическая социальная позиция. Само определение обращает нас к вопросам физического взаиморасположения людей (народонаселения), однако дальнейший анализ П. Сорокина не затрагивает вопросы физической близости или удаленности социальных субъектов друг от друга. Более того, помимо собственно определения социального пространства, все прочие рассуждения П. Сорокина лежат, скорее, в поле метафор и не привязаны к физической данности.

А. Ф. Филиппов обращает внимание на отождествление П. Сорокиным физического и геометрического пространства [2, с. 188–191]. Это приводит к категориальной путанице и не позволяет выстроить непротиворечивые пространственные аналогии: 1) пространство как множество физических объектов – пространство как множество людей; 2) пространство как символическая система отношений между объектами – пространство социальных позиций как символическая система отношений между людьми. Так, в концепции П. Сорокина происходит смешение двух значений социального пространства – объективного взаиморасположения человеческих тел и символического взаиморасположения социальных позиций.

П. Сорокин утверждает, что в его определении социального пространства («вселенная, состоящая из народонаселения земли») воплощается геометрическая аналогия, однако с этим трудно согласиться, поскольку геометрическое пространство представляет собой формальную систему отношений между объектами, но не отсылает непосредственно к материальности объектов. В связи с этим более корректно рассматривать народонаселение в качестве аналогии физического пространства, а символическую структуру социальных статусов – как геометрическую метафору. Следуя логике П. Сорокина, дистанция между людьми может быть либо геометрической и измеряться стандартными количественными величинами (метры, километры и т. д.), либо социальной и анализироваться в терминах социальных статусов. То обстоятельство, что отношения близости и дистанции между социальными субъектами могут иметь социальный смысл, П. Сорокиным не анализируется. Как отмечает А. Ф. Филиппов, «социальные определения размещений, перемещений и дистанций выпадают из поля зрения» [2, с. 191].

Таким образом, несмотря на онтологизированность определения социального пространства, данного П. Сорокиным, ученый подвергает анализу лишь символическую структуру социальных позиций. Сопоставляя подходы П. Сорокина и Г. Зиммеля, следует отметить, что концепция Г. Зиммеля обладает большим эвристическим потенциалом, так как носит интегративный характер и демонстрирует точки соприкосновения материальных и внemатериальных аспектов

пространства в контексте социального взаимодействия. Социологическая логика Г. Зиммеля осложняется его попыткой проинтерпретировать феномен «пространства вообще», которая реализуется преимущественно в философском ключе, однако в дальнейшем его идеи успешно «заземляются» представителями чикагской школы социологии, которые на основании своих эмпирических исследований демонстрируют тесную связь физических и символических аспектов пространства.

Концептуальный расцвет теории социального пространства связан с социальной топологией П. Бурдье, представленной в работе «Физическое и социальное пространство» (1990) [5]. П. Бурдье рассматривает социальное пространство как абстрактную конструкцию, конституированную ансамблем полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), обязанных своей структурой различным видам капитала – экономического, культурного, социального и символического, где поле – это место сил, внутри которого социальные агенты занимают позиции, и одновременно институциональная среда, диктующая правила взаимодействия между акторами. Капитал в свою очередь представляет совокупность материальных и символических ресурсов, доступных актору, благодаря членству в соответствующих социальных группах [5].

Согласно П. Бурдье, физическое и социальное пространства постоянно соприкасаются, но на концептуальном уровне получают строгое различение: «Физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, в то время как социальное пространство – по взаимоисключению (или различию) позиций, которые его образуют, так сказать, как структура рядоположенности социальных позиций» [5, с. 49–50]. При этом физическое пространство представляет собой объективированную конструкцию социального пространства (например, столица – область сосредоточения административных и материальных ресурсов, периферия – область дефицита различных благ). Объективное воплощение социального пространства, с точки зрения П. Бурдье, обнаруживает себя через распределение ресурсов в различных локусах физического пространства. Пространственные отношения всегда выстраиваются как отношения близости и дистанции, где позиция некоего объекта определяется расположением другого объекта: как горы возвышаются относительно уровня моря, так центр относится к периферии, а позиции социальных акторов при этом часто обретают названия, заимствованные из языка геометрии – «властная верхушка», «центристы», «левые», «правые» и пр.

Поскольку социальное стремится как можно более точно воплотиться в физическом, в обществе находится масса примеров «наложения» этих двух сфер реальности. «Wall Street» в Нью-Йорке – место сосредоточения офисов и штаб-квартир наиболее прибыльных и успешных мировых компаний и одновременно всеми признанный символ финансовой мощи; Московское Рублево-Успенское шоссе известно самой дорогой недвижимостью в России, расположенной вдоль трассы, и вызывает в сознании людей устойчивые ассоциации с роскошью, успехом и т. д. Согласно П. Бурдье, социальные позиции в пространстве всегда выстраиваются гомологично. Так, в одних локусах пространства концентрируются ресурсы и социальные агенты, занимающие доминирующее положение в социальной иерархии и обладающие всевозможными видами капитала, а в других неизбежно возникает «обедненность» материальными и властными ресурсами.

В концепции П. Бурдье пространственные конфигурации неразрывно связаны с отношениями власти и всегда организованы иерархически: «...Не существует пространства, которое не было бы иерархизировано и не выражало бы иерархии и социальной дистанции в более или менее деформированном, а главное, в замаскированном виде вследствие действия натурализации, вызывающей устойчивое отнесение социальных реальностей к физическому миру» [5, с. 50]. Так, структура поля политики задается отношениями близости и дистанции к властному центру – месту сосредоточения всевозможных ресурсов.

Наличие дефицитных благ позволяет дистанцироваться от нежелательных социальных агентов и материальных объектов и сближаться с желательными. Капитал определяет степень мобильности социальных игроков, вплоть до того, что его отсутствие приковывает к месту, а обладание обеспечивает символическое присутствие одновременно в нескольких местах, что становится возможным благодаря экономическому и символическому господству над средствами коммуникации, передвижения и пр.

Сложность работы с категорией «пространство» в контексте социологического знания во многом связана с тем, что для продуктивного исследования требуется использовать эвристический потенциал не только смежных дисциплин, но также заходить на территорию точных и естественных наук, поскольку «естественные» и «социальные» аспекты данного феномена теснейшим образом переплетаются между собой. В связи с тем, что социальные теоретики нередко используют аналогии из физического мира и прибегают к языку геометрии для описания социального пространства, необходимо произвести строгое различие всех этих аспектов, аккумулированных в объекте исследования.

Автор статьи предлагает рассмотреть всеобъемлющий феномен пространства в трех ипостасях – как физическое, геометрическое и социальное пространства.

Под физическим пространством мы будем понимать всю наличную данность универсума, состоящую из многообразия объектов любой природы: от элементарных частиц до социальных акторов.

Под геометрическим – систему отношений между объектами, выраженную в скалярных и векторных величинах. При этом совсем не обязательно обладать специальными знаниями, чтобы воспринимать пространство геометрически – отношения между объектами могут фиксироваться с помощью антропоморфных величин, таких как количество шагов, обхват рук и пр. Геометрическое пространство – это не пространство в собственном смысле, а скорее язык описания, координатная сетка, позволяющая мыслить пространство и проживать его. Ключевое отличие физического пространства от геометрического – это переход от категории простого «наличия» к категории «отношение». Именно выстраивание связей и отношений между объектами делает феномен пространства доступным для рефлексии и пригодным для осуществления социальных взаимодействий.

Социальное пространство простирается на физический и геометрический пространственные аспекты, выступая в качестве материальной площадки социальной активности и символической структуры социальных позиций. Таким образом, физический аспект пространства преломляется в плоскости социального как наличная данность универсума, освоенная человеком, а геометрический – как символическая система социальных позиций и статусов.

Для глубины понимания столь сложноорганизованного феномена А. Ф. Филиппов предлагает сравнить теоретические схемы пространства Р. Карнапа и А. Лефевра.

Р. Карнап различает формальное пространство, пространство созерцания и физическое пространство.

Формальное пространство в терминологии Р. Карнапа представляет собой порядок в самом широком смысле: он не ограничивается пространственными категориями в привычном понимании (фигуры, места, границы), а подразумевает закономерности отношений абсолютно разнопорядковых элементов универсума [2]. В данном контексте Р. Карнап говорит скорее об идее порядка и сближается в своих воззрениях с Ф. Шеллингом, рассматривавшим пространство как «чистое созерцание», т. е. созерцание, освобожденное от всякого понятия (созерцаемого) [6].

Пространство созерцания Р. Карнап, напротив, понимает как структуру взаимосвязей между типичными пространственными образованиями (плоскостями, линиями), которые доступны нашему чувственному восприятию. При этом он делает оговорку, что «речь еще идет не о пространственных фактах, существующих в действительности опыта, а только о “сущности” самих этих образований, которую можно распознать в каких-то представителях [своего] рода» [2, с. 53].

Физическое пространство в логике Р. Карнапа воплощает собой одновременно формальное пространство и пространство созерцания, объективируя сущность «пространственных фактов» и выстраивая их согласно определенному порядку [2].

Р. Карнап пытается говорить о «пространстве вообще» и обойти кантианские ловушки, однако ему все же не удается рассуждать о пространстве бессубъектно и, более того, не затрагивать (хоть и косвенно) область социального знания. Исходя из логики Р. Карнапа, пространственные элементы, непосредственно доступные нашим органам чувств, еще не составляют пространство. Феномен пространства возникает там, где разрозненные данные чувственного опыта встраива-

ются в единую схему порядка. Схема порядка, предложенная Р. Карнапом в качестве предельной рамки понимания феномена, во многом перекликается с рассуждениями Э. Дюркгейма о базовых категориях мышления, которые организуют наши когнитивные процессы и складываются в ходе социальной практики, т. е. имеют общественное происхождение [7]. А. Ф. Филиппов отмечает: «”Формальное пространство” Карнапа есть лишь продукт и коррелят социальной организации общества» [2, с. 56].

А. Лефевр, в отличие от Р. Карнапа, вовсе не задается вопросом, что есть «пространство вообще», а изначально рассматривает данный феномен в контексте социального, выделяя в качестве основных аспектов исследования пространственную практику, репрезентации пространства и репрезентационные пространства.

Под пространственной практикой понимается процесс освоения (в самом широком смысле) пространственных локусов, выраженный во всем многообразии социальных практик, в ходе которых необъятный физический мир приобретает структуру и обрастает смыслами [8, с. 53].

Репрезентации пространства – это объективированный пространственный порядок, закрепившийся в ходе социальной практики в виде архитектурных ансамблей, локальных пространственных композиций, отдельных зданий или их частей. Этот порядок тесно связан с системой культурных символов и кодов. Работа по интерпретации и репрезентации пространства принадлежит главным образом сообществу профессионалов (философам, социологам, архитекторам и т. п.) и, как правило, воспроизводит порядок действующей власти и идеологии [9].

Пространство репрезентаций – это пространство повседневности, опыт соприкосновения с наличной данностью, переживаемый через образы и символы, закрепленные в культуре. Это обжитое пространство обыкновенных «пользователей», пространство, которое в первую очередь чувствуется, а только потом осмысливается [8]. Обжитое пространство характеризуется тем, что наполнено привязанностями и активно задействовано в идентификационных процессах, воплощаясь в таких референтных образованиях, как «родная земля», «родительский дом», «место моего детства» и т. д.

Таким образом, пространственные практики А. Лефевра относят к области воспринимаемого, репрезентации пространства – к области понимаемого, а репрезентационные пространства – к области проживаемого. При этом «пространственные практики опосредуют понимаемое и проживаемое пространства, связывая тем самым репрезентации пространства и пространства репрезентаций» [9, с. 220].

Сопоставляя схемы Р. Карнапа и А. Лефевра, следует отметить, что первый предпринимает попытку дать определение «пространства вообще» – пространства, очищенного от чувственного опыта и воплощающего лишь чистую идею порядка («формальное пространство»). В эту схему порядка Р. Карнап как бы погружает пространственные образования, доступные нашим органам чувств («пространство созерцания»), а затем «разрешает» им воплотиться в физической данности согласно установленному порядку («физическое пространство»). Однако формальное пространство, вынесенное Р. Карнапом в качестве предельной пространственной рамки, представляет собой общую схему порядка, которая опосредует наше чувственное восприятие взаиморасположения объектов физической данности. Таким образом, «формальное пространство» функционирует как дюркгеймианские «категории мышления» и срастается с социальной практикой.

А. Лефевр, в отличие от Р. Карнапа, изначально отказывается от попыток определить, что есть «пространства вообще», и рассматривает феномен в неразрывной связи с социальной практикой. Он избегает бинарных исследовательских схем, разделяющих пространство на природное и социальное, физическое и символическое и пр. Более того, А. Лефевр не рассматривает «социальное» пространство как одно из возможных пространств – он идет по пути социального релятивирования всех универсалистских концепций пространства, настаивая на том, что пространство, которое мы проживаем, социально в силу нашего способа существования.

В контексте исследования социального пространства наиболее продуктивным представляется подход А. Лефевра, поскольку он позволяет четко обозначить границы социального и не заступать на территорию других областей знания. Однако автор данной статьи не считает необходимым отказываться от базовых логических оппозиций.

Заключение. Проанализировав идеи ключевых персоналий социологии пространства, можно проследить, как перемещался исследовательский фокус в вопросах изучения социального пространства и какие аспекты данного феномена выходили на первый план в зависимости от научной интерпретации.

Основоположник социологии пространства Г. Зиммель предпринимает попытку всестороннего анализа феномена и рассматривает социальное пространство в единстве физической и символической природы, в качестве реальной и потенциальной площадки социального взаимодействия. Теоретическая схема Г. Зиммеля не лишена противоречий. С одной стороны, он наделяет силой причинности некие «психологические силы», которые воплощаются в определенных пространственных формах, с другой – в его работах прослеживается акцент на исследование объективных физических условий, задающих определенный фрейм социального взаимодействия. Г. Зиммель утверждает, что дизайн пространства является социальным продуктом, но в то же время объясняет консерватизм горных народов спецификой ландшафта, действующую силу толпы – пространственной близостью тел и пр. При этом Г. Зиммель не выстраивает однозначной каузальной связи между спецификой социальной структуры и объективными условиями физического мира, оставляя свою социологию пространства открытой для бесконечных интерпретаций.

П. Сорокин смещает фокус исследования на символическую структуру социальных позиций, оставляя за скобками социальный смысл физической дистанции. Пространственная схема П. Сорокина представляет собой координатную сетку социальных статусов и позиций, где по горизонтальной оси располагаются содержательные признаки индивидов (гендерные характеристики, род деятельности и пр.), а по вертикальной – иерархические (формальная должность, условное «старшинство» и пр.). Такое пространство признаков выступает основным инструментом анализа для центральной «фигуры» творчества ученого – теории социальной стратификации. Противоречивым моментом интерпретации социального пространства П. Сорокина выступает смешение понятий физического и геометрического пространства, что не позволяет выстроить корректные исследовательские аналогии в плоскости социального. Изначально определяя социальное пространство как вселенную, состоящую из народонаселения земли, в дальнейшем П. Сорокин работает исключительно в поле символической структуры социальных статусов, не оставляя в своей концепции места для соприкосновения социальных смыслов и материальных объектов.

П. Бурдье выстраивает свою теорию социального пространства в символическом поле, но в отличие от П. Сорокина он демонстрирует органическую взаимосвязь материальных и вне-материальных пространственных аспектов. Стержнем, формирующим структуру социального пространства и, как следствие, архитектуру физического, выступает властный ресурс. В своей теории П. Бурдье перемещает привычную иерархическую вертикаль общества в горизонтальную плоскость, где центр олицетворяет максимальную концентрацию власти. Передвижение от периферии к центру осуществляется в ходе конкурентной борьбы за капитал и с помощью капитала. Если Г. Зиммель оставляет открытым вопрос о причинно-следственной связи между социальными и физическими условиями существования общества, то ответ П. Бурдье однозначен: физическое пространство представляет собой объективированную конструкцию социального, а пространственное размещение акторов – физическое воплощение социальной структуры.

Пространственные схемы Р. Карнапа и А. Лефевра, творчество которых пролегает в области философии, позволяют обнаружить важную исследовательскую дилемму: рассматривать социальное пространство как часть некоего тотального феномена «пространства вообще» или же рассматривать пространство целиком и полностью как социальный продукт. Р. Карнап, придерживаясь первого пути, выделяет «формальное пространство» как чистую идею порядка, охватывающую отношения всех элементов универсума. А. Лефевр придерживается второго пути и рассматривает пространство исключительно в контексте социального, выделяя области воспринимаемого, понимаемого и проживаемого. Каждый путь имеет определенные противоречия: с одной стороны, сама идея порядка неизбежно встраивается в систему человеческого мышления, с другой – довольно трудно отрицать, что существует нечто, выходящее за пределы социальной жизни.

Во всех представленных выше теоретических схемах пространства имманентно присутствует различие онтологического и эпистемологического аспектов исследуемого феномена. Оно заключается в разграничении наличного физического мира в его целостности и непрерывности, с одной стороны, и логически мыслимой проекции этого мира – с другой. Такая проекция опосредует когнитивно-чувственное восприятие действительности, позволяя дифференцировать пространство на отдельные локусы, обозначать территориальные границы, а также воспринимать не только фрагменты пространства, которые находятся в непосредственной близости, но и мыслить то, что находится за пределами обозримой данности, поддерживая целостность картины мира.

Сфера социального простирается на оба полюса: онтологически представляя собой всю освоенную человеком наличную данность и площадку социального взаимодействия; эпистемологически выражаясь в когнитивно-перцептивных конструктах, отображающих взаиморасположение объектов самой разной природы друг относительно друга.

Можно обозначить два подхода к определению социального пространства, первый из которых предполагает акцент на социальном взаимодействии и соприсутствии социальных акторов, второй – на социальной практике в широком смысле этого слова.

В первом случае социальное пространство можно интерпретировать как материальную площадку социального взаимодействия и символический порядок социальных позиций. Во втором случае социальное пространство можно рассматривать как освоенную человеком наличную данность универсума и символическую проекцию всего многообразия объектов физического мира, разделяемую членами социума. Если в первом случае «социальность» пространства заключается в единстве физического и символического взаиморасположения социальных акторов, то во втором случае пространство «социально» в силу физического и символического освоения наличной данности членами социума.

Акцент на социальном взаимодействии ставит перед необходимостью исследовать пространственные локусы только в ситуации непосредственного и опосредованного контакта социальных субъектов. Второй подход позволяет рассматривать социальное пространство в качестве продукта социальной практики и исследовать феномен в том числе по следам «обживания» пространственных локусов, воплощенных в материальной форме.

Второй подход представляется наиболее широким и всеобъемлющим, однако несет в себе опасность «заступить» на территорию исторических наук. В связи с этим автор считает необходимым учитывать все многообразие проявлений социальности, воплощенное в пространственных формах, но при этом удерживать исследовательский фокус на структуре социального взаимодействия.

Таким образом, социальное пространство предлагается рассматривать как сферу реализации социальности, включающую в себя как физические условия человеческого взаимодействия, так и символический порядок социальных позиций. В данном контексте физические условия взаимодействия выступают в качестве социально-освоенной наличной данности универсума, обеспечивающей возможность непосредственного соприсутствия социальных акторов или же наличие инструментов, позволяющих поддерживать контакт опосредованно. Символический порядок социальных позиций функционирует как карта специфических характеристик индивидов и предполагает наличие определенных правил по взаимодействию между акторами в зависимости от их положения в системе социальных координат.

Список использованных источников

1. Simmel, G. Soziologie des Raumes [Electronic resource] / G. Simmel. – Mode of access: <https://socio.ch/sim/verschiedenes/1903/raum.htm>. – Date of access: 20.10.2020.
2. Филиппов, А. Ф. Социология пространства / А. Ф. Филиппов. – СПб. : Владимир Даль, 2008. – 285 с.
3. Зиммель, Г. Мост и дверь / Г. Зиммель ; пер. В. Вахштайн // Социология власти. – 2013. – № 3. – С. 145–150.
4. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин ; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
5. Бурдье, П. Социология социального пространства / П. Бурдье ; пер. с фр. ; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2007. – 288 с.

6. Шеллинг, Ф. В. Й. Сочинения : в 2 т. / Ф. В. Й. Шеллинг ; пер. с нем. ; сост., ред., авт. вступ. ст. А. В. Гулыга. – М. : Мысль, 1987–1989. – Т. 1. – 1987. – 637 с. – (Философское наследие ; т. 102).
7. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А. Б. Гофмана // Мистика. Религия. Наука: классики мирового религиоведения : [антология] / пер. с англ., нем., фр. ; сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. – М., 1998. – С. 174–201.
8. Лефевр, А. Производство пространства / А. Лефевр ; пер. с фр. И. Страф. – М. : Strelka Press, 2015. – 405 с.
9. Бедаш, Ю. А. Концепция социального пространства Анри Лефевра / Ю. А. Бедаш // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2012. – № 11 (126). – С. 219–224.

References

1. Simmel G. *Soziologie des Raumes*. Available at: <https://socio.ch/sim/verschiedenes/1903/raum.htm> (accessed 20.10.2020).
2. Fillipov A. F. *Sociology of space*. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2008. 285 p. (in Russian).
3. Simmel G. Bridge and door. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power*, 2013, no. 3, pp. 145–150 (in Russian).
4. Sorokin P. A. *Human Civilization. Society*. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 543 p. (in Russian).
5. Bourdieu P. *Sociologie de l'espace social* [Sociology of social space]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2007. 288 p. (in Russian).
6. Shelling F. V. I. *Works. Vol. 1*. Moscow, Mysl` Publ., 1987. 637 p. (in Russian).
7. Durkheim E. *Les formes élémentaires de la vie religieuse. Le système totémique en Australie* [Elementary forms of religious life. The totemic system in Australia]. 4nd ed. Paris, Presses Universitaires de France, 1960. 647 p. (in French).
8. Lefebvre H. *Production space*. Moscow, Strelka Press Publ., 2015. 405 p. (in Russian).
9. Biedash Yu. A. Henri Lefebvre's concept of social space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 11 (126), pp. 219–224 (in Russian).

Информация об авторе

Шавердо Тамара Михайловна – аспирант, младший научный сотрудник. Институт социологии, Национальная академия наук Беларусь (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: tamara.shaverdo17@ya.ru

Information about the author

Tamara M. Shaverdo – Postgraduate student, Junior Scientific Researcher. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganova Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: tamara.shaverdo17@ya.ru

ГІСТОРЫЯ

HISTORY

УДК 94(476–15)+94(438)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-31-37>

Паступіў у рэдакцыю 11.02.2020
Received 11.02.2020

В. І. Крывуць

Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт, Баранавічы, Беларусь

КОНКУРСЫ СЕЛЬСКАГАСПАДАРЧАЙ ПАДРЫХТОЎКІ МОЛАДЗІ ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА Ў МІЖВАЕННЫ ПЕРЫЯД

Аннотация. Статья посвящена исследованию такой малоизученной в отечественной исторической науке проблеме, как развитие профессиональной подготовки сельской молодежи на территории Полесского воеводства в межвоенный период. Подчеркивается, что данная деятельность являлась важным направлением молодежной политики властей польского межвоенного государства. Отмечается, что основной формой реализации этого направления стало проведение конкурсной акции Сельскохозяйственной подготовки (СП), которая охватила в том числе и западно-белорусское Полесье. Характеризуются основные задачи и методы реализации СП. Анализируется роль проправительственных молодежных организаций (Союза сельской молодежи и Стрелецкого союза) в проведении конкурсной акции, а также финансовая поддержка акции со стороны воеводских властей и органов местного самоуправления. Сделаны выводы о том, что благодаря акции СП были достигнуты определенные успехи на территории Полесского воеводства, что заслужило позитивную оценку со стороны центрального руководства. Вместе с тем по ряду объективных причин, прежде всего из-за сложной социально-экономической ситуации региона, конкурсная акция СП не приобрела массового характера и не могла кардинально изменить положение в сфере профессионального обучения сельской молодежи Полесского воеводства. В ходе исследования был использован широкий спектр документальных материалов.

Ключевые слова: Западная Беларусь, Полесское воеводство, молодежная политика, сельскохозяйственная подготовка, межвоенный период

Для цитирования: Крывуць, В. І. Конкурсы сельскагаспадарчай падрыхтоўкі моладзі Палескага ваяводства ў міжваенны перыяд / В. І. Крывуць // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 1. – С. 31–37. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-31-37>

Vitaly I. Kryvuts

Baranovichi State University, Baranavichy, Belarus

COMPETITIONS FOR AGRICULTURAL TRAINING OF YOUTH OF THE POLESIE VOIVODESHIP IN THE INTERWAR PERIOD

Abstract. The article explores such a poorly studied problem in Belarusian historical science as the development of vocational training for rural youth in the territory of the Polesskie Voivodeship in the 1920s and 1930s. It is emphasized that this activity was an important area of the youth policy of the authorities in the territory of the Polessky Voivodeship. It is noted that the main form of implementing this direction was the holding of a competitive campaign for Agricultural Training, which covered, including Western Belarus. The main tasks, steps and methods of agricultural competitions are characterized. The participation of pro-government youth organizations, the Union of Rural Youth and the Strelets Union in the competition, as well as the financial support of the action by the voivode authorities and local governments are shown. Conclusions are drawn that by the end of the 1930s. on the territory of the Polesie Voivodeship, certain successes were achieved in the field of agricultural preparation, and in general this action deserved a positive assessment from the central leadership. However, due to the difficult socio-economic situation in the region, the competition did not become widespread and could not fundamentally change the situation in the field of vocational training for rural youth of the Polessky Voivodeship. When writing the article, a wide range of documentary materials was used.

Keywords: Western Belarus, Polesie Voivodeship, youth policy, agricultural training, the interwar period

For citation: Kryvuts V. I. Competitions for agricultural training of youth of the Polesie Voivodeship in the interwar period. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 1, pp. 31–37 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-31-37>

Уводзіны. Падрыхтоўка маладога пакалення да будучай прафесійнай дзеянасці заўсёды з'яўлялася важнай часткай дзяржаўнай маладзёжнай палітыкі. Гэта ў поўнай меры адносіца і да маладзёжнай палітыкі польскіх улад на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд. Адным з яе кірункаў была сельскагаспадарчая падрыхтоўка вясковай моладзі ў форме конкурснай акцыі, якая ахоплівала і маладых вяскоўцаў Палескага ваяводства. Неабходна адзначыць, што дадзеная праблематыка не знайшла належнага адлюстравання ў айчыннай гісторыяграфіі. Некаторыя аспекты конкурснай акцыі сельскагаспадарчай падрыхтоўкі закраналіся ў працах польскіх гісторыкаў, але яны асноўную ўвагу надавалі вывучэнню развіцця гэтай акцыі непасрэдна на этнічных польскіх землях і фактычна не асвятлялі яе асаблівасцей на тэрыторыі заходнебеларускіх ваяводстваў міжваеннай польскай дзяржавы [1; 2]. Таму зараз існуе неабходнасць раскрыцця мэт, метадаў, асаблівасцей і вынікаў рэалізацыі конкурснай акцыі сельскагаспадарчай падрыхтоўкі на тэрыторыі Заходняй Беларусі, у тым ліку і ў Палескім ваяводстве ў канцы 1920 – 1930-х гг. Усё гэта дазволіць больш дасканала ахарактарызаваць маладзёжную палітыку польскіх улад і будзе садзейнічаць стварэнню аб'ектуўнай карціны грамадска-палітычнага і сацыяльна-эканамічнага жыцця заходнебеларускага рэгіёна ў міжваенны перыяд.

Асноўная частка. Неабходна адзначыць, што моладзь складала значную частку насельніцтва Палескага ваяводства. Згодна з данымі дзяржаўнага перапісу 1931 г., тут праражывала 198 893 чалавекі ва ўзросце ад 15 да 24 гадоў, ці амаль 20 % ад усяго насельніцтва [3, с. 40 – 43]. Таксама вядома, што абсолютная большасць працаўдольнага насельніцтва Палескага ваяводства на працыгу ўсяго міжваеннага перыяду была звязана з сельскай гаспадаркай. Так, у 1921 г. у сельскай гаспадарцы працавала 81,9 % жыхароў ваяводства, а праз дзесяць год, у 1931 г., – 81,3 % [4, с. 238]. Такім чынам, асноўная маса прадстаўнікоў маладога пакалення ваяводства так ці інакш павінна была працаваць у сельскай гаспадарцы. Таму праблема адпаведнай прафесійнай падрыхтоўкі моладзі набывала вельмі злабадзённыя характар. Дадатковую актуальнасць гэтай праблеме надавала тое, што ўзровень сельскагаспадарчай вытворчасці ў міжваеннай польскай дзяржаве быў даволі нізкім у параўнанні, напрыклад, з Германіяй ці Чэхаславакіяй [1, с. 180], а заходнебеларускія ваяводствы сур'ёзна адставалі ў гэтым плане ад сярэдніх агульнадзяржаўных паказыкаў. Аднымі з прычын такога становішча польскія ўлады лічылі нізкі ўзровень культуры сельскагаспадарчай вытворчасці і слабае распаўсюджванне агратэхнічных ведаў сярод вясковага насельніцтва.

Першапачаткова гэтую праблему польскія ўлады планавалі вырашыць праз стварэнне сеткі народных сельскагаспадарчых школ. Згодна з “Законам аб народных сельскагаспадарчых школах”, прынятым 9 ліпеня 1920 г., на працыгу 20 гадоў у кожным павеце патрэбна было стварыць дзве такія школы (мужчынскую і жаночую), якія б вялі “прафесійную падрыхтоўку самастойных вясковых гаспадароў і гаспадынь, а таксама грамадзян краіны, якія б усведамлялі свае абавязкі” [5, с. 237].

Аднак сістэма народных сельскагаспадарчых школ не апраўдала сябе. Як лічаць польскія даследчыкі, нават пры самай паспяховай рэалізацыі Закона 1920 г. народныя сельскагаспадарчыя школы здолелі б прыняць толькі 10 % вясковай моладзі міжваеннай польскай дзяржавы [1, с. 182]. Але ў выніку матэрыйяльна-фінансавых цяжкасцей запланаваная сетка школ так і не была створана. Найбольш крытычнае становішча склалася на тэрыторыі ўсходніх ваяводстваў тагачаснай Польшчы. Так, у 1936 г. на 8 паветаў Палескага ваяводства прыпадала толькі 5 такіх школ: 3 мужчынскія (у Брэсцкім, Кобрынскім і Пінскім паветах) і 2 жаночыя (у Брэсцкім і Кобрынскім паветах) [6, с. 11]. Зразумела, што гэтыя нешматлікія школы не маглі ахапіць значнай колькасці маладых вяскоўцаў. Згодна з данымі афіцыйнай прэсы, яны маглі прыняць максімум 200 вучняў, але па розных прычынах нават гэты невялікі камплект не набіраўся [7, с. 1].

Каб кампенсаваць недахопы сістэмы народных сельскагаспадарчых школ, быў узяты курс на распаўсюджванне пазашкольных форм сельскагаспадарчай асветы. Неабходна адзначыць, што першапачаткова дадзеныя формы (кароткатэрміновыя курсы, паказы, выставы, арганізацыя ўзорных гаспадараў, выданне спецыялізаванай прэсы) арыентаваліся на старэйшае пакаленне вяскоўцаў, аднак вельмі хутка ўзнікла ідэя разгарнуць на базе маладзёжных арганізацый плана-

вую і сістэматычную працу ў сферы пазашкольнай прафесійной асветы ў выглядзе сельскагаспадарчых конкурсай. За ўзор быў узяты вопыт конкурсаў сярод маладых фермераў, з якім ў ЗША пазнаёміўся прафесар Ю. Мікулоўскі-Паморскі, адзін з ініцыятараў акцыі ў міжваеннай Польшчы. Менавіта ён увёў тэрмін “Сельскагаспадарчая падрыхтоўка” (СП) у адносінах да конкурсаў і лічыў іх “вельмі каштоўным спосабам падрыхтоўкі сельскай моладзі да яе прафесіі” [8, с. 423].

З цягам часу адбылося афармленне структуры (тры ступені) і правілаў СП і яна ператварылася ў важную частку маладзёжнай палітыкі, якую праводзілі польскія ўлады, у тым ліку і на тэрыторыі заходнебеларускіх ваяводстваў. Згодна з афіцыйнымі дакументамі, мэтай СП з'яўлялася “выхаванне з маладога пакалення вёскі самастойна думаючых земляробаў, якія здольны мэтанакіравана і свядома працаўцаць у сваіх гаспадарках і земляробчых арганізацыях, карыстацца рознымі формамі самаадукацыі і выкарыстоўваць здабытыя веды ў жыцці” [9, с. 1].

Конкурсная праца адбывалася ў калектывах СП. У інструкцыях падкрэслівалася, што яны павінны быті стварацца на базе гурткоў праўрадавых Саюза сельскай моладзі (потым Саюза маладой вёскі) і Стралецкага союза “Стралец”, а таксама клерыкальных каталіцкіх аб’яднанняў моладзі (мужчынскай і жаночай). У выключных выпадках дазвалялася прымаць у калектывы так званую “неарганізаваную” моладзь (але толькі на I ступені СП). Пры гэтым адзначалася, што калектыву павінен аб’ядноўваць толькі тых, хто “свядома (па перакананні) прагне падрыхтавацца да будучай самастойнай працы ў земляробчай сферы і грамадска-гаспадарчых арганізацыях”. Прымусовае стварэнне вялікай колькасці калектываў, якія складаюцца з непадрыхтаваных і незацікаўленых членуў, аб’яўлялася вельмі шкодным для развіцця акцыі СП. Будучыя канкурсанты павінны быті мець матэрыяльныя магчымасці для ўделу ў конкурснай акцыі, напрыклад, зямельныя надзелы для правядзення конкурсных палеткаў. Вельмі важным для працы калектыву з'яўлялася магчымасць карыстацца святліцай (клубам). Узрост канкурсантаў вагаўся ад 14 да 25 гадоў [9, с. 7 – 8].

Як ужо адзначалася вышэй, конкурсная акцыя СП прадугледжвала праходжанне яе ўдзельнікамі трох ступеняў. Такая структура павінна была “даць маладому земляробу, які рыхтуецца да сваёй прафесіі, набор найбольш істотных у яго працы элементаў, дзякуючы чаму пазней праз аналогію і адпаведна зробленыя высновы ён ужо сам зможа паступова ахапіць усё больш проблем – аж да ўсёй гаспадаркі і сацыяльна-эканамічнай працы на вёсцы” [10, с. 19].

Калектыв I ступені (6 – 15 удзельнікаў) звычайна займаўся тэматыкай, звязанай з раслінаводствам. У інструкцыях прадугледжвалася “вывучэнне натуральных і эканамічных асноў расліннай вытворчасці на прыкладзе адной расліны”. Абавязковым было правядзенне конкурсу па вырошчванні адной конкурснай сельскагаспадарчай культуры (кармавыя буракі, бульба, морква, кукуруза ці капуста). Акрамя практичнай працы абавязковымі з'яўляліся вядзенне конкурснага дзённіка, правядзенне ўзаемных унутраных інспекцый, тэарэтычныя заняткі і самаадукацыя шляхам вывучэння адпаведных конкурсных брашур, абмен вопытам з суседнімі калектывамі СП, арганізацыя экспкурсій. У якасці дадатковай працы на I ступені інструкцыі рэкамендавалі барацьбу з пустазеллем на вёсцы і ў сваёй гаспадарцы, падтрыманне чысціні на падворку і г. д. [10, с. 20].

Калектыв II ступені (як мінімум 5 удзельнікаў, якія прайшли I ступень) канцэнтраваўся на жывёлагадоўчай тэматыцы. Прадугледжваліся абавязковыя конкурсы па вырошчванні парасяят, цялят, курэй, трусоў ці авечак. Адначасова калектыв павінен быў займацца і тэматыкай раслінаводства. Як і на I ступені, практичная дзейнасць спалучалася с тэарэтычнай працай і самаадукацыяй. Рэкамендаваліся стварэнне сельскагаспадарчага аддзела ў бібліятэцы сваёй маладзёжнай арганізацыі, арганізацыя грамадска-карысных прац на вёсцы, удзел у сходах “дарослых” сельскагаспадарчых аўяднанняў, паступавае знаёмства з асновамі кааперацыі [10, с. 21 – 22].

Калектыв III ступені (як мінімум 3 удзельнікі, якія паспяхова прайшли I і II ступені СП) праводзіў адзін конкурс па раслінаводству і адзін конкурс па жывёлагадоўлі. Акрамя знаёмства з тэматычнымі брашурамі канкурсанты павінны быті вывучаць і іншую літаратуру, якая ахоплівала сельскагаспадарчыя проблемы. Члены калектыву павінны быті добра ведаць уласную гаспадарку – “яе добрыя і дрэнныя бакі, спосабы паляпшэння”. Канкурсанты III ступені былі абавязаны дапамагаць у працы ўдзельнікам конкурсаў I і II ступеняў, правесці як мінімум дзве экспкурсіі, кожны канкурсант павінен быў падрыхтаваць адзін даклад. Пры завяршэнні III ступені прадугледжвалася правядзенне экзамену для праверкі ведаў, набытых у час праходжання СП. Такса-

ма пажаданым быў удзел канкурсантам III ступені ў сходах вясковага і гміннага самакіравання, у працы “дарослы” сельскагаспадарчых і кааператыўных арганізацый [11, с. 24 – 25].

Існавала даволі падрабязна распрацаваная праграма працы на кожнай са ступеняў СП. Акрамя непасрэдна конкурснай дзейнасці ў ёй шмат увагі надавалася адукациі і самаадукациі членаў калектыву СП. Так, напрыклад, восенню, звычайна ў кастрычніку ці лістападзе, прадугледжвалася правядзенне спецыяльных курсаў як для простых канкурсантам (1 – 2 дні), так і для кіраўнікоў калектываў, перадавікоў СП (5 – 10 дзён) [10, с. 30].

Вынікі конкурснай акцыі падвозіліся восенню. Спачатку праходзілі экзамены і паказы дасягненняў на ўзроўні асобных калектываў у вёсках. Потым адбывалася рэгіянальная ці павятовая выстава СП. Пераможцы конкурсаў атрымлівалі індывідуальныя і калектыўныя ўзнагароды. Інструкцыі прадугледжвалі па 2 індывідуальныя ўзнагароды ў калектыве, 3 – 6 калектыўных узнагарод у павеце. Форма ўзнагарод залежала ад мясцовых умоў. Звычайна гэта былі падручнікі, падпіска на сельскагаспадарчыя часопісы, стыпендыя для навучання ў народнай сельскагаспадарчай школе. Калектывы ў якасці ўзнагарод маглі атрымліваць сельскагаспадарчыя бібліятэчкі, спартыўны інвентар, радыёпрыёмнікі [10, с. 40].

Для кіраўніцтва акцыяй СП на пачатку 1930-х гг. была створана строга цэнтралізаваная структура на чале з Цэнтральным камітэтам па справах вясковай моладзі (ЦКСВМ), які на месцах меў свае ваяводскія і павятовыя філіялы [12, с. 74 – 75]. Кіраўніком Палескага ваяводскага камітэта па справах вясковай моладзі з'яўляўся С. Завадскі [13, с. 35]. У 1936 г. уладамі быў створаны Камітэт па справах культуры вёсکі (КСКВ), пры якім дзейнічала падкамісія СП. Фінансаванне акцыі ажыццяўлялася дзяржавай (Міністэрства земляробства, ЦКСВМ ці КСКВ), ваяводскім земляробчымі палатамі, павятовым і гмінным самакіраваннем, грамадска-гаспадарчымі арганізацыямі, маладзёжнымі саюзамі, самімі канкурсантамі [14, с. 2]. Пры гэтым неабходна падкрэсліць, што афіцыйныя справаздачы, прысвечаныя развіццю СП, давалі станоўчую характарыстыку адносін органаў павятовага самакіравання Палескага ваяводства да сельскагаспадарчай асветы маладога пакалення. Адзначалася, што яны, “нягледзячы на цяжкую фінансавую сітуацыю, ацанілі значэнне акцыі СП і началі сістэматычна прызначаць усе больш сур’ёзныя квоты на СП у паветах” [14, с. 3]. У той жа справаздачы таксама пазітыўна ацэньваўся і фінансавы ўклад у развіццё СП Палескай ваяводскай земляробчай палаты. У гэтым плане Палескае ваяводства ставілі ў адзін шэраг з Варшавскім, Люблінскім, Кракаўскім, Валынскім і Віленскім ваяводствамі [14, с. 5 – 7].

Што тычыцца самай акцыі СП на тэрыторыі Палескага ваяводства, то тут першыя конкурсы былі арганізаваны сярод членаў маладзёжных секцый пры Палескім ваяводскім саюзе земляробчых таварыстваў (ПВСЗТ) у 1927 г. у Брэсцкім, Пінскім і Сарненскім паветах. Напярэдадні ў кожным з гэтых паветаў адбыліся трохдзённыя падрыхтоўчыя курсы. Згодна з афіцыйнымі данымі, ва ўсіх трох паветах праводзіліся конкурсы як па жывёлагадоўлі, так і па раслінаводству. На конкурс па свінагадоўлі запісаліся 94 члены маладзёжнай секцыі, на конкурс па развядзенні хатній птушкі – 64. Адначасова ў конкурсе па вырошчванні бульбы ўдзельнічалі 25 чалавек, капусты – 15, буракоў – 15, агуркоў – 17, у конкурсе кветкаводства – 41 чалавек. Аднак канкурсанты сутыкнуліся з пэўнымі цяжкасцямі. Так, у выніку эпізоўті ў Брэсцкім павеце быў сарваны свінагадоўчы конкурс, конкурсныя калектывы вымушаны былі перакваліфікаўца на вырошчванне цялят. На правядзенне конкурснай акцыі быў атрыманы крэдыт у памеры 7 220 злотых. На гэтыя гроши ў tym ліку было закуплена 65 цялят для Брэсцкага павета, 30 парасяят – для Пінскага і 15 парасяят – для Сарненскага павета. Таксама ПВСЗТ выдзеліў для дапамогі моладзі спецыяльнага інструктара [15, с. 19 – 21].

Развіццю акцыі СП на тэрыторыі Палескага ваяводства садзейнічала стварэнне ў 1928 г. на базе маладзёжных секций ПВСЗТ ваяводскага Саюза сельскай моладзі (CCM). Яго мэтай абвяшчалася “павышэнне духоўнага і гаспадарчага ўзроўню сваіх членаў і ўзбагачэнне культуры вёсکі і Рэчы Паспалітай” [16, с. 3]. Такім чынам, правядзенне конкурснай працы ў сферы сельскагаспадарчага навучання вясковай моладзі цалкам адпавядала гэтай мэце і таму ператварылася ў адзін з галоўных кірункаў дзейнасці дадзенай маладзёжнай арганізацыі.

У 1928 г. Палескі ССМ разгарнуў конкурсную акцыю на тэрыторыі вышэйназваных Брэсцкага, Пінскага і Сарненскага паветаў. Усяго там было створана 100 калектываў СП, якія налічва-

лі 520 удзельнікаў. З іх паспяхова скончылі конкурсную працу 74 калектывы (370 удзельнікаў). У далейшым у Палескім ваяводскім ССМ назіраўся амаль пастаянны рост колькасці калектываў і канкурсантаў (пэўны спад адбыўся толькі ў 1931 – 1932 гг., што было звязана з эканамічным крызісам, а таксама з перадачай Сарненскага павета ў склад Валынскага ваяводства). Ужо ў 1930 г. акцыя СП распаўсюдзілася на ўсе паветы Палескага ваяводства. Згодна са статыстыкай саюза, у 1938 г. арганізацыя мела 646 калектываў СП (4 033 члены) [15, с. 110 – 111]. Праўда, неабходна адзначыць, што дадзеная лічба не зусім супадала з дзяржаўнай статыстыкай. “Малы статыстычны штогоднік”, выдадзены Галоўным статыстычным упраўленнем у 1939 г., паведамляў, што на тэрыторыі Палескага ваяводства ў 1938 г. дзейнічаў 651 калектыв СП (3 890 членаў). З іх паспехова скончылі конкурсную працу 402 калектывы I ступені (2 306 удзельнікаў), 91 калектыв II ступені (457 удзельнікаў), 20 калектываў III ступені (98 удзельнікаў), усяго – 513 калектываў (2 861 удзельнік) [17, с. 339].

Акрамя ССМ сельскагаспадарчай падрыхтоўкай вясковай моладзі Палескага ваяводства зімаліся і мясцовыя структуры Стралецкага саюза “Стралец”. Яны далучыліся да конкурснай акцыі СП у 1931 г. На той момант імі было створана 87 конкурсных калектываў (641 удзельнік). У 1936 г. стралецкае кіраўніцтва рапартавала пра тое, што іх колькасць павялічылася ў два разы – 176 калектываў (1 301 удзельнік) [18, с. 63]. Аднак гэтыя калектывы не абавязкова былі “чыста” стралецкімі. Справа ў тым, што яшчэ ў маі 1933 г. паміж Палескім ССМ і “Стральцом” было падпісана пагадненне аб супрацоўніцтве. Акрамя таго, згодна з гэтым пагадненнем, групы ваенай падрыхтоўкі, створаныя пры Саюзе сельскай моладзі, пераходзілі пад апеку павятовых камендантаў Стралецкага саюза, адначасова стралецкія калектывы СП карысталіся дапамогай інструктараў Палескага ССМ. Таксама прадугледжвалася і стварэнне аддзяленняў ваенай ці сельскагаспадарчай падрыхтоўкі (у выпадку калі ў мясцовасці не было дастатковай колькасці членаў арганізацыі для самастойнай дзейнасці ў дадзенай сферы) [19, с. 14].

Афіцыйныя крыніцы прызнавалі, што з самага пачатку акцыі СП на Палессі сутыкнулася з шэрагам цяжкасцей: недахопам фінансавых сродкаў, адсутнасцю інструктараў, недаверам і абыякавасцю традыцыйна кансерватыўнага вясковага насельніцтва. Таму на першым этапе развіцця конкурснай акцыі СП на тэрыторыі Палескага ваяводства значны націск рабіўся на пра- паганду як сярод вяскоўцаў, так і прадстаўнікоў мясцовай улады і самакіравання. Арганізоўвалася наведванне конкурсных палеткаў, праводзіліся інфармацыйныя сходы, на якія запрашаліся прадстаўнікі старэйшага пакалення, дзе аблікаркоўваліся вынікі конкурснай працы. Важную ролю адыгралі таксама конкурсныя выставы і паказы СП у павятовых гарадах. Недавер часткі насельніцтва быў перадолены. Была атрымана падтрымка з боку мясцовых дзяржаўных структур і самакіравання. К сярэдзіне 1930-х гг. ва ўсіх паветах Палескага ваяводства ў бюджетах мясцовага самакіравання былі прадугледжаны грошовыя сродкі на курсы перадавікоў СП, на ўзнагароды пераможцам конкурсаў, падпіску на сельскагаспадарчую прэсу, конкурсныя брашуры і г. д. Акрамя таго, у кожным павеце быў свой інструктар СП, які ўтрымліваўся за кошт мясцовага бюджету [15, с. 110 – 112]. На ўвядзенне бюджетных квот паўплывала не толькі пра- паганда поспехаў конкурснай акцыі, але і пазіцыя цэнтральных улад, якія мэтанакіравана падтрымлівалі СП. Так, напрыклад, вядома, што ў 1934 г., паводле цыркуляра Міністэрства ўнутраных спраў, “улічваючы гаспадарчое і дзяржаўнае значэнне акцыі Сельскагаспадарчай падрыхтоўкі”, органам павятовага самакіравання было даручана “прадугледжваць з захаваннем прынцыпу бюджетнай раўнавагі адпаведныя квоты на працу Сельскагаспадарчай падрыхтоўкі” [20, с. 35].

На працягу 1930-х гг. акцыя СП на тэрыторыі Палескага ваяводства мела некаторыя дасягненні. Сярод іх у першую чаргу неабходна назваць распаўсюджванне новых для заходнебеларускага Палесся сельскагаспадарчых культур: кармавога бурака і памідораў [15, с. 113 – 114; 21, с. 89]. Таксама канкурсанты імкнуліся ўлічваць і пэўныя мясцовыя асаблівасці. Так, у сувязі са слабым развіццём садаводства на Палессі ў 1932 г. па ініцыятыве кіраўніцтва ваяводскага Саюза сельскай моладзі быў распрацаваны трохгадовы конкурс па вырошчванні садовых саджанцаў. Першымі да гэтага конкурсу прыступілі канкурсанты Кобрынскага павета, якія стварылі 6 адпаведных калектываў з 64 удзельнікамі [15, с. 38].

Згодна з афіцыйнай статыстыкай, у канцы 1930-х гг. па колькасці конкурсных калектываў СП і іх удзельнікаў Палескае ваяводства займала 11-е месца (усяго акцыя СП ахоплівала 16 ваявод-

стваў). Адначасова ў дадзенай сферы яно з’яўлялася лідарам у Заходній Беларусі і апярэджвала Віленскае (12-е месца) і Навагрудскае (15-е месца) ваяводствы [17, с. 339].

Пры гэтым неабходна падкрэсліць, што цэнтральнае кіраўніцтва акцыяй СП адносіла Палескае ваяводства да тэрыторый першай катэгорыі, дзе “праца развіваецца і бачны выразны рост калектываў” (да другой катэгорыі адносіліся ваяводствы, дзе рост спыніўся, ваяводствы трэцяй катэгорыі паказвалі зніжэнне колькасці калектываў СП). На заходнебеларускім Палессі, як і ў сярэднім па ўсёй Польшчы, на павет прыходзілася прыкладна 200 канкурсантаў. У цэлым жа афіцыйныя справаздачы ацэньвалі развіццё Сельскагаспадарчай падрыхтоўкі на тэрыторыі Палескага ваяводства вельмі станоўча [22, с. 33].

Высновы. Такім чынам, праблема развіцця прафесійнай падрыхтоўкі вясковай моладзі з’яўлялася даволі актуальнай для міжваеннай польскай дзяржавы, у тым ліку і на тэрыторыі Палескага ваяводства, значную частку насельніцтва якога складалі менавіта маладыя сляяне. Спачатку яе спрабавалі вырашыць шляхам стварэння сістэмы народных сельскагаспадарчых школ. Затым быў узяты курс на развіццё пазашкольных формаў агратэхнічнай асветы. У выніку аформілася конкурсная акцыя Сельскагаспадарчай падрыхтоўкі (СП), якая з канца 1920-х гг. з’яўлялася важнай часткай афіцыйнай маладзёжнай палітыкі. Праходжанне канкурсантамі трох ступеняў СП павінна было даць ім веды, неабходныя для паспяховай працы ў сваёй гаспадарцы. Кіраўніцтва акцыяй ажыццяўлялася праз цэнтралізаваную структуру, якая мела свае філіялы і на тэрыторыі Палескага ваяводства. Непасрэднымі рэалізатарамі СП з’яўляліся праўрадавыя маладзёжныя саюзы, на Палессі гэта былі ваяводскі Саюз сельскай моладзі і, у меншай ступені, Страслацкі саюз “Страслац”. Значную фінансавую дапамогу ў дадзенай сферы маладзёжныя аб’яднанні атрымлівалі ад ваяводскіх улад, Палескай земляробчай палаты і органаў павятовага самакіравання Палескага ваяводства (гэта было звязана з тым, што ў выніку свайго цяжкага эканамічнага становіща мясцовая насельніцтва не мела матэрыяльных магчымасцей для самастойнага развіцця конкурснай дзейнасці). К канцу 1930-х гг. акцыя СП на тэрыторыі Палескага ваяводства мела пэўныя дасягненні. У параўнанні з іншымі заходнебеларускімі ваяводствамі палескія канкурсанты нават зімалі вядучыя пазіцыі. Агульнадзяржаўнае кіраўніцтва СП давала пазытыўную ацэнку дынамічнасці развіцця сельскагаспадарчых конкурсаў Палескага ваяводства. Тым не менш, калі ўлічваць колькасць маладога пакалення, нельга казаць пра сапраўды масавы характар СП на заходнебеларускім Палессі. У сувязі с гэтым конкурсная акцыя не здолела кардынальна змяніць у лепшы бок сітуацыю ў сферы прафесійнай падрыхтоўкі вясковай моладзі Палескага ваяводства.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Wieczorek, T. Historia szkolnictwa rolniczego w Polsce: skrypty szkoły głównej gospodarstwa wiejskiego Akademii Rolniczej w Warszawie / T. Wieczorek. – 4-e wyd. – Warszawa : Politechnika Warszawska, 1980. – 287 s.
2. Grabińska, J. Zarys rozwoju oświaty rolniczej w Polsce / J. Grabińska // Szkice Podlaskie. – 2004. – Z. 12. – S. 81–86.
3. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII. 1931 r. Mieszkani i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Poleskie. – Warszawa : Nakładem Głównej Rady Statystycznej, 1938. – 282 s.
4. Рижский мир в судьбе белорусского народа: 1921–1953 гг. : в 2 кн. / А. А. Коваленя [и др.] ; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2014. – Кн. 1. – 593 с.
5. Ustawa z dnia 9 lipca 1920 r. o ludowych szkołach rolniczych // Dziennik Urzędowy Min. Wyznań Religijnych i Oświecenia Publ. – 1920. – № 20. – S. 237–240.
6. Szkoły rolnicze // Głos Ziemi. – 1937. – 26 grudnia (№ 37). – S. 11.
7. Grochowski, K. O źródła wiedzy rolniczej / K. Grochowski // Wieś Poleska. – 1938. – № 4. – S. 1–2.
8. Mikułowski-Pomorski, J. Przysposobienie rolnicze drogą konkursów / J. Mikułowski-Pomorski // Tyg. Rol. – 1928. – № 41–42. – S. 421–424.
9. Praca i obowiązki uczni oraz zespołów p.r.: regulamin akcji p.r. – Wilno : Znicz, 1936. – Cz. 1. – 33 s.
10. Wytyczne prac przysposobienia rolniczego / Min. Rolnictwa i Reform Rolnych. – Warszawa : Pomoc Oświatowa, 1939. – 48 s.
11. Ciemniewski, J. Praca zespołu w przysposobieniu rolniczym / J. Ciemniewski. – Warszawa : Centr. Kom. do Spraw Młodzieży Wiejskiej, 1937. – 136 s.
12. Pruszkowski, A. Przewodnik społeczny / A. Pruszkowski. – Warszawa : Druk P. Brzeziński, 1934. – 292 s.
13. Dział informacyjny // Sprawy Wiejskie. – 1935. – № 2. – S. 34–35.
14. Napiórkowski, M. Rozwój akcji przysposobienia rolniczego w oświetleniu budżetowym / M. Napiórkowski // Sprawy Wiejskie. – 1936. – № 4. – S. 1–9.
15. X-lecie Związku Młodej Wsi Województwa Poleskiego 1928–1938. – Brześć nad Bugiem : Nakładem Związku Młodej Wsi Województwa Poleskiego, 1938. – 128 s.

16. Budowa organizacyjna Poleskiego Wojewódzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej. – Brześć nad Bugiem : L. Pak, 1930. – 23 s.
17. Mały rocznik statystyczny 1939 / GŁ. Urząd Statyst. Rzeczypospolitej Pol. – Warszawa : Nakładem GŁ. Urzędu Statyst., 1939. – 460 s.
18. Cichowicz, C. Jak pracuje Okręg Brześć nad Bugiem / C. Cichowicz // Strzelec. – 1936. – № 50–52. – S. 62–64.
19. Sprawozdanie Poleskiego Wojewódzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej za rok 1931–1932. – Brześć nad Bugiem : Wydaw. Poleskiego Wojewódzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej, 1933. – 16 s.
20. Zarządzenie Min. S. Wewn. w sprawie P. R. // Sprawy Wiejskie. – 1935. – № 2. – S. 35.
21. Grochowski, K. Poloty młodego pokolenia / K. Grochowski // Siew Młodej Wsi. – 1936. – № 5. – S. 87–91.
22. Napiórkowski, M. Sprawozdanie z akcji przysposobienia rolniczego / M. Napiórkowski // Sprawy Wiejskie. – 1938. – № 7. – S. 22–33.

References

1. Wieczorek T. *Historia szkolnictwa rolniczego w Polsce: skrypty szkoły głównej gospodarstwa wiejskiego Akademii Rolniczej w Warszawie* [History of agricultural education in Poland: scripts of the main school of the rural farm of the Agricultural Academy in Warsaw]. 4th ed. Warszawa, Politechnika Warszawska, 1980. 287 p. (in Polish).
2. Grabińska J. *Zarys rozwoju oświaty rolniczej w Polsce do 1939 roku* [An outline of the development of agricultural education in Poland]. *Szkice Podlaskie* [Sketches of Podlasie], 2004, vol. 12, pp. 81–86 (in Polish).
3. *Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Poleskie* [The second general census of 9.XII. 1931. Flats and households. Population. Professional relations. Polesie Voivodeship]. Warszawa, Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego, 1938. 282 p. (in Polish).
4. Kovalenya A. A., Danilovich V. V., Borovskaya O. N., Vabishchevich A. N., Valakhanovich I. A., Velikii A. F. (et al.). *Riga peace treaty in the fate of the Belarusian people: 1921–1953. Book 1*. Minsk, 2014. 593 p. (in Russian).
5. *Ustawa z dnia 9 lipca 1920 r. o ludowych* [Act of 9 July 1920 on folk agricultural schools]. *Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego* [Official journal of the Ministry of Religious Denominations and Public Enlightenment], 1920, no. 20, pp. 237–240 (in Polish).
6. *Szkoły rolnicze* [Agricultural schools]. *Głos ziemi* [The voice of the earth], 1937, no. 37, p. 11 (in Polish).
7. Grochowski K. *O źródła wiedzy rolniczej* [About sources of agricultural knowledge]. *Wieś poleska* [Polesia Village], 1938, no. 4, pp. 1–2 (in Polish).
8. Mikułowski-Pomorski J. *Przysposobienie rolnicze drogą konkursów* [Agricultural preparation by competitions]. *Tygodnik Rolniczy* [Agricultural Weekly], 1928, no. 41–42, pp. 421–424 (in Polish).
9. *Praca i obowiązki uczni oraz zespołów p.r.: regulamin akcji p.r. Cz. 1* [Work and duties of students and AP teams: regulations of the AP campaign. Part 1]. Wilno, Znicz, 1936. 33 p. (in Polish).
10. *Wytyczne prac przysposobienia rolniczego* [Guidelines for the work of agricultural preparation]. Warszawa, Pomoc Oświatowa, 1939. 48 p. (in Polish).
11. Ciemniewski J. *Praca zespołowa w przysposobieniu rolniczym* [Team work in agricultural preparation]. Warszawa, Centralny Komitet do Spraw Młodzieży Wiejskiej, 1937. 136 p. (in Polish).
12. Pruszkowski A. *Przewodnik społeczny* [Social guide]. Warszawa, Druk P. Brzeziński, 1934. 292 p. (in Polish).
13. *Dział informacyjny* [Information section]. *Sprawy Wiejskie* [Rural Affairs], 1935, no. 2, pp. 34–35 (in Polish).
14. Napiórkowski M. *Rozwój akcji przysposobienia rolniczego w oświetleniu budżetowym* [Development of agricultural adoption under budget lighting]. *Sprawy Wiejskie* [Rural Affairs], 1936, no. 4, pp. 1–9 (in Polish).
15. *X-lecie Związku Młodej Wsi Województwa Poleskiego 1928–1938* [10th anniversary of the Young Countryside Association of the Polesie Voivodship 1928 1938]. Brześć nad Bugiem, Nakładem Związku Młodej Wsi Województwa Poleskiego, 1938. 128 p. (in Polish).
16. *Budowa organizacyjna Poleskiego Wojewódzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej* [Organizational construction of the Polesie Voivodship Rural Youth Union]. Brześć nad Bugiem, L. Pak, 1930. 23 p. (in Polish).
17. *Mały rocznik statystyczny 1939* [Small statistical yearbook 1939]. Warszawa, Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego, 1939. 460 p. (in Polish).
18. Cichowicz C. *Jak pracuje Okręg Brześć nad Bugiem* [How the Brest on the Bug district works]. *Strzelec* [Archer], 1936, no. 50–52, pp. 62–64 (in Polish).
19. *Sprawozdanie Poleskiego Wojewódzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej za rok 1931–1932* [Report of the Polesie Voivodship Rural Youth Union for 1931–1932]. Brześć nad Bugiem, Wydawnictwo Poleskiego Wojewódzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej, 1933. 16 p. (in Polish).
20. *Zarządzenie Min. S. Wewn. w sprawie P. R.* [Management of the Ministry of Internal Affairs in the case of A. P.]. *Sprawy Wiejskie* [Rural Affairs], 1935, no. 2, p. 35 (in Polish).
21. Grochowski K. *Poloty młodego pokolenia* [Fields of the young generation]. *Siew Młodej Wsi* [Sowing of Young Village], 1936, no. 5, pp. 87–91 (in Polish).
22. Napiórkowski M. *Sprawozdanie z akcji przysposobienia rolniczego* [Report on agricultural adoption]. *Sprawy Wiejskie* [Rural Affairs], 1938, no. 7, pp. 22–33 (in Polish).

Информация об авторе

Кривуть Виталий Иванович – доктор исторических наук, доцент. Барановичский государственный университет (ул. Войкова, 21, 225404, Барановичи, Республика Беларусь). E-mail: krivut@mail.ru

Information about the author

Vitaly I. Kryvuts – D. Sc. (Hist.), Associate Professor. Baranavichy State University (21 Voikova Str., Baranavichy 225404, Belarus). E-mail: krivut@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 94(476)

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-38-48>

Поступила в редакцию 22.10.2021

Received 22.10.2021

С. А. Жук

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Брест, Беларусь

ОРГАНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ И ПРАВА АН БССР (1944–1947 гг.)

Аннотация. Выявлены условия, факторы и особенности организации в структуре АН БССР Института философии и права. Раскрыты особенности реализации проектов по созданию сектора философии. Проанализированы причины ускоренного создания Института в 1947 г., представлены его структура, кадры и основные направления деятельности. Рассмотрены препятствия по созданию исследовательского учреждения и организации его эффективной работы.

Ключевые слова: Академия наук, социальные и гуманитарные науки, философия, организация науки, государственная научная политика, марксизм-ленинизм

Для цитирования: Жук, С. А. Организация Института философии и права АН БССР (1944–1947 гг.) / С. А. Жук // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 1. – С. 38–48. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-38-48>

Sergej A. Zhuk

Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus

ORGANIZATION OF THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE BSSR (1944–1947)

Abstract. The article shows the conditions, factors and features of the organization of the Institute of Philosophy and Law in the structure of the Academy of Sciences of the BSSR. The features of the implementation of projects for the creation of the philosophy sector are disclosed. The reasons for the accelerated creation of the Institute in 1947 are identified, its structure, personnel and main areas of activity are presented. The obstacles to the creation of a research institution and the organization of its effective work are considered.

Keywords: Academy of Sciences, social and humanitarian sciences, philosophy, organization of science, state scientific policy, Marxism-Leninism

For citation: Zhuk S. A. Organization of the Institute of Philosophy and Law of the Academy of Sciences of the BSSR (1944–1947). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 1, pp. 38–48 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-38-48>

Введение. Ускорение роста научного знания, особенно ярко проявившееся в период «волн НТР», интенсифицировало процессы становления и развития истории науки как области научного знания. Наряду с вопросами изучения трансформации научной мысли важной задачей для истории науки является исследование организации науки – факторов, определявших особенности исследовательских программ, концептуальных схем мышления и форм научной рациональности. Отечественная модель организации науки берет начало из советской системы функционирования научно-исследовательских организаций, становление которой относится к 1920 – 1930-м гг. Особенностью развития науки БССР в середине 1940-х гг. является фактический «перезапуск» деятельности научных учреждений, связанный с последствиями Великой Отечественной войны. Центральным научным учреждением в этот период являлась Академия наук, что подтверждалось не только ее правовым статусом (она непосредственно подчинялась высшему исполнительному органу власти республики), но определяющей ролью в координации НИР в БССР.

В статье концентрируется внимание на организации Института философии и права в середине 1940-х гг. Актуальность исследования определяется важностью разработки истории науки в Беларуси. В белорусской науке история отечественной философии советского периода не единожды становилась предметом исследований.

В книгах В. Ф. Купревича (1957, 1958, 1968 гг.) подчеркивается непрерывность проведения философских исследований на базе Академии наук и предлагается следующая «модель преемственности»: сектор (1930 г.) – Институт (1931 г.) – современный Институт (1947 г.) [1–3]. Предложенная модель имеет ряд недостатков. Прежде всего, Институт философии был создан не на базе сектора, а на основе кафедры марксизма-ленинизма [4, с. 32, 40]. Также исследователем не учтены вопросы реорганизаций 1935 и 1936 гг. и закрытие исследовательского учреждения в 1938 г.

Директор Института философии К. П. Буслов в юбилейном сборнике «Наука в БССР за 40 лет» определил основные направления исследований по философии в послевоенные годы, особенно подчеркнув значение изучения общественно-политической и философской мысли Беларуси, а также актуальных вопросов марксизма-ленинизма [5, с. 29]¹.

А. К. Манеев в аналогичном издании через десять лет обращает внимание не только на развитие философских идей в БССР, но и предпринимает попытку показать пути укрепления кадрового потенциала философской науки. Справедливо подчеркивая роль ведущих научных центров Советского Союза (МГУ, Институт философии АН СССР, Академия общественных наук при ЦК ВКП(б), философское отделение истфака БГУ), он даже не упоминает учреждения философского профиля АН БССР. Автор положительно оценивает работы П. М. Кирюшина о «реакционной роли Ватикана» и исследования Я. П. Голенченко, посвященные вопросам критики и самокритики, которые в конце 1940 – начале 1950-х гг. жестко критиковались на уровне Института, Президиума и ЦК КП(б)Б [6, с. 20–22; 7, л. 85–99; 8, л. 31–57].

Интерес к истории марксистско-ленинской философии Беларуси отмечается в конце 1970-х гг. и связан как с развитием в республике исследований в области истории науки, так и с подготовкой к 50-летию Академии. Именно тогда готовятся исследования по развитию частных наук в БССР и истории академических учреждений. В издании «Академия наук БССР» (1979 г.) сообщается о существовании Института философии и права в 1948 г. [9, с. 60], эта же информация приводится и в кратком издании (1989 г.) [10].

В 1979 г. была опубликована работа Е. М. Бабосова, Н. С. Купчина, А. И. Савастюка «Философская наука Советской Белоруссии», где внимание концентрируется на успехах белорусской марксистско-ленинской философии. Однако авторы, ничего не говоря о функционировании исследовательских учреждений философского профиля в межвоенный период, пишут о воссоздании Института философии [11]. Эта же позиция повторяется и в монографии «Развитие марксистско-ленинской философии в БССР (1920–1970-е годы)» (1984 г.) [12]. Один из авторов, Т. И. Адуло, еще в 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Марксистско-ленинская философия в Белоруссии во второй половине 1930-х гг.», где упоминаются и организация Института (1931 г.), и его ликвидация (1938 г.) [13].

На современном этапе происходит некоторый пересмотр оценок итогов развития белорусской марксистско-ленинской философии. Наиболее системно с позиций постнеклассической рациональности эта ревизия осуществлена в исследовании И. М. Новика, посвященном развитию белорусской советской философии 1950-х гг. [14]. В монографии Н. В. Токарева (2016 г.) лишь тезисно упоминается о восстановлении научного учреждения [15, с. 16]. Но вопросы организационного роста исследовательских учреждений философского профиля по-прежнему остаются на периферии внимания исследователей. Например, в книге «Наука Беларуси в XX столетии» (2001 г.) о восстановлении Института философии и права не упоминается [16].

Упрощенный доступ к архивам позволил исследователям шире использовать и этот пласт материалов для разработки вопросов истории развития философии в Беларуси. Так, И. И. Шевчук в юбилейном издании «Институт истории Национальной академии наук Беларуси» (2009 г.) приводит данные о проекте организации в 1944 г. в составе Института истории сектора истории философии [17, с. 38]. В книге «Институт философии НАН Беларуси: источник и символ самосознания культуры» (2011 г.), опубликованной к 80-летию учреждения, более подробно показан период послевоенного восстановления. Например, упоминается создание сектора философии (1946 г.) в структуре АН БССР, который, правда, называется сектором истории философии [18, с. 80].

¹ В статье под марксистско-ленинской философией понимается нормативная парадигма советской философии середины 1940-х гг., которая попала под значительное влияние философских и общественно-политических идей И. Сталина.

По-видимому, авторы путают проект организации сектора в структуре Института истории (июнь 1944 г.) и решения ЦК КП(б)Б по созданию самостоятельного сектора философии (август 1946 г.).

Таким образом, большинство исследований по истории марксистско-ленинской философии написаны в жанре истории философии или интеллектуальной истории, что, соответственно, акцентирует внимание исследователей на проблемах развития философских идей, становлении новых подходов и направлений исследований. Вопросы организационного развития, социальной истории философской науки с середины 1940-х гг., в отличие от межвоенного периода, пока не получили должного внимания со стороны отечественной науки.

Соответственно, целью исследования является выявление особенностей организации Института философии и права АН БССР в середине 1940-х гг.

Для достижения цели предполагается решить следующие задачи:

- 1) показать планы и проекты организации учреждения философского профиля в структуре АН БССР в 1944–1945 гг.;
- 2) проследить организацию сектора философии в 1946 – начале 1947 г.;
- 3) определить факторы, оказавшие наибольшее влияние на создание Института философии и права.

Планы создания учреждения философского профиля (1944–1945 гг.). Концентрация с 1943 г. кадров Академии наук в Москве («московский период эвакуации») актуализировала вопрос о возрождении научно-исследовательских учреждений. С одной стороны, перед Президиумом Академии наук стоял вопрос о необходимости возобновления работы исследовательских подразделений, которые существовали к началу Великой Отечественной войны (Институты химии, торфа, социалистического сельского хозяйства, истории, экономики и др.), а с другой – ощущалась острая необходимость развертывания новых направлений исследований, в особенности в области точных и естественных наук. В условиях ограниченного ресурса кадров и опытно-лабораторной базы оптимальным решением виделось возрождение ликвидированных в конце 1930-х гг. Физико-технического института и Института философии и права.

Основной период восстановления институтов пришелся на конец весны – лето 1944 г. 16 июня 1944 г. Президиум Академии наук рассмотрел вопрос о возрождении Института истории. Академик Н. М. Никольский представил развернутую мотивированную докладную записку и штаты научного учреждения. Предложение получило поддержку со стороны К. В. Горева, О. К. Кедрова-Зихмана. Впервые в период эвакуации во время обсуждения этого вопроса актуализировалась проблема возрождения в составе Академии учреждения философского профиля: президент Академии предложил организовать в составе Института сектор истории философии с целью «изучения истории отдельных философских течений и взглядов выдающихся людей БССР, а в дальнейшем для разработки теоретических вопросов в области марксистско-ленинской философии» [17, с. 39; 19, л. 18]. Однако, согласно совместному постановлению ЦК КП(б)Б и СНК БССР «О восстановлении Института истории Академии наук БССР» (6 июля 1944 г.), штатным расписанием не предусматривалось создание этого сектора [20, л. 54]. Таким образом, первая попытка возрождения научного учреждения философского профиля была безуспешной.

Ведущим фактором явилась кадровая проблема. Летом 1944 г. в структуре Академии наук не было ни одного кандидата или доктора философских наук, количество философов в БССР также было незначительным и они с трудом могли удовлетворить спрос возрождавшихся вузов в научно-педагогических работниках. Отрицательное влияние на организацию научного учреждения оказало и отсутствие в республике ведущих философов, способных возглавить учреждение и предложить исследовательскую программу.

Создание учреждения философского профиля являлось одной из важных научно-организационных задач не только для руководства Академии, но и для ЦК КП(б)Б. Во-первых, марксистско-ленинская философия – это приоритетное направление развития науки в СССР. Она декларировалась как универсальная методология научного познания (единственno верная гносеология). Во-вторых, на институциональном уровне развивался тренд республиканской Академии наук как «минислепка» Союзной Академии, особенно проявлявшийся в области организации социальных и гуманитарных наук. Следовательно, оптимальными являлись создание и раз-

витие институций, способных проводить исследования «нормальной» марксистско-ленинской парадигмы философии.

Руководство Академии понимало невозможность в короткие сроки в условиях реэвакуации и восстановительного периода самостоятельно подготовить высококвалифицированных специалистов, особенно докторов наук. Поэтому предлагалось привлечь по уже сложившейся традиции 1920 – 1930-х гг. специалистов из ведущих научно-исследовательских учреждений и вузов СССР.

В сентябре 1944 г. бюро ЦК КП(б) разрешило Академии наук в мае следующего года провести выборы. Были открыты четыре вакансии академиков и членов-корреспондентов для философов [21, л. 12–13]. Весной следующего года комиссия предложила рекомендовать на должности действительных членов Академии М. Т. Иовчука и И. М. Ильюшина. Первый тогда работал в центральном аппарате ЦК ВКП(б) на должности заместителя начальника управления пропаганды и агитации, второй – заместителем председателя СНК БССР (курировал социальную сферу). Необходимо отметить, что выбор кандидатур академиков-философов среди государственных служащих высокого ранга соответствовал основным идеям проекта кандидатур членов Академии. Например, академиками по специальности «История» предполагалось избрать секретарей ЦК П. К. Пономаренко и В. Н. Малина [21, л. 13; 22, л. 40].

Руководство БССР получило согласие М. Т. Иовчука стать куратором философской науки в республике. Михаил Трифонович по сложившейся традиции мог занять и формальную должность, например, заведующего сектором. Конечно, его кандидатура была поддержана Отделением общественных наук АН БССР, Институтом истории АН БССР, Минским педагогическим институтом, кафедрой марксизма-ленинизма БГУ, Тимирязевской сельскохозяйственной академией [23, л. 12]. В характеристике, подписанной вице-президентом А. Р. Жебраком, отмечалось, что «Михаил Трифонович популярен среди научной общественности и всего населения республики» [23, л. 2 об.].

К началу 1945 г. в Академии наук окончательно сложился проект организации Института философии. С высокой долей вероятности можно говорить и о плане возвращения с государственной службы в Академию на должность директора И. М. Ильюшина.

Однако этому проекту, который входил в более широкий план ускоренного возрождения Академии и курировался лично П. К. Пономаренко, не суждено было осуществиться. В 1945 г. выборы в Академию так и не состоялись. Дефицит философов в БССР продолжал остро ощущаться. Например, в 1945 – 1946 гг. курс диалектического и исторического материализма для аспирантов Академии вел И. М. Ильюшин, занимавший тогда должность заместителя председателя Совнаркома БССР [24, л. 88]. К концу 1945 г. ситуация становится настолько неопределенной, что в плане работы Академии на следующий год ничего не говорится о создании института [25, л. 79].

Организация сектора философии АН БССР. В 1946 г. руководством Академии наук вновь предпринимаются попытки создания учреждения философского профиля. 30 июля Бюро ЦК рассматривало вопрос о создании сектора философии [26, л. 12]. Проект включал в себя штатное расписание, а также список кандидатур для занятия штатных должностей. Он был согласован на уровне отдела школ ЦК КП(б) (П. В. Саевич). Члены Бюро единогласно поддержали необходимость организации сектора, однако разгорелась дискуссия о кадрах. Министр просвещения Е. И. Уралова протестовала против включения в состав сотрудников доцентов минских вузов, работавших более чем на ставку. Первый секретарь минского горкома КП(б) В. И. Козлов раскритиковал кандидатуру кандидата философских наук П. Ф. Протасени, обвинив ученого «в продаже немцам своей жены». По предложению председательствовавшего секретаря ЦК КП(б) В. Н. Малина принятие постановления было отложено до согласования всеми заинтересованными учреждениями кандидатур работников сектора [26, л. 138–139].

6 августа постановление «О секторе философии при Академии наук БССР» всё же было принято. Согласно этому акту государственного управления Академии наук предписывалось в месячный срок разработать и предоставить в ЦК перспективный план работы на 1946–1950 гг., Президиуму поручалось «вовлечь в работу в секторе всех имеющихся в этой области специалистов» [27, л. 58]. Включение последнего пункта связано с отсутствием консенсуса по вопросу заполнения штатов. И вновь на заседании возникли споры, на этот раз уже по профилю учреждения. Первый заместитель председателя Совета Министров БССР П. А. Левицкий предложил

И. М. Ильюшину включиться в работу по организации сектора и в порядке партийного поручения курировать его работу [27, л. 759]. Заместитель председателя Совета Министров К. В. Киселев и Председатель Президиума Верховного Совета БССР Н. Я. Наталевич предложили не фокусироваться чрезмерно на вопросах развития философской мысли Беларуси, а больше внимания уделить марксистско-ленинской философии. К. В. Киселев же вовсе заявил, что «философия одна, поэтому формулировки стоит исправить» [27, л. 760].

Материалы стенограммы позволяют выдвинуть гипотезу не только об определении истории общественно-политической и философской мысли Беларуси как ведущего профиля деятельности сектора, но и об изначально ином названии сектора, которое могло звучать как «сектор истории философии» или даже «сектор истории философии БССР». Акцент на изучение национального измерения развития философской мысли видится закономерным в первые послевоенные годы. В 1946 г. инерциально продолжал развиваться национально-патриотический дискурс. Он ярко проявился в работе историка Н. В. Каменской «Утварэнне Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі», статьях искусствоведа А. А. Усса и даже во вводной статье к первому тому сборника «История БССР», написанной секретарем ЦК КП(б)Б Т. С. Горбуновым. В связи с этим закономерной видится консервативная позиция высших государственных должностных лиц.

Организация сектора философии отличалась от обычной процедуры создания академических учреждений, поскольку был пропущен один из важных этапов – принятие решения на уровне Президиума [28, л. 219]. Оно становилось базой для подготовки мотивированных докладных записок в высшие директивные органы государственной власти, на основании которых принимались постановления СНК (Совета Министров) или совместные постановления органа исполнительной власти и ЦК компартии. Обычно решения дублировались и на союзном уровне. Процедура являлась необходимой в соответствии с Уставом Академии и являлась системообразующим элементом принятия решений по вопросам стратегического управления Академией наук. Эта модель была призвана обеспечить демократизм принятия решений и показать автономию научного сообщества в планировании, как они это понимали, научно-технического прогресса.

Таким образом, в августе 1946 г. ЦК КП(б)Б было принято политическое решение о необходимости создания сектора философии Академии наук БССР. Однако согласно постановлению не утверждалось штатное расписание и не назначался руководитель сектора. Решение высшего партийного органа создавало условия для формирования этого структурного подразделения Академии. Вопреки сложившейся практике, продиктованной правовым статусом Академии, решение не было «проведено» в краткие сроки через постановление Совета Министров.

Практически полгода сектор представлял собой «институциональное привидение», существуя исключительно на бумаге. В отчете Академии за 1947 г. отмечалось: «...Раньше существовал так называемый сектор философии и его юридическое положение было очень неопределенным» [29, л. 98]. Автором не выявлено в фондах Центрального научного архива документальных свидетельств о работе сектора в 1946 г., за исключением прикрепления осенью 1946 г. трех аспирантов к М. Т. Иовчуку [30; 31]. Таким образом, в течение второго полугодия сектор философии не функционировал, не было утверждено штатное расписание и не назначено руководство.

Создание Института философии и права. Некоторые подвижки в работе сектора философии начинаются только в начале 1947 г. В это время в Академию возвращается бывший сотрудник Института философии и права и секретарь парткома И. Н. Лушицкий, демобилизованный со службы в Советской Армии в ноябре 1946 г. и назначенный на должность главного ученого секретаря Академии [32]. Он по совместительству курировал организацию сектора философии. Проблема отсутствия штатов начала решаться в январе 1947 г. после подачи в Совет Министров докладной записки (авторы К. В. Горев и И. Н. Лушицкий) о необходимости организации сектора философии и утверждения штатного расписания [33, л. 1–3]. В аналитической записке отмечались положительная роль Института философии и права в подготовке кадров философов-марксистов и юристов и важность скорейшего возрождения учреждения философского профиля. Проект штатного расписания, разработанный начальником планово-финансового отдела К. С. Резником и президентом АН БССР К. В. Горевым, предусматривал выделение для нужд сектора 14 штатных единиц.

*Таблица 1. Проект штатов сектора философии АН БССР (3 января 1947 г.) [33, л. 3]**Table 1. Sector States Project of the philosophy of the Academy of Sciences of the BSSR (January 3, 1947) [33, p. 3]*

Должность	Количество штатных единиц	Оклад, руб.
Руководитель сектора	1	4500
Старший научный сотрудник, доктор наук	2	3500
Старший научный сотрудник, кандидат наук	5	2500
Младший научный сотрудник	3	750
Старший лаборант	2	500
Секретарь-машинистка	1	450
Всего	14	27 000

Примечание. В тексте документа синими чернилами количество старших научных сотрудников (кандидатов наук) изменено с 5 на 7.

21 января Совет Министров БССР принимает постановление «О восстановлении сектора философии Академии наук Белорусской ССР» [33, л. 4–5], согласно которому восстанавливается сектор философии вместо ранее существовавшего Института философии и права. Высший орган исполнительной власти также поддержал инициативу Академии о штате сектора в составе 14 человек, правда, несколько изменив его.

*Таблица 2. Штаты сектора философии АН БССР (21 января 1947 г.) [33, л. 4–5]**Table 2. States of the sector of philosophy of the Academy of Sciences of the BSSR (January 21, 1947) [33, p. 4–5]*

Должность	Количество штатных единиц	Оклад, руб.
Руководитель сектора	1	4500
Старший научный сотрудник, доктор наук	2	3500
Старший научный сотрудник, кандидат наук	7	2500
Младший научный сотрудник	3	750
Ученый секретарь	1	3500
Всего	14	34 750

Таким образом, постановление Совета Министров от 21 января 1947 г. в «советском порядке» реализовывало решения ЦК КПБ полугодовой давности. Штаты сектора, принятые Советом Министров БССР, были утверждены Государственной штатной комиссией при Совете Министров СССР в начале марта. Они отражают среднесрочные перспективы исследовательского учреждения, о чем свидетельствует докладная записка от 20 февраля на имя заместителя председателя Совета Министров СССР В. М. Молотова (авторы И. Н. Лущицкий и заместитель председателя Совета Министров БССР А. Жавров), в которой отмечалось, что «только в Минске до 15 кандидатов наук и доцентов», которых предлагалось привлечь к работе в секторе [33, л. 4–5]. Однако после этого ситуация кардинально не изменилась: план работы сектора на 1947 г. был представлен на утверждение Президиума только в мае [34, л. 123]. Не совсем понятен и статус сектора философии в структуре Академии. Можно предположить, что он либо входил в состав Отделения общественных наук, либо подчинялся непосредственно Президиуму АН БССР.

Организация Института философии и права. Создание сектора не в полной мере решало проблему отставания АН БССР от Академии наук УССР и Союзной Академии. В то же время возможностей для создания исследовательского учреждения философского профиля было немного. Ситуация начинает резко меняться после назначения в начале 1947 г. на должность секретаря ЦК КП(б)Б по идеологии М. Т. Иовчука. С одной стороны, перевод заместителя начальника управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в провинциальный и не до конца оправившийся от последствий войны Минск в определенной степени являлся понижением в советской иерархии. С другой стороны, «идеологический фронт» в БССР значительно укреплялся благодаря назначению на руководящую должность одного из видных членов команды А. А. Жданова. В специфику его служебных обязанностей органично вписывалась роль куратора философии в БССР, тем более, что сам он вскоре после защиты в 1946 г. докторской диссертации по теме «Из истории русской материалистической философии XVIII–XIX вв.» был избран членом-корреспонден-

том АН СССР. Таким образом, перевод в Минск М. Т. Иовчука являлся последним аргументом в пользу организации Института философии и права.

Совет Министров БССР во изменение январского решения 25 марта 1947 г. принял постановление «О восстановлении Института философии и права Академии наук БССР» [33, л. 7]. Формулировка подчеркивала историческую преемственность институциональных форм организации философских исследований в Академии наук. В качестве основных направлений работы Института были определены обобщение опыта государственного, хозяйственного и культурного строительства, разработка вопросов диалектического и исторического материализма, разработка истории философских и политических учений, теории и истории советского государства и права, а также вопросов общественно-политической и философской мысли Беларуси, исследование и критика буржуазных философских и социологических концепций. Этим же постановлением утверждалось и штатное расписание организовываемого исследовательского учреждения.

Таблица 3. Штаты Института философии и права АН БССР (25 марта 1947 г.) [33, л. 9]

Table 3. States of the Institute of Philosophy and Law of the Academy of Sciences of the BSSR (March 25, 1947) [33, p. 9]

Должность	Количество штатных единиц	Оклад, руб.
Директор	1	6000
Заместитель директора по вопросам права	1	4500
Ученый секретарь	1	2500
Старший научный сотрудник, доктор наук	2	3500
Старший научный сотрудник, кандидат наук	6	2500
Младший научный сотрудник	2	750
Секретарь-машинистка	1	450
Всего	14	36 950

Решение об организации Института философии и права было утверждено совместным постановлением ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР 23 апреля [33, л. 14]. 25 июня Государственной штатной комиссией при Совете Министров СССР принято штатное расписание, разработанное Президиумом АН БССР.

Таблица 4. Штаты Института философии и права АН БССР (25 июня 1947 г.) [33, л. 10]

Table 4. States of the Institute of Philosophy and Law of the Academy of Sciences of the BSSR (June 25, 1947) [33, p. 10]

Должность	Количество штатных единиц	Оклад, руб.
<i>Руководство</i>		
Директор	1	6000
Ученый секретарь	1	2500
<i>Сектор философии</i>		
Руководитель сектора	1	4500
Старший научный сотрудник, доктор наук	1	3500
Старший научный сотрудник, кандидат наук	6	2500
Младший научный сотрудник	2	830
<i>Сектор права</i>		
Руководитель сектора	1	4500
Старший научный сотрудник, кандидат наук	4	2500
Младший научный сотрудник	2	830
<i>Административно-хозяйственный персонал</i>		
Секретарь-машинистка	1	360
Всего	20	49 680

По сравнению с январем – мартом не только увеличилось общее число штатных единиц с 14 до 20, но и были созданы структурные подразделения Института – сектора философии и права. Закономерно, что принятие этого решения относится к июню 1947 г. и, скорее всего, связано с последствиями «философской дискуссии», организованной покровителем М. Т. Иовучка А. А. Ждановым. Поэтому логичным видится укрепление марксистско-ленинской философии «на периферии» как одно из имплицитных ее последствий.

Свою деятельность Институт философии и права начал с 1 июля 1947 г. С этого времени развернулась и работа по подбору кадров. В июле – октябре И. Н. Лушицкий и Я. П. Голенченко по очереди исполняли обязанности директора Института [35, л. 109]. В ноябре на эту должность утвержден заместитель начальника управления пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б кандидат философских наук И. М. Ильюшин после его избрания членом-корреспондентом [36]. Неформальным куратором научной работы института стал М. Т. Иовчук. Таким образом, была реализована предложенная еще в 1945 г. модель управления философской наукой: директор – И. М. Ильюшин, «куратор» – М. Т. Иовчук.

В сентябре Президиум утвердил Ученый совет института в составе 13 человек [35, л. 109]. До 1948 г. этот орган управления в качестве научного учреждения работал эпизодически. Было подано ходатайство в Министерство высшего образования СССР о наделении Ученого совета правом приема кандидатских и докторских диссертаций по философским и юридическим наукам. Для этих целей в его состав предлагалось ввести М. Т. Иовчука, В. Н. Перцева, Н. М. Никольского, И. В. Гуторова, И. С. Чимбурга, П. Ф. Протасенко. Однако Совет Министров СССР и Министерство высшего образования СССР эту инициативу не поддержали.

К концу 1947 г. в Институте трудились 11 человек. Тогда же были определены следующие исследовательские проблемы [29, л. 116–124]:

1) *Исторический путь белорусской советской государственности* (тема приурочена к 30-летию БССР). Исполнителями определены кандидаты юридических наук, старшие научные сотрудники Ф. И. Гавзе и А. Ш. Фарфель;

2) *История общественно-политической и философской мысли России и Беларуси*. «Российский блок» курировал М. Т. Иовчук, а кандидат юридических наук, старший научный сотрудник И. Н. Лушицкий разрабатывал вопросы истории общественно-политической и философской мысли Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. [37, л. 9]. По этой теме Иван Николаевич подготовил и защитил в 1951 г. докторскую диссертацию [38]. В выполнении плановых заданий принимали участие кандидаты философских наук, старшие научные сотрудники И. Г. Родин и В. И. Степанов;

3) *Идеологическая борьба в России накануне первой революции* (исполняющая обязанности старшего научного сотрудника, а затем младший научный сотрудник Г. И. Якуб работала под научным руководством М. Т. Иовчука);

4) *Противоречия социалистического общества и пути их преодоления*. Исполнителем назначен кандидат философских наук, старший научный сотрудник Я. П. Голенченко. Тема планировалась в качестве докторской диссертации, однако несмотря на прикомандирование ученого во время обучения в докторантуре к Институту философии АН СССР, диссертация так и не была защищена;

5) *Критика расовых теорий* (кандидат философских наук, старший научный сотрудник П. М. Кирюшин). Ученым будет подготовлена монография о «реакционной роли» Ватикана в современной политике, которая в 1950–1951 гг. подвергнется «разгрому» со стороны руководства Института и Академии;

6) *Триумф ленинско-сталинской национальной политики (на примере БССР)*. Проблема разрабатывалась И. М. Ильюшиным с перспективой выхода на защиту докторской диссертации. Иван Макарович не успел подготовить текст работы до перевода на должность министра просвещения БССР (1951 г.), а к середине 1950-х гг. такая постановка проблемы утратит актуальность, теоретико-методологические основания работы также требовали основательной корректировки в условиях пересмотра оценок национальной политики, проводимой Советским государством в 1930-е – начале 1950-х гг.

Фактически абсолютное большинство проблем, разрабатывавшихся Институтом, относилось к философскому профилю. Наиболее системно в планах работы представлены вопросы истории философской и общественно-политической мысли, по этой теме работали большинство ведущих научных работников. Направления, связанные с государственной политикой и критикой «буржуазных концепций», представлены в качестве индивидуальных тем И. М. Ильюшина и П. М. Кирюшина. Важнейшее для советской философии проблемное поле марксизма-ленинизма разрабатывалось только Я. П. Голенченко. В планах Института не было учтено быстро развивавшееся в СССР направление – философия естествознания.

Юридическая тематика была представлена эпизодически лишь работами в области истории советского государства и конституционного права. Широкие же сферы уголовного, административного, семейного права, а также иные направления юридической науки не стали предметом научных исследований. До 1950 г. сектор права не производил никакой научной продукции, а его кадровый потенциал был низким, что создало предпосылки для его повторной организации в 1950 г.

С первого года работы в Институте философии и права функционировала аспирантура, осуществлялась подготовка кандидатских диссертаций младшими научными сотрудниками. Один из первых аспирантов в послевоенное время А. Ф. Смирнов защитил кандидатскую диссертацию, посвященную исследованию общественно-политических взглядов К. Калиновского (1950 г.) [39], однако после обвинений в подлоге документов (скрыл, что его отец принадлежал к «кулакам» и был репрессирован) не сможет продолжить карьеру в БССР. В 1963 г. в Институте истории АН СССР им будет защищена докторская диссертация по теме «Революционные связи народов СССР и Польши».

Следует отметить, что результативность научной работы была невысокой. Это объясняется тотальной практикой совместительства на ставку (даже среди младших научных сотрудников) в вузах, а среди отдельных научных сотрудников (Я. П. Голенченко, П. М. Кирюшин, В. И. Степанов) – на 2–2,5 ставки [40, л. 61]. Кроме того, сотрудники на условиях почасовой оплаты читали курс диалектического и исторического материализма для аспирантов АН БССР.

Выводы. Необходимость организации научного учреждения философского профиля детерминировалась важностью философского знания для социальных и гуманитарных наук СССР и статусом марксизма-ленинизма как «методологического ядра» советской науки. Первые попытки его создания относятся еще к «московскому периоду эвакуации» (проект К. В. Горева по созданию сектора истории философии в структуре Института истории). С большой долей вероятности можно допустить, что полноценное возрождение Института философии и права изначально предполагалось в 1945 г. после планировавшихся первых послевоенных выборов в Академию. Политическое решение о создании сектора философии принято в августе 1946 г. ЦК КП(б)Б. Однако проведение его в жизнь «в советском порядке» через постановление Совета Министров и утверждение штатов относится только к январю 1947 г.

Сложности в организации институциональных форм философской науки в АН БССР связаны, прежде всего, с недостатком высококвалифицированных ученых-философов, имевших степень кандидата и доктора наук. Острой являлась проблема подбора руководителя научного учреждения, способного к научно-организационной работе: стратегическому планированию научных исследований, реализации крупных научных проектов, созданию эффективной системы подготовки научных кадров, формированию условий для институционализации научных школ.

Резкое ускорение работы по организации Института философии и права весной 1947 г. связано с переездом в Минск члена-корреспондента АН СССР М. Т. Иовчука, который занял позицию куратора философской науки в БССР. К концу июня 1947 г. структура и штаты были утверждены в союзном центре, с июля началась организационная работа. Создание научного учреждения в такой институциональной форме связано, с одной стороны, с идеей восстановления Института философии и права, ликвидированного в 1938 г., с другой – обусловлено практикой «репликации» организационной структуры АН СССР на уровень Академий союзных республик, что при ограниченном кадровом потенциале в регионах приводило к организации исследовательских учреждений, объединявших в своих стенах философов и юристов.

Возобновление проведения исследований в области философии в институциональных формах является одним из достижений Академии в первые послевоенные годы и исправлением ошибок конца 1930-х гг. Восстановление Института философии и права позволило создать условия для развития в АН БССР истории философии, марксистско-ленинской философии, философии естествознания, истории и теории государства и права, других областей юридической науки.

Список использованных источников

1. Купревич, В. Ф. Академия наук Белорусской ССР: исторический очерк / В. Ф. Купревич. – Минск : Изд-во АН БССР, 1957. – 150 с.
2. Купревич, В. Ф. Академия наук Белорусской ССР: очерк истории и деятельности / В. Ф. Купревич. – 3-е доп. изд. – Минск : Наука и техника, 1968. – 239 с.

3. Купрэвіч, В. Ф. Акадэмія навук Беларускай ССР: нарыс гісторыі і дзейнасці / В. Ф. Купрэвіч. – Мінск : Выд-ва Акад. навук БССР, 1958. – 276 с.
4. Токарев, Н. В. Академия наук Белорусской ССР: годы становления и испытаний (1929–1945) / Н. В. Токарев. – Минск : Наука и техника, 1988. – 182 с.
5. Навука ў Беларускай ССР за 40 год / Акад. навук БССР ; рэдкал.: В. Ф. Купрэвіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Выд-ва Акад. навук Беларус. ССР, 1958. – 475 с.
6. Навука БССР за 50 год / Акад. навук Беларус. ССР ; рэдкал.: В. Ф. Купрэвіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1968. – 607 с.
7. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 81. Д. 447. Л. 226.
8. Центральный научный архив НАН Беларуси (далее – ЦНА НАНБ). – Ф. 12. Оп. 1. Д. 15. Л. 86.
9. Академия наук Белорусской ССР / Акад. наук БССР ; редкол.: Н. А. Борисевич [и др.]. – Минск : Гл. ред. Белорус. совет. энцикл., 1979. – 598 с.
10. Академия наук Белорусской ССР: краткий очерк / под ред. В. П. Платонова. – Минск : Наука и техника, 1989. – 158 с.
11. Бабосов, Е. М. Философская наука Советской Белоруссии / Е. М. Бабосов, Н. С. Купчин, А. И. Савастюк. – Минск : Наука и техника, 1979. – 103 с.
12. Развитие марксистско-ленинской философии в БССР (20–70-е годы) / Т. И. Адуло [и др.] ; редкол.: Е. М. Бабосов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1984. – 336 с.
13. Адуло, Т. И. Марксистско-ленинская философия в Белоруссии во второй половине 30-х гг. : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Т. И. Адуло. – Минск, 1974. – 289 л.
14. Новік, І. Беларуская савецкая філасофія 1950-х гг. як філасофія *sensus communis* [Электронны рэсурс] / І. Новік. – Рэжым доступу: <https://abdziralovic.by/ivan-novik-belaruskaya-saveckaya-filasofiya-1950-yx-gg-yak-filasofiya-sensus-communis/>. – Дата доступу: 23.08.2021.
15. Токарев, Н. В. Академия наук Белорусской ССР: годы восстановления и развития (1945–1991) / Н. В. Токарев. – Минск : Беларус. навука, 2016. – 247 с.
16. Наука Беларуси в XX столетии / Нац. акад. наук Беларуси, Комис. по истории науки ; редкол.: Н. А. Борисевич [и др.]. – Минск : Беларус. наука, 2001. – 1006 с.
17. Институт истории НАН Беларуси, 1929–2009 / А. А. Коваленя (рук.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2009. – 627 с.
18. Институт философии НАН Беларуси: источник и символ самосознания культуры : [к 80-летию института (1931–2011 гг.) / А. А. Лазаревич (рук.) [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. наука, 2011. – 380 с.
19. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 504. Л. 56.
20. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 61. Д. 48. Л. 58.
21. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 61. Д. 74. Л. 87.
22. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 47. Д. 40. Л. 83.
23. ЦНА НАНБ. – Ф. 2. Личное дело Михаила Трифоновича Иовчука. Л. 19.
24. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 107. Л. 95.
25. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 112. Л. 79.
26. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 61. Д. 300. Л. 143.
27. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 61. Д. 304. Л. 767.
28. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 503. Л. 219.
29. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 150. Л. 116.
30. ЦНА НАНБ. – Ф. 16. Д. 129. Б/н.
31. ЦНА НАНБ – Ф. 1. Д. 125. Б/н.
32. ЦНА НАНБ. – Ф. 2. Личное дело Ивана Николаевича Лушицкого. Л. 37.
33. ЦНА НАНБ. – Ф. 12. Д. 13. Л. 41.
34. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 505. Т. 1 Л. 397.
35. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 505. Т. 2. Л. 403.
36. ЦНА НАНБ. – Ф. 2. Личное дело Ильюшина Ивана Макаровича. Л. 38.
37. ЦНА НАНБ. – Ф. 12. Д. 11. Л. 38.
38. Лушицкий, И. Н. Передовая общественно-политическая и философская мысль в Белоруссии второй половины XIX века : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / И. Н. Лушицкий. – М. ; Минск, 1951. – 37 с.
39. Смирнов, А. Ф. Революционный демократизм К. Калиновского : автореф. дис. канд. филос. наук / А. Ф. Смирнов. – Минск, 1950. – 21 с.
40. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 508. Т. 1. Л. 376.

References

1. Kuprevich V. F. *Academy of Sciences of the Belarusian SSR: historical essay*. Minsk, Publishing House of the Academy of Sciences of the BSSR, 1957. 150 p. (in Russian).
2. Kuprevich V. F. *Academy of Sciences of the Belarusian SSR: an essay on history and activities*. 3nd ed. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1968. 239 p. (in Russian).
3. Kuprevich V. F. *Academy of Sciences of the Belarusian SSR*. Minsk, Publishing House of the Academy of Sciences of the BSSR, 1958. 276 p. (in Belarusian).
4. Tokarev N. V. *Academy of Sciences of the Belarusian SSR: the years of Formation and testing (1929–1945)*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1988. 182 p. (in Belarusian).

5. Kuprevich V. F. (ed.) (et al.). *Science in the BSSR for 40 years*. Minsk, Publishing House of the Academy of Sciences of the BSSR, 1959. 475 p. (in Belarusian).
6. Kuprevich V. F. (ed.) (et al.) *Science in the BSSR for 50 years*. Minsk, Publishing House of the Academy of Sciences of the BSSR, 1968. 607 p. (in Belarusian).
7. *National Archive of the Republic of Belarus (NARB)*. F. 4p. Op. 81. D. 447. L. 226. (in Russian).
8. *Central scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus (CSA NASB)*. F. 12. Op. 1. D. 15. L. 86. (in Russian).
9. Borisevich N. A., Atrakhovich K. K., Belyi V. A., Brovka P. U., Bulygin I. A., Buslov K. P. (et al.). *Academy of Sciences of the BSSR*. Minsk, Belorusskaya sovetskaya entsiklopediya Publ., 1979. 598 p. (in Russian).
10. Platonov V. P. (ed.). *Academy of Sciences of the BSSR: a short sketch*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1989. 158 p. (in Russian).
11. Babosov E. M., Kupchin N. S., Savastyuk A. I. *Philosophical Science of Soviet Belarus*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1979. 103 p. (in Russian).
12. Adulo T. I., Bovsh V. I., Doroshchevich E. K., Efremova O. I., Konon V. M., Mokhnach N. N., Shirokanov D. I. *Development of Marxist-Leninist philosophy in the BSSR (1920–1970s)*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1984. 336 p. (in Russian).
13. Adulo T. I. *Marxist-Leninist philosophy in Belarus in the second half of the 1930s*. Ph. D. Thesis. Minsk, 1974. 289 p. (in Russian).
14. Novik I. *Belarusian Soviet Philosophy of the 1950s as a philosophy of Sensus communis*. Available at: <https://abdziralovic.by/ivan-novik-belaruskaya-savezkaya-filosofiya-1950-yx-gg-yak-filosofiya-sensus-communis/> (accessed 23.08.2021) (in Belarusian).
15. Tokarev N. V. *Academy of Sciences of the Belarusian SSR: years of recovery and development (1945–1991)*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2016. 247 p. (in Russian).
16. Borisevich N. A., Petrikov P. T., Astapchik S. A., Izobov N. A., Komarov V. S., Makhnach A. S. (et al.). *Science of Belarus in the XX century*. Minsk, Belaruskaya nauka Publ., 2001. 1006 p. (in Russian).
17. Kovalenya A. A., Golchenko G. Ya., Golubev V. F., Danilovich V. V., Zhilinskii M. G., Zen'kovich Yu. V. (et al.). *Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, 1929–2009*. Minsk, Belaruskaya nauka Publ., 2009. 627 p. (in Russian).
18. Lazarevich A. A., Adulo T. I., Belokrylova V. A., Derman A. V., Evorovskii V. B., Zgirovskaya E. V. (et al.). *Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus: source and symbol of self-consciousness of culture*. Minsk, Belaruskaya nauka Publ., 2011. 380 p. (in Russian).
19. *Central scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus (CSA NASB)*. F. 1. D. 504. L. 56. (in Russian).
20. *National Archive of the Republic of Belarus (NARB)*. F. 4p. Op. 61. D. 48. L. 58. (in Russian).
21. *National Archive of the Republic of Belarus (NARB)*. F. 4p. Op. 61. D. 74. L. 87. (in Russian).
22. *National Archive of the Republic of Belarus (NARB)*. F. 4p. Op. 47. D. 40. L. 83. (in Russian).
23. *Central scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus (CSA NASB)*. F. 2. Personal file of Mikhail Trifonovich Iovchuk. L. 19. (in Russian).
24. *Central scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus (CSA NASB)*. F. 1. D. 107. L. 95. (in Russian).
25. *Central scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus (CSA NASB)*. F. 1. D. 112. L. 79. (in Russian).
26. *Central scientific Archive of the Republic of Belarus (NARB)*. F. 4p. Op. 61. D. 300. L. 143. (in Russian).
27. *Central scientific Archive of the Republic of Belarus (NARB)*. F. 4p. Op. 61. D. 304. L. 767. (in Russian).
28. *Central scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus (CSA NASB)*. F. 1. D. 503. L. 219. (in Russian).
29. *Central scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus (CSA NASB)*. F. 1. D. 150. L. 116. (in Russian).
30. *Central scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus (CSA NASB)*. F. 1. D. 129. (in Russian).
31. *Central scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus (CSA NASB)*. F. 1. D. 125. (in Russian).
32. *Central scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus (CSA NASB)*. F. 2. Personal file of Ivan Nikolaevich Lushchitsky. L. 37. (in Russian).
33. *Central scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus (CSA NASB)*. F. 12. D. 13. L. 41. (in Russian).
34. *Central scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus (CSA NASB)*. F. 1. D. 505. Vol. 1. L. 397. (in Russian).
35. *Central scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus (CSA NASB)*. F. 1. D. 505. Vol. 2. L. 403. (in Russian).
36. *Central scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus (CSA NASB)*. F. 2. Personal file of Ilyushin Ivan Makarovich. L. 38. (in Russian).
37. *Central scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus (CSA NASB)*. F. 12. D. 11. L. 38. (in Russian).
38. Lushchickii I. N. *Advanced socio-political and philosophical thought in Belarus of the second half of the XIX century*. Abstract of Ph. D. diss. Moscow, Minsk, 1951. 37 p. (in Russian).
39. Smirnov A. F. K. *Kalinovsky's revolutionary democracy*. Abstract of Ph. D. diss. Minsk, 1950. 21 p. (in Russian).
40. *Central scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus (CSA NASB)*. F. 1. D. 508. Vol. 1. L. 376. (in Russian).

Информация об авторе

Жук Сергей Александрович – аспирант. Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина (бульвар Космонавтов, 21, 224000, Брест, Республика Беларусь). E-mail: sergej.zhuk.98@mail.ru

Information about the author

Sergej A. Zhuk – Postgraduate student. Brest State University named after A. S. Pushkin (21 Kosmonavtov Boulevard, 224000 Brest, Belarus). E-mail: sergej.zhuk.98@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 903.5(476.2)«17»

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-49-59>

Паступіў у рэдакцыю 15.06.2021

Received 15.06.2021

A. A. Kunash

Institut gistoryi Naцыянальнай акаадэміі навук Беларусі, Mінск, Беларусь

РЫМСКА-КАТАЛІЦКІ АБРАЗОК XVIII СТ. З КУРГАННАГА МОГІЛЬНИКА ГЛЫБАЎ РЭЧЫЦКАГА РАЁНА ГОМЕЛЬСКАЙ ВОБЛАСЦІ

Аннотация. Статья посвящена иконографическому и семантическому анализу римско-католической иконки, которая была выявлена во время археологического исследования курганного могильника Глыбов в 1958 г. Иконка имеет овальную форму и сделана из медного сплава в технике литья.

На лицевой стороне иконки изображены орудия страстей Иисуса Христа, а на обратной – рельефное изображение св. Екатерины Генуэзской. Орудия страстей – важный и неотъемлемый атрибут мученичества Иисуса Христа – подробно описаны в четырех канонических Евангелиях (Матфея, Марка, Луки и Иоанна), многочисленных апокрифических текстах, отражены в произведениях иконописи и декоративно-прикладного искусства. Орудия страстей, которые принесли Иисусу Христу физические и духовные страдания, символизируют события, происходившие в Иерусалиме в последние часы его земной жизни, а также после смерти. Общее количество элементов-символов, изображённых на лицевой стороне иконки, – 27.

На обратной стороне иконки имеется рельефное изображение св. Екатерины Генуэзской. Св. Екатерина была причислена к лицу блаженных Папой Римским Климентом X 1675 г. Канонизирована Папой Римским Климентом XII в 1737 г.

Анализ иконографических и семантических особенностей позволил датировать иконку XVIII в., а наиболее вероятным местом ее изготовления является Италия.

Ключевые слова: археология, иконка, религия, христианство, римско-католическая конфессия, орудия страстей, курган, погребение, Иисус Христос, св. Екатерина

Для цитирования: Кунаш, А. А. Рымска-каталіцкі абразок XVIII ст. з курганнага могільніка Глыбаў Рэчыцка-га раёна Гомельскай вобласці / А. А. Кунаш // Вес. Нац. аkad. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 1. – С. 49–59. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-49-59>

Aliaksandr A. Kunash

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

ROMAN CATHOLIC MEDAL FROM THE 18th CENTURY FROM THE BURIAL MOUND OF GLYBAY IN RECHYTSA DISTRICT GOMEL REGION

Abstract. The article is devoted to the iconographic and semantic analysis of the Roman Catholic medal, which was revealed during the archaeological study of the Glybov burial mound in 1958. The medal has an oval shape and is made of a copper alloy using the casting technique.

The obverse of the medal depicts the instruments of the passions of Jesus Christ, and the reverse depicts a relief image of St. Catherine of Genoa. The instruments of passion are an important and integral attribute of the martyrdom of Jesus Christ, which are described in detail in the four canonical Gospels (Matthew, Mark, Luke and John), numerous apocryphal texts, reflected in the works of medal painting and decorative and applied art. The instruments of passions symbolize the events that took place in Jerusalem in the last hours of the earthly life of Jesus Christ, as well as after death, which brought him physical and spiritual suffering. The total number of symbol elements depicted on the front side of the medal is 27.

On the back of the medal there is a relief image of St. Catherine of Genoa. St. Catherine was canonized by Pope Clement X in 1675 and canonized by Pope Clement XII in 1737.

An analysis of the iconographic and semantic features made it possible to date the medal to the 18th century, and the most likely place of its manufacture is Italy.

Keywords: archeology, medal, religion, Christianity, Roman Catholic confession, instruments of passions, barrow, burial, Jesus Christ, St. Catherine

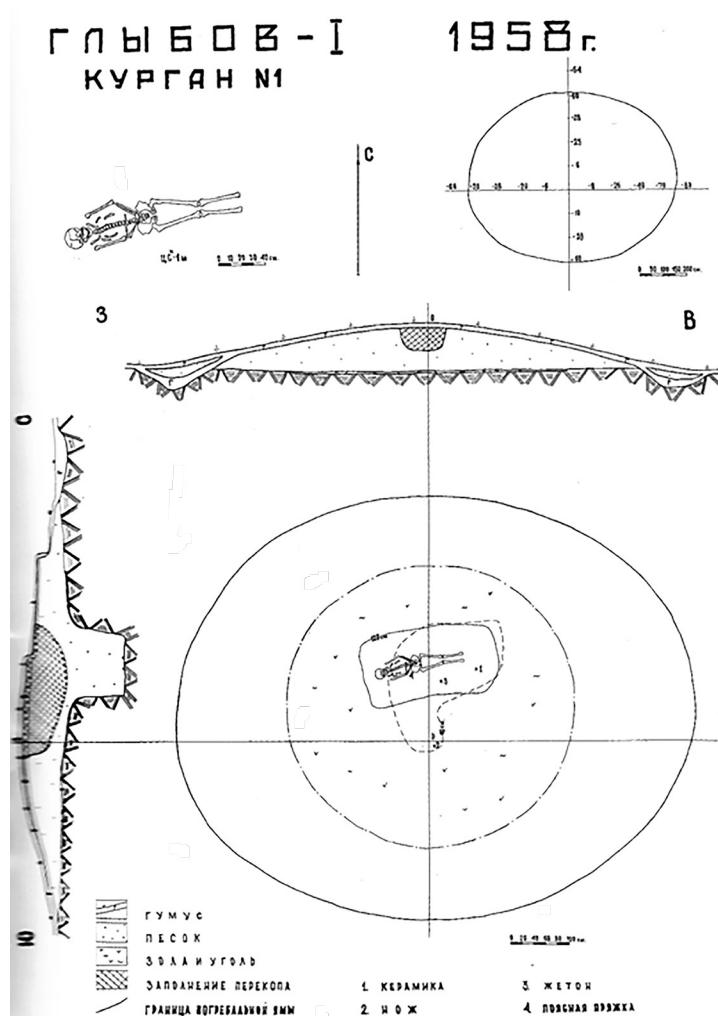
For citation: Kunash A. A. Roman Catholic medal from the 18th century from the burial mound of Glybay in Rechytsha district Gomel region. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 1, pp. 49–59 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-49-59>

Уводзіны. Сведчаннем прыналежнасці да рымска-каталяцкай веры разам з нацельнымі крыжамі і ружанцамі з'яўляліся разнастайныя па форме і семантыцы рэлігійныя абрэзкі. Абрэзкі як элемент духоўнай і матэрыяльнай культуры з'яўляюцца багатай інфармацыйнай кірніцай для вывучэння гісторыі рымска-каталяцкай канфесіі, а таксама іканаграфіі, агіяграфіі, эпіграфікі. Вывучэнне гэтай катэгорыі хрысціянскіх старажытнасцей, выяўленых на тэрыторыі Беларусі, з'яўляецца важным і неад'емным элементам пры даследаванні гісторыі рымска-каталяцкай канфесіі.

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца ўвядзенне ў навуковы ўжытак, а таксама аналіз семантыкі ўнікальнага для тэрыторыі Беларусі рымска-каталяцкага абрэзка XVIII ст., які быў выяўлены падчас археалагічных даследаванняў курганнага могільніка Глыбай Рэчыцкага раёна Гомельскай вобласці ў 1958 г.

Асноўная частка. Курганны могільнік размешчаны на паўднёвой ускраіне в. Глыбай Рэчыцкага раёна Гомельскай вобласці на высокім правым беразе р. Днепр. Археалагічныя даследаванні двух курганных насыпаў ажыццяўляліся ў жніўні–верасні 1958 г. пад кіраўніцтвам С. С. Шырынскага.

Курган № 1 размяшчаўся ў паўночнай частцы могільніка. Даўжыня кургана з поўдня на поўнач складала 7,1 м, з захада на ўсход – 8,8 м, вышыня – 0,60–0,64 м, акружнасць – 25,8 м. Насып быў пакрыты слоем дзірвану і парослы кустарнікам (мал. 1). Курган быў раскапаны на знос з пакіданнем бровак, якія пасля зняцця профілей прыбіраліся [1, с. 1–2].

Мал. 1. План кургана № 1 курганнага могільніка Глыбай Рэчыцкага раёна Гомельскай вобласці

Fig. 1. Plan of the mound №1 of the Hlybaj mound cemetery of Rechytsha district Gomel region

У верхніх пластах курганныага насыпу была выяўлена яма-перакоп Г-падобнай формы, якая была запоўнена рудым з карычневым адценнем пяском. Памеры ямы: з поўдня на поўнач – 2 м, з захаду на ўсход – 1,96 м, глыбіня – 0,84 м. У запаўненні ямы, на глыбіні 0,36 м, былі выяўлены трэй фрагменты керамікі; на глыбіні 0,42 м знойдзены нож XVIII–XIX стст. (датаванне С. С. Шырынскага) з рэшткамі драўлянай дзяржальні. На дне ямы, на глыбіні 0,83 м, у адпаведнасці з азначэннем супрацоўніка аддзела нумізматыкі ДГМ Н. Собалевай, быў выяўлены “бронзовый польский католический образок конца XVIII – первой половины XIX в. с изображением на лицевой стороне св. Екатерины, а на обратной – орудий страстей христовых” [1, с. 1–2; 2, с. 121–122].

На глыбіні 0,9 м ад верха кургана была зафіксавана пахавальная яма прамавугольнай формы, якая была заглыблена ў мацерыковы пясок. На дне ямы (1,84 м ад верха кургана) выяўлена пахаванне згодна з абраадам інгумацыі, якое датуецца XII–XIII стст. і суадносіцца з племенем дрыгавічоў [1, с. 3].

Косткі з пахавання былі перададзены С. С. Шырынскім у Маскоўскі музей антрапалогіі. Рэчавы матэрыял, у тым ліку і рымска-каталяцкі абраадок XVIII ст., быў перададзены на гістарычны факультэт Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітета імя М. В. Ламаносава (даведка пра перадачу прадметаў далучана да справаўдачы) [1, с. 3].

Неабходна адзначыць, што заходкі рэчаў асабістай набожнасці Новага часу, якія выяўлены ў курганных насыпах XII–XIII стст., з'яўляюцца даволі ўнікальнай з'явай і, на жаль, не маюць абургунтаваных тлумачэнняў. Для падрыхтоўкі артыкула выкарыстаны фотаздымак, які размешчаны ў палявой справаўдачы.

Апісанне абраадка. Двухбаковы абраадок авальнай формы, выраблены з меднага сплаву ў тэхніцы ліцця.

На ліцевым баку абраадка адлюстраваны прылады пакут Хрыста, а на адваротным – выява св. Кацярыны. Іканаграфічная кампазіцыя на двух баках заключана ў рэльефную рамку па перыметры абраадка. Вушка абраадка страчана, замест яго для падвешвання ў верхній частцы пад рамкай маецца скразная, неахайна зробленая гарызантальная адтуліна з ірванымі краямі. Памеры абраадка С. С. Шырынскім не прыведзены, фотаздымак пададзены без маштабу (мал. 2).

Іканаграфія. На ліцевым баку абраадка размешчаны рэльефныя выявы прылад пакут Ісуса Хрыста. Прыйлады пакут, згодна з афіцыйнымі Евангеллямі ад Матфея, Марка, Лукі, Іаана, а таксама апакрыфічнымі тэкстамі, сімвалізуюць падзеі, якія прынеслі Хрысту фізічныя і духоўныя пакуты і адбываліся ў Іерусаліме ў апошнія дні і гадзіны яго зямнога жыцця, а таксама пасля смерці [3]. Агульная колькасць элементаў-сімвалаў, адлюстраваных на ліцевым баку абраадка, складае 27. Інтэрпрэтацыя размешчаных сімвалаў ажыццяўлялася з дапамогай Евангельскіх тэкстаў, твораў іканапісу і дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва (мал. 3).

Мал. 2. Рымска-каталяцкі абраадок XVIII ст. з курганныага могільніка Глыбай Рэчыцкага раёна
Гомельскай вобласці

Fig. 2. Roman Catholic medal of the XVIII century from the mound cemetery of Hlybaj of Rechytsa district
Gomel region

Мал. 3. Схема размяшчэння прылад пакут Хрыста на рымска-каталіцкім абразку XVIII ст. з курганнага могільніка Глыбаў Рэчыцкага раёна Гомельскай вобласці

Fig. 3. Scheme of placing the instruments of Christ's suffering on a Roman Catholic medal of the 18th century from the Hlybaj burial mound of Rechytsha district Gomel region

Цэнтральнае месца на ліцевым баку абразка займае выява лацінскага чатырохканцовага *крыжа*, на якім быў раскрыжаваны Ісус Хрыстос і які з'яўляецца галоўным сімвалам хрысціянства. У падножжы крыжа размешчаны схематычны схіл – *Галгофа*, а па дыяганалі ўздоўж крыжа – выявы *кап'я* і *кія з губкай*.

Галгофа – месца раскрыжавання Ісуса Хрыста (“І ўзялі Ісуса і павялі; і, несучы крыж Свой, Ён выйшаў на месца, называнае Лобным, што па-яўрэйску называецца Галгофа, дзе Яго распялі і з Ім двух іншых, з аднаго боку і з другога, а пасярэдзіне Ісуса” [3, с. 231]; «І прыйшоўши на месца, якое называецца Галгофа, што азначае “месца чэрата”» [3, с. 68]).

З левага боку ад крыжа адлюстравана *кап'ё*, якім, згодна з Евангеллем ад Іаана, рымскі воін (у апакрыфічным Евангеллі ад Нікадзіма пазначана яго імя – сотнік Лангін [4, с. 58]) працяў мёртвага Хрыста на крыжы (“але адзін з воінаў кап'ём працяў Яму бок, і адразу выцекла кроў і вада” [3, с. 232]).

З правага боку ад крыжа адлюстраваны *кій з губкай*, якую рымскі воін, змачыўши ў воцаце, паднёс да вуснаў Хрыста (“І адразу пабег адзін з іх, узяў губку, намачыў у воцат і, насадзіўши на кій, даваў Яму піць” [3, с. 69]; “І воіны, напоўніўши губку воцатам і насадзіўши яе на сцябліну іconу, паднеслі да Яго вуснаў” [3, с. 232]; “А адзін пабег, намачыў губку воцатам і, насадзіўши на кій, даваў Яму піць, кажучы: чакайце, пабачым, ці прыйдзе Ілля зняць Яго” [3, с. 111]).

Да кап'я і кія з губкай прывязана па *вяроўцы*, якія звісаюць з абодвух бакоў уздоўж крыжа. Да вяровак прыматацаваны па чатыры прылады пакут з кожнага боку. З левага боку размешчаны *бізун*, *галінкі пальмы*, *малаток*, *абцугі*, з правага боку – *розгі*, *латнья пальчаткі*, *меч з адрэзаным вухам*, *кашалёк з манетамі*. *Вяроўка* з'яўляецца прыладай пакут, якой Хрыста звязвалі падчас бічавання.

Прылады пакут, якія размешчаны на вяроўцы з левага боку: *бізун* – трохчастковы з металічнымі ўстаўкамі, якім бічавалі Хрыста па загадзе рымскага пракуратара Понція Пілата (“Тады ўзяў Пілат Ісуса і аддаў на бічаванне” [3, с. 230]); *галінкі пальмы* – сімвалізуюць уваходжанне Хрыста ў Іерусалім за некалькі дзён да раскрыжавання (“На другі дзень мнóstva людзей, якія прыйшлі на свята, пачуўши, што Ісус ідзе ў Іерусалім, узялі пальмавыя галіны і выйшлі на сустрач Яму, і ўсклікалі: Асанна! Благаславёны Той, Хто прыходзіць у імя Гасподняе, Цар Ізраілеў!” [3, с. 216]); *малаток* – у момант раскрыжавання ім з дапамогай цвікоў прыбівалі Хрыста да крыжа; *абцугі* – імі з мёртвага цела Хрыста даставалі цвікі.

Прылады пакут, якія размешчаны на вяроўцы з правага боку: *рэзгі* – імі ажыццяўлялася бічаванне Хрыста па загадзе Понція Пілата; складзеныя накрыж *латныя пальчаткі* сімвалізуюць рымскіх воінаў, якія наносілі цялесныя пакаранні Хрысту; *меч з адрезаным вухам* адносіцца да падзеі, зафіксаванай у чатырох Евангеллях і звязанай з арыштам Хрыста (“*Тады Сіман Пётр, маючи меч, выняў яго і ўдарыў першасвятаровага раба і адсек яму правае вуха; імя раба было Малх*” [3, с. 228]; “*І адзін з іх ударыў першасвятаровага раба і адсек яму правае вуха*” [3, с. 176]; “*Адзін жа з тых, што стаялі тут, дастаў меч, ударыў раба першасвятаровага і адсек яму вуха*” [3, с. 107]; “*І вось, адзін з тых, што былі з Ісусам, працягнуўши руку, дастаў меч свой і, ударыўши раба першасвятаровага, адсек яму вуха*” [3, с. 65]); *кашалёк з манетамі* сімвалізуе плату, якую атрымаў Іуда Іскрыёт ад першасвятароў Сінедрыёна за зраду і выдачу Хрыста (“*Тады адзін з дванаццаці, якога звалі Іуда Іскрыёт, пайшоў да першасвятароў і сказаў: што вы дасце мне, і я вам выдам Яго? Яны прапанавалі яму трывіцаць срэбранікаў*” [3, с. 62]; “*Тады Іуда, які выдаў Яго, убачыўши, што засудзілі Яго, і раскайаўшыся, аддаў трывіцаць срэбранікаў першасвятарам і старэйшынам, кажучы: саграшыў я, прадаўши кроў нявінную. Яны ж сказалі: што нам да таго? глядзі сам. І кінуўши срэбранікі ў храме, ён адышоў; і пайшоўши, павесіўся*” [3, с. 66]).

Над крыжом размешчана выява *голуба* ў прамяністым арэоле. Голуб сімвалізуе Святы Дух, які спусціўся на Хрыста падчас яго хрышчэння ў рацэ Іардан (“*І сталася: калі хрысціўся ўвесь народ, і Ісус, ахрысціўшися, маліўся, раскрылася неба, і сышоў на Яго Дух Святы ў цялесным выглядзе, як голуб, і голас быў з неба, які прамовіў: Ты Сын Мой Узлюблены, Цябе Я ўпадабаў*” [3, с. 122–123]; “*І ахрысціўшися, Ісус выйшаў адразу з вады; – і вось, адкрыліся Яму нябёсы, і ўбачыў Іаан Духа Божага, Які сыходзіў, як голуб, і апускаўся на Яго*” [3, с. 7]; “*І было ў тых дні, прыйшоў Ісус з Назарэта Галілейскага і хрысціўся ад Іаана ў Іардане. І калі выходзіў з вады, убачыў адразу Іаан, што раскрывающа нябёсы і Дух як голуб сыходзіць на Яго*” [3, с. 73]; “*І сведчыў Іаан, кажучы: я бачыў Духа, Які сыходзіў як голуб з неба, і Ён застаўся на Ім*” [3, с. 187]).

На вертыкальной лопасці крыжа, над сяродкрыжжам, размешчана *таблічка* (*Titulus Crucis*) з лацінскім надпісам INRI (*Iesus Nazarenus Rex Iudeorum*) (“*І зрабіў надпіс Пілат і змясціў на крыжы. А было напісана: Ісус Назаранін, Цар Іудзейскі. Гэты надпіс чыталі многія з Іудзеяў, таму што блізка ад горада было тое месца, дзе быў распяты Ісус, а напісана было па-яўрэйску, па-грэческу, па-лацінску*” [3, с. 231–232]).

У сяродкрыжжы размешчаны *цярновы вянец*, які быў ускладзены рымскімі воінамі на галаўу Хрыста падчас катаванняў (“*і воіны, сплёўши вянец з церніл, усклалі Яму на галаўу*” [3, с. 230]; “*і, сплёўши вянец з цёрну, усклалі на галаўу Яму*” [3, с. 68]). У цэнтры цярновага вянца маецца выява *палаючага сэрца* Ісуса Хрыста.

Таксама ў сяродкрыжжы (з двух бакоў ад гарызантальнай і вертыкальной перакладзіны) размешчаны выявы *далоняў* (зверху) і *ступняў* (знізу) Хрыста. Падчас раскрыжавання далоні і ступні Хрыста былі прабіты цвікамі.

На ніжній лопасці крыжа размешчаны наступныя элементы: плат св. Веранікі і хітон Хрыста. *Плат св. Веранікі* (вэлюм, або хустка св. Веранікі) з выявай ліка Ісуса Хрыста лічыцца першай прыжыццёвой выявай Хрыста. Згодна з рымска-каталіцкай традыцыяй, набожная Вераніка, якая суправаджала Хрыста падчас крыжовага шляху на Галгофу, выцерла яму акрываўлены твар хусткай, на якой і адбіўся яго лік (Нерукатворны вобраз) [5, с. 1941–1942].

У ніжній частцы абразка, з абодвух бакоў ад вертыкальной лопасці крыжа, размешчаны наступныя прылады пакут: *калоні бічавання, збан з вадой на падносе, певень, лесвіца, масляная лампа, косці для гульні*.

З левага боку ад вертыкальной лопасці крыжа размешчаны *калоні бічавання* – калона, да якой Хрыстос быў прывязаны падчас бічавання; *збан з вадой на падносе* – адносіцца да сюжэта, які апісаны ў Евангеллі ад Матфея і звязаны з судом над Ісусам Хрыстом. Падчас суда Понцій Пілат здзейсніў прынятае сярод іўдзеяў рытуальнае абмыванне рук у знак недатычнасці да забойства (“*Пілат, бачачы, што нічога не дапамагае, а неспакой расце, узяў вады і ўмыў руکі перед людзьмі, кажучы: невінаваты я ў крыні Праведніка Гэтага; глядзіце самі*” [3, с. 68]); *певень* сімвалізуе адрачэнне апостала Пятра ад Ісуса Хрыста пасля яго арышту і падчас суда, што было

прадказана самім Хрыстом падчас тайной вячэры. Сюжэт з адрачэннем Хрыста падрабязна апісаны ў чатырох Евангеллях: у Евангеллі ад Матфея (“Сказаў яму Ісус: праўду кажу табе, што гэтае ночы, першым заспывае певень, тройчы адрачэшся ад Мяне” [3, с. 63]; “Тады ён пачаў прысягаць і бажыцца: я не ведаю Гэтага Чалавека. І тут жа заспываў певень” [3, с. 66]; “І згадаў Пётр слова, сказаныя яму Ісусам: першым заспывае певень, тройчы адрачэшся ад Мяне. І выйшаўшы вонкі, плакаў горка” [3, с. 66]); у Евангеллі ад Іаана (“праўду, праўду кажу табе: не пратяне певень, як ты адрачэшся ад Мяне тройчы” [3, с. 221]; “Пётр ізноў адрокся; і адразу певень заспываў” [3, с. 229]); у Евангеллі ад Лукі (“А Ён сказаў: кажу табе, Пётр, не пратяне сёння певень, як ты тройчы адрачэшся, сказаўшы, што не ведаеш Мяне” [3, с. 175]; “Але Пётр сказаў: чалавечка, я не ведаю, што ты гаворыши. І адразу, калі ён яшчэ гаварыў, заспываў певень” [3, с. 177]); у Евангеллі ад Марка (“І кажа яму Ісус: праўду кажу табе, што ты сёння, у гэтую ноч, першым заспывае певень, тройчы адрачэшся ад Мяне” [3, с. 107]; “Ён жа адрокся, кажучы: не ведаю і не разумею, што ты гаворыши. І выйшаў адтоль на пярэдні двор; і заспываў певень” [3, с. 109]; “І другі раз заспываў певень. І ўспомніў Пётр слова, якое сказаў яму Ісус: першым певень двойчы заспывае, ты адрачэшся ад Мяне тройчы. І пачаў плакаць” [3, с. 109]).

З правага боку ад вертыкальнай лопасці крыжа размешчаны **лесвіца** – прылада, з дапамогай якой Іосіф Арымафейскі і Нікадзім знялі цела Хрыста з крыжа пасля раскрыжавання; **масляная лампа** – сімвал, які адносіцца да здрады Іуды, калі Хрыстос быў арыштаваны рымскімі воінамі ў Гефсіманскім садзе (“і вось Іуда, узяўшы атрап воінаў і служыцеляў ад першасвятароў і фарысеяў, прыходзіць туды з факеламі, і ліхтарамі, і зброяй” [3, с. 228]); **косці для гульні** – ўяўляюць сабой трох кубікі, пакладзеные адзін на адзін у форме піраміды.

Косці для гульні і хітон Хрыста сімвалізуюць жэрабя, які быў кінуты паміж рымскімі воінамі, каб падзяліць адзенне Хрыста (“Воіны ж, калі распялі Ісуса, узялі адзенне Яго і раздзялілі на чатыры часткі, кожнаму воіну частка, і хітон; хітон жа быў не шыты, а суцэльна тканы ад верху; тады сказаў яны адзін аднаму: не будзем разрываць яго, а кінем на яго жэрабя, чый будзе. Так мела споўніцу Пісанне, у якім сказана: “раздзялілі адзенне Маё між сабою і пра віратку Маю кідалі жэрабя”. Воіны так і зрабілі” [3, с. 232]; “Тыя, што ўкрыжавалі Яго, дзялілі адзежзу Яго, кідаючы жэрабя” [3, с. 68]; “І тыя, што распіналі Яго, дзялілі адзежзу Яго, кідаючы жэрабя на яе, каму што ўзыяць” [3, с. 110]; “І, дзелячы адзежзу Яго, кідалі жэрабя” [3, с. 179]).

Па перыметры абразка размешчаны надпіс на лацінскай мове: “PASSIO CHRISTI CONFORTA ME” (“Пакуты Хрыстовыя, умацуйце мяне!”). Дадзены выраз паходзіць з малітвы “Anima Christi”, якая прысвечана Ісусу Хрысту. Тэкст малітвы вядомы з першай паловы XIV ст. і сустракаецца ў манускрыптах і эпіграфіцы. Аўтарства малітвы да канца не выяснетлено. З XVII ст. малітва “Anima Christi” атрымала распаўсюджанне ў лютэранской і праваслаўнай царкве [6, с. 662–663; 7, с. 515].

Мастацкае ўласабленне прылад пакут Хрыста пачынаецца на тэрыторыі Захадняй Еўропы з эпохі Сярэднявечча і атрымлівае шырокое распаўсюджанне ў Новы час: “Хрыстос з прыладамі пакутаў” (XVIII ст.), ікона захоўваецца ў Нацыянальным гістарычным музеі Рэспублікі Беларусь [8, № 16]; “The Man of Sorrows in the arms of the Virgin” (1475 г. або 1479 г.), ікона захоўваецца ў Нацыянальнай галерэі Вікторыі (Мельбурн, Аўстралія) [9]; “Maż Boleści” (XVIII–XIX стст.), ікона захоўваецца ў гістарычным музеі г. Санак (Польшча) [10, с. 43, № 147]; “Chrystus jako Maż Boleści” (1443 г.), ікона захоўваецца ў Нацыянальным музеі ў Варшаве [11]. Сюжэт Хрыста з прыладамі пакут таксама знайшоў адлюстраванне ў гравюрах, ілюмінаваных манускрыптах, творах дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва.

На адваротным баку абразка размешчана рэльефная выява св. Кацярыны Генуэзскай. Профіль святой накіраваны ў левы бок на трох чвэрці. Св. Кацярына апранута ў заможную сукенку з фальбонай, якая адпавядае яе высокаму прыжыццёваму сацыяльнаму статусу. Локцем правай рукі яна абапіраецца на пакрытую тканінай паверхню, а ў руках трymае распяцце. Валасы прыбраны ў акуратную прычоску. Над галавой – німб.

Па перыметры абразка размешчаны надпіс на лацінскай мове: “[AN]CTA CATHARINA FLISCA ADVRNA IANVEN[SIS]” (“Святая Кацярына Фіескі Адорна Генуэзская”) [12, с. XX].

Мал 4. Св. Кацярына з распяццем у руках з кнігі
“Vita Di Santa Caterina Fiesca Adorna Da Genova”, 1737 г.

Fig. 4. St. Catherine with the Crucifixion in her hands from the book «Vita Di Santa Caterina Fiesca Adorna Da Genova», 1737 year

Мал 5. Св. Кацярына з распяццем у руках (Davide Campi, 1742 (Museo dei Beni Culturali dei Cappuccini))

Fig. 5. St. Catherine with the Crucifix in her hands (Davide Campi, 1742 (Museo dei Beni Culturali dei Cappuccini))

Мал. 6. Св. Кацярына з распяццем у руках (Carlo Gregori (1702–1759), пасля 1737 г. (Die Staatlichen Kunstsammlungen Dresden (Kupferstich-Kabinett)))

Fig. 6. St. Catherine with the Crucifix in her hands (Carlo Gregori (1702–1759), after 1737 r. (Die Staatlichen Kunstsammlungen Dresden (Kupferstich-Kabinett)))

Мал 7. Св. Кацярына з распяццем у руках (Carlo Gregori (1702–1759), пасля 1737 г. (Die Staatlichen Kunstsammlungen Dresden (Kupferstich-Kabinett)))

Fig. 7. St. Catherine with the Crucifix in her hands (Carlo Gregori (1702–1759), after 1737 г. (Die Staatlichen Kunstsammlungen Dresden (Kupferstich-Kabinett)))

Гістарычна даведка. Св. Кацярына Генуэзская (Caterina da Genova) (1447 г. – 15.09.1510 г.). Паходзіла з арыстакратычнага і заможнага роду Фіескі. Разам са сваім мужам уваходзіла ў Трэці францысканскі ордэн. 22 сакавіка 1473 г., знаходзячыся ў стане экстазу падчас малітвы, у Кацярыны Генуэзскай было бачанне сыходзячага крываў Хрыста, што паслужыла прычынай яе звароту да адданай набожнасці, міласэрнасці. Пасля смерці мужа ў 1479 г. працавала ў бальніцы Генуі, дзе займалася доглядам за хворымі, у тым ліку і хорымі на чуму. Прылічана да ліку благаславёных (бетафікавана) Папам Рымскім Кліментам X у 1675 г. Кананізавана Папам Рымскім Кліментам XII у 1737 г. [13, с. 1799; 14, с. 446–447].

Іканаграфічны вобраз св. Кацярыны з распяццем у руках, аналагічны адлюстраванаму на абрэзку, склаўся ў другой чвэрці XVIII ст. пасля кананізацыі святой. Ён адлюстраваны ў творах жывапісу [15] і на гравюры (мал. 4–7): “S Catharina de Genua Flisca Adurna Vidua” (Davide Campi, 1742, Museo dei Beni Culturali dei Cappuccini) [16]; “S Catharina Genunsis” (Carlo Gregori (1702–

1759), пасля 1737, Die Staatlichen Kunstsammlungen Dresden (Kupferstich-Kabinett) [17]; “Sancta Catharina Januen” (Carlo Gregori (1702–1759), пасля 1737, Die Staatlichen Kunstsammlungen Dresden (Kupferstich-Kabinett)) [18]. Адным з першых адлюстраванняў святой з'яўляеца гравюра св. Кацярыны, апублікаваная ў кнізе “Vita Di Santa Caterina Fiesca Adorna Da Genova”, прысвеченай жыццёваму шляху святой. Яна была надрукавана ў 1737 г. пасля кананізацыі св. Кацярыны [12].

Аналогіі. Апісаны абрэзок з'яўляеца ўнікальной знаходкай. Поўныя аналогіі з тэрыторыі Еўропы аўтару не вядомы, нягледзячы на прыкладзеныя намаганні ў вывучэнні спецыялізаванай літаратуры, прысвечанай рэчам асабістай набожнасці рымска-каталіцкага веравызнання XVI–XX стст. У якасці блізкіх па семантыцы і форме экзэмпляраў неабходна прывесці шэраг абрэзкоў, якія былі выяўлены падчас археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Еўропы, а таксама захоўваюцца ў музейных і прыватных калекцыях. Іканаграфія на выяўленых абрэзках супадае з сюжэтам экзэмпляра з-пад Глыбава толькі адносна аднаго з бакоў: на іх або размешчана кампазіцыя прылад пакут Хрыста, або адлюстравана выява св. Кацярыны.

Абрэзкі з аналагічнай выявай прылад пакут Хрыста захоўваюцца ў музейных калекцыях Партугаліі (Biblioteca Nacional: Gabinete de Numismatica, Lisbona [19, s. 130, 135 № 21]), Харватыі (Muzeja grada Zagreba [20, № 11]). Шэраг абрэзкоў быў набыты або захоўваецца ў прыватных калекцыях на тэрыторыі Іспаніі [21, s. 125, 437; 22; 23, s. 147, fig. 4; 24–27]. Абрэзкі з выявай прылад пакут Хрыста датуюцца XVIII ст. (пасля 1737 г.).

Абрэзкі з аналагічнай выявай св. Кацярыны захоўваюцца як у музейных калекцыях Італіі (Museo francescano, Roma [27, s. 342–343, № 567], так і ў прыватных калекцыях на тэрыторыі Італіі [28, s. 90, № 89] і Іспаніі [22, s. 217, 449]. Абрэзкі з выявай св. Кацярыны датуюцца XVIII ст. (пасля 1737 г.).

Высновы. Аналіз іканаграфіі і семантыкі апісваемага абрэзка дазваляе зрабіць наступныя высновы.

Рымска-каталіцкі абрэзок з курганныага могільніка Глыбай Рэчыцкага раёна Гомельскай вобласці быў выраблены ў XVIII ст. (пасля 1737 г.), на што ўказвае шэраг фактараў:

- 1) іканаграфія і семантыка абрэзка;
- 2) знаходкі аналагічных артэфактаў, якія датуюцца XVIII ст. і былі выяўлены на тэрыторыі Італіі, Іспаніі, Харватыі, Партугаліі;
- 3) археалагічны кантэкст (у яме-перакопе выяўлены некалькі кавалкаў керамікі Новага часу і нож XVIII–XIX стст.);
- 4) абрэзок выраблены ў тэхніцы ліцця, якая была ўласціва ў тым ліку і абрэзкам XVII–XVIII стст.;
- 5) вобраз св. Кацярыны, які размешчаны на адваротным баку абрэзка, склаўся пасля яе кананізацыі (1737 г.) і быў адлюстраваны ў творах графікі, жывапісу і дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва.

Прылады пакут з'яўляюцца важным і неад'емным інструментальным атрыбутам пакутніцкай смерці Ісуса Хрыста. Яны падрабязна апісаны ў чатырох кананічных Евангеллях, шматлікіх апакрыфічных тэкстах, а таксама знайшлі адлюстраванне ў творах іканапісу і дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва. Комплекс пісьмовых і выяўленчых крыніц дазволіў дакладна інтэрпрэтаваць прылады пакут Хрыста, якія размяшчаюцца на апісваемым абрэзку.

Можна меркаваць, што разглядаемы абрэзок быў выраблены на тэрыторыі Італіі. На гэта ў першую чаргу ўказваюць выява св. Кацярыны, культ якой склаўся на тэрыторыі Італіі (г. Генуя) пасля яе кананізацыі ў 1737 г., а таксама знаходкі аналагічных абрэзкоў, якія былі выяўлены пе-раважна на тэрыторыі Заходній і Паўднёвой Еўропы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Ширинский, С. С. Отчет о раскопках трех курганов у деревни Глыбов Речицкого района Гомельской области в 1958 г. / С. С. Ширинский // ЦНА НАН Беларусь. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 153а. – 10 с., 3 ил., 1 справка.
2. Ширинский, С. С. Курганы XI–XII вв. у дер. Глыбов / С. С. Ширинский // Краткие сообщения о докладах и по-левых исследованиях Института археологии / Акад. наук СССР. – М., 1965. – Вып. 104 : Средневековые памятники Восточной Европы. – С. 121–123.

3. Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста : [пер. з грэч. мовы на беларус. Бібл. каміс. Беларус. Праваслаўнай Царквы]. – Мінск : Приход Свята-Петра-Паўлаўскага сабора : Медыял, 2017. – 543 с.
4. Апокрифические сказания об Иисусе, святом семействе и свидетелях Христовых / сост.: И. С. Свенцицкая, А. П. Скогорев. – М. : Когелет, 1999. – 175 с.
5. Яблоков, К. Вероника / К. Яблоков // Католическая энциклопедия : в 5 т. / редкол.: Г. Цёрох (председатель) [и др.]. – М., 2002. – Т. 1. – С. 941–942.
6. Сахаров, П. «*Anima Christi*» / П. Сахаров // Католическая энциклопедия : в 5 т. / редкол.: В. Л. Задворный (гл. ред.) [и др.]. – М., 2013. – Т. 5. – С. 662–663.
7. Frisbee, S. H. *Anima Christi* / S. H. Frisbee // The Catholic encyclopedia: an international work of reference on the constitution, doctrine, discipline, and history of the Catholic Church : [in 17 vol.] / Catholic Truth Comm. ; ed. Ch. G. Herbermann. – New York, 1913. – Vol. 1. – P. 515.
8. Іканапісная спадчына Беларусі XVII – пачатку XX ст. [Выяўленчы матэрыял] = Иконописное наследие Беларуси XVII – начала XX в. = Icon-Painting Heritage of Belarus of the 17th – early 20th Centuries : помнікі са збору Нац. гіст. музея Рэсп. Беларусь / [уклад. і прадм. Г. Флікоп-Світы]. – Мінск : КнігаЗбор, 2019. – 84 с.
9. Memling, H. The Man of Sorrows in the arms of the Virgin [Electronic resource] / H. Memling // National Gallery of Victoria. – Mode of access: <https://www.ngv.vic.gov.au/explore/collection/work/4179/>. – Date of access: 08.12.2020.
10. Biskupski, R. Ikony w zbiorach polskich / R. Biskupski. – Warszawa : Wydaw. artystyczne i filmowe, 1991. – 44 s.: 151 il.
11. File: Wrocław Christ as Man of Sorrows.jpg [Electronic resource] // Wikimedia Commons. – Mode of access: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Wroc%C5%82aw_Christ_as_Man_of_Sorrows.jpg. – Date of access: 13.04.2021.
12. Mainieri, A. Vita di Santa Caterina Fiesca Adorna da Genova succintamente descritta, e ricavata da'processi fatti per la di lei canonizzazione. Col Trattato del Purgatorio e dialogo tra l'anima ed il corpo composto dalla medesima santa / A. Mainieri. – Roma : Nella stamperia del Bernabò, 1737. – 128 p.
13. Юсим, М. Екатерина Генуэзская / М. Юсим // Католическая энциклопедия : в 5 т. / редкол.: Г. Цёрох (председатель) [и др.]. – М., 2002. – Т. 1. – С. 1799.
14. Capes, F. M. Catherine of Genoa / F. M. Capes // The Catholic encyclopedia: an international work of reference on the constitution, doctrine, discipline, and history of the Catholic Church : [in 17 vol.] / Catholic Truth Comm. ; ed. Ch. G. Herbermann. – New York, 1913. – Vol. 3. – P. 446–447.
15. Scuola genovese sec. XVIII, Santa Caterina da Genova [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.beweb.chiesacattolica.it/heritage/work/1603221/Scuola+genovese+sec.+XVIII%2C+Santa+Caterina+da+Genova>. – Date of access: 08.04.2021.
16. Perché visitare il Museo dei Beni Culturali dei Cappuccini [Electronic resource]. – Mode of access: <https://wallinapp.com/walloutmagazine/perche-visitare-il-museo-dei-beni-culturali-dei-cappuccini/>. – Date of access: 08.04.2021.
17. Gregori, C. Die heilige Katharina von Genua in Betrachtung des Kruzifixus [Electronic resource] / C. Gregori. – Mode of access: <https://skd-online-collection.skd.museum/Details/Index/949112>. – Date of access: 08.04.2021.
18. Gregori, C. Die heilige Katharina von Genua [Electronic resource] / C. Gregori. – Mode of access: <https://skd-online-collection.skd.museum/Details/Index/931344>. – Date of access: 08.04.2021.
19. Rizzoli, L. Medaglie antoniane in musei stranieri / L. Rizzoli // Il Santo. – 1931. – № 4. – P. 125–157.
20. Mašić, B. Religijske medaljice u Srednjovjekovnoj arheološkoj zbirci Muzeja grada Zagreba = Religiöse Medaillen in der Mittelalterlichen archäologischen Sammlung des Museums der Stadt Zagreb / B. Mašić. – Zagreb : Muzej grada Zagreba, 2014. – 103 S.
21. Forrest, B. An introduction to religious medals / B. Forrest. – Dallas : Numismatics Intern., 2004. – 211 p.
22. Varona, F. La medalla de Devoción en Europa entre los siglos XVI y XIX / F. Varona. – Madrid : [s. n.], 2008. – 707 p.
23. Sigüenza Martín, R. Joyas devocionales: san Juan Nepomuceno como ejemplo / R. Sigüenza Martín // II Congreso Europeo de Joyería : vestir las joyas, modas y modelos, Madrid, 20–21 de noviembre de 2013 a. / Museo del Traje, Centro de Investigación del Patrimonio Etnológico. – Madrid, 2015. – P. 138–153.
24. Calvario / Arma Cristi S. XVIII (S.XVIII-O235) [Electronic resource] // Cruces y Medallas. – Mode of access: <https://www.cruces-medallas.com/t9247-calvario-arma-cristi-s-xviii-s-xviii-o235>. – Date of access: 08.04.2021.
25. Jesús y la Verónica / Atributos de la Pasión de Cristo – MR502 (R. M. SXVIII-O319) [Electronic resource] // Cruces y Medallas. – Mode of access: <https://www.cruces-medallas.com/t11134-jesus-y-la-veronica-atributos-de-la-pasion-de-cristo-mr502-r-m-sxviii-o319>. – Date of access: 08.04.2021.
26. Atributos de la Pasión o Arma Christi / Aparicion v.del Pilar (R. M. SXVIII-O28) (mam) [Electronic resource] // Cruces y Medallas. – Mode of access: <https://www.cruces-medallas.com/t657-atributos-de-la-pasion-o-arma-christi-aparicion-v-del-pilar-r-m-sxviii-o28mam>. – Date of access: 08.04.2021.
27. Museo Francescano, Roma. Il campionario di medaglie devozionali della bottega Hamerani : catalogo / Ministero per i Beni e le Attività Culturali e per il Turismo ; red.: S. Pennestri, Fr. Yohannes Teklemariam Bache. – Roma : Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato Italiano, 2019. – Vol. 2. – 426 p. – (Notiziario del Portale Numismatico ; no. 13.2).
28. Gallamini, P. La medaglia devozionale cristiana: Secoli XVII–XVIII–XIX (parte II, secolo XVIII) / P. Gallamini // Medaglia. – 1990. – № 25. – P. 60–124.

References

1. Shirinskij S. S. Report on the excavation of three burial mounds near the village of Glybov, Rechitsa district, Gomel region in 1958. *Central Scientific Archives of the National Academy of Sciences of Belarus*. Fund. Inventory 1. Arch. № 153a. (in Belarusian).
2. Shirinskii S. S. Mounds of the XI–XII centuries. near the vill. Glybov. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i poleykh issledovaniyakh Instituta arkheologii. Vyp. 104. Srednevekovye pamyatniki Vostochnoi Evropy* [Brief reports on reports and field research of the Institute of Archeology.104. Medieval monuments of Eastern Europe]. Moscow, 1965, pp. 121–123 (in Russian).
3. *New Testament of our Lord Jesus Christ*. Minsk, Medial Publ., 542 p. (in Belarusian).
4. Sventsitskaya I. S., Skogorev A. P. (comp.). *Apocryphal legends about Jesus, the holy family and witnesses of Christ*. Moscow, Cogelet Publ., 1999. 175 p. (in Russian).
5. Yablokov K. Veronica. *Catholic encyclopedia. Vol. 1*. Moscow, 2002, pp. 941–942 (in Russian).
6. Sacharov P. “Anima Christi”. *Catholic encyclopedia. Vol. 5*. Moscow, 2013, pp. 662–663 (in Russian).
7. Frisbee S. H. Anima Christi. *The Catholic encyclopedia: an international work of reference on the constitution, doctrine, discipline, and history of the Catholic Church*. New York, 1913, vol. 1, p. 515.
8. Flikop-Svita G. *Icon-painting heritage of Belarus of the 17th – early 20th centuries: Artifacts from the collection of the National Historical Museum of the Republic of Belarus*. Minsk, Knigazbor Publ., 2019. 84 p. (in Belarusian).
9. Memling H. The Man of Sorrows in the arms of the Virgin. *National Gallery of Victoria*. Available at: <https://www.ngv.vic.gov.au/explore/collection/work/4179/> (accessed 08.12.2020).
10. Biskupski R. *Ikony w zbiorach polskich* [Icons in Polish collections]. Warszawa, Wydawnictwo artystyczne i filmowe, 1991. 44 p.: 151 il. (in Polish).
11. File: Wrocław Christ as Man of Sorrows.jpg. *Wikimedia Commons*. Available at: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Wroc%C5%82aw_Christ_as_Man_of_Sorrows.jpg (accessed 13.04.2021).
12. Mainieri A. *Vita di Santa Caterina Fiesca Adorna da Genova succintamente descritta, e ricavata da'processi fatti per la di lei canonizzazione. Col Trattato del Purgatorio e dialogo tra l'anima ed il corpo composto dalla medesima santa* [Life of Saint Catherine Fiesca Adorned of Genoa: succinctly described, and drawn from the processes made for her Canonization: With the Treatise on Purgatory, and Dialogue between the Soul, and the Body: Composed by the same saint]. Roma, Nella stamperia del Bernabò, 1737. 128 p. (in Italian).
13. Yusim M. Catherine of Genoa. *The Catholic encyclopedia. Vol. 1*. Moscow, Franciscan Publ., 2002, p. 1799 (in Russian).
14. Capes F. M. Catherine of Genoa. *The Catholic encyclopedia: an international work of reference on the constitution, doctrine, discipline, and history of the Catholic Church*. New York, 1913, vol. 3, pp. 446–447.
15. *Genoese school sec. XVIII, Saint Catherine of Genoa*. Available at: <https://www.beweb.chiesacattolica.it/heritage/work/1603221/Scuola+genovese+sec.+XVIII%2C+Santa+Caterina+da+Genova> (accessed 08.04.2021) (in Italian).
16. *Why visit the Capuchin Museum of Cultural Heritage*. Available at: <https://wallinapp.com/walloutmagazine/perche-visitare-il-museo-dei-beni-culturali-dei-cappuccini/> (accessed 08.04.2021) (in Italian).
17. Gregori C. *Saint Catherine of Genoa contemplating the crucifix*. Available at: <https://skd-online-collection.skd.museum/Details/Index/949112> (accessed 8 April 2021) (in German).
18. Gregori C. *Saint Catherine of Genoa*. Available at: <https://skd-online-collection.skd.museum/Details/Index/931344> (accessed 08.04.2021) (in German).
19. Rizzoli L. *Medaglie antoniane in musei stranieri* [Antonian medals in foreign museums]. *Il Santo* [The Saint], 1931, no. 4, pp. 125–157 (in Italian).
20. Mašić B. *Religijske medaljice u Srednjovjekovnoj arheološkoj zbirci Muzeja grada Zagreba* [Religious medals in the Medieval Archaeological Collection of the Museum of the City of Zagreb]. Zagreb, Zagreb City Museum, 2014. 103 p. (in Croatian).
21. Forrest B. *An introduction to religious medals*. Dallas, Numismatics International, 2004. 211 p.
22. Varona F. *La medalla de Devoción en Europa entre los siglos XVI y XIX* [The Devotion medal in Europe between the 16th and 19th centuries]. Madrid, 2008. 707 p. (in Spanish).
23. Sigüenza Martín R. *Joyas devocionales: san Juan Nepomuceno como ejemplo* [Devotional Jewels: Saint John of Nepomuk as an example]. *II Congreso Europeo de Joyería : vestir las joyas, modas y modelos*, Madrid, 20–21 de noviembre de 2013 a. [II European Congress of Jewelery: dressing the jewels, fashions and models, Madrid, 20–21 November 2013]. Madrid, 2015, pp. 138–153 (in Spanish).
24. *Calvary / Arma Christi S. XVIII (S.XVIII-O235)*. Available at: <https://www.cruces-medallas.com/t9247-calvario-arma-cristi-s-xviii-s-xviii-o235> (accessed 08.04. 2021) (in Spanish).
25. *Jesus and Veronica / Attributes of the Passion of Christ – MR502 (R. M. SXVIII-O319)*. Available at: <https://www.cruces-medallas.com/t11134-jesus-y-la-veronica-atributos-de-la-pasion-de-cristo-mr502-r-m-sxviii-o319> (accessed 08.04.2021) (in Spanish).
26. *Attributes of the Passion or Arma Christi / Appearance v.del Pilar (R. M. SXVIII-O28) (mam)*. Available at: <https://www.cruces-medallas.com/t657-atributos-de-la-pasion-o-arma-christi-aparicion-v-del-pilar-r-m-sxviii-o28mam> (accessed 08.04.2021) (in Spanish).
27. *Museo Francescano, Roma. Il campionario di medaglie devozionali della bottega Hamerani: catalogo*. Vol. 2. *Notiziario del Portale Numismatico*; no. 13.2 [Franciscan Museum, Rome. The collection of devotional medals from the

Hamerani workshop. Vol. 2. Numismatic Portal Newsletter, no. 13.2]. Rome, Polygraphic Institute and Mint of the Italian State, 2019. 426 p. (in Italian).

28. Gallamini P. *La medaglia devozionale cristiana: Secoli XVII–XVIII–XIX (parte II, secolo XVIII)* [The Christian devotional medal: 17th–18th–19th centuries (part II, 18th century)]. *Medaglia* [Medal], 1990, no. 25, pp. 60–124 (in Italian).

Информация об авторе

Кунаш Александр Олегович – научный сотрудник. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: kunash_aliaksandr@outlook.com

Information about the author

Aliaksandr A. Kunash – Scientific Researcher. Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: kunash_aliaksandr@outlook.com

МОВАЗНАЎСТВА
LINGUISTICS

УДК 82.03
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-60-68>

Поступила в редакцию 21.01.2020
Received 21.01.2020

Ли Лунь

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

**ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКО-РУССКИХ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ**

Аннотация. В процессе межкультурной коммуникации в силу культурных национальных различий специалисты допускают множество ошибок при переводе пословиц и в целом идиом. Существуют значительные культурные различия между Китаем и Россией, Китаем и Беларусью, где свободно владеют русским языком. При буквальном переводе пословиц и идиом читателям сложно понять художественную концепцию. Поэтому в данной статье подробно рассмотрены культурные различия между китайским и русским языковым пространством (Россия и Беларусь) в рамках четырех аспектов (региональные особенности, религиозные верования, обычаи и традиции, культурно-исторические ценности), а также указаны трудности при переводе фразеологизмов и предложены стратегии перевода с учетом китайско-русских культурных различий.

Ключевые слова: китайско-руssкие культурные различия, перевод, стратегия, региональные особенности, религиозные верования, обычаи, традиции, культурно-исторические особенности, пословица, фразеологизм, идиома, символ

Для цитирования: Ли Лунь. Влияние китайско-русских культурных различий при переводе фразеологизмов / Ли Лунь // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 1. – С. 60–68. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-60-68>

Li Lun

Belarusian State University, Minsk, Belarus

**INFLUENCE OF CHINESE-RUSSIAN CULTURAL DIFFERENCES
IN TRANSLATION OF PHRASEOLOGISTS**

Abstract. In the process of intercultural communication, due to cultural national differences, experts make many mistakes when translating proverbs and generally idioms. Including there are significant cultural differences between China and Russia, China and Belarus, where they use Russian. With literal translation of proverbs and idioms, readers find it difficult to understand the artistic concept. Therefore, this article discusses in detail the cultural differences between China and the Russian language space (Russia and Belarus) within four aspects: regional characteristics, religious beliefs, customs and traditions, cultural and historical values, as well as difficulties in translating phraseological units and suggested translation strategies taking into account the Chinese-Russian cultural differences.

Keywords: Chinese-Russian cultural differences, translation, strategy, regional features, religious beliefs, customs, traditions, cultural and historical features, proverb, idiom, symbol

For citation: Li Lun. Influence of Chinese-Russian cultural differences in translation of phraseologists. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 1, pp. 60–68 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-60-68>

Введение. Фразеологизмы уже длительное время являются объектом исследования лингвистики, поскольку данные языковые средства – яркое выражение языковой картины мира того или иного народа. При наличии универсальных черт эти единицы отличаются национально-культурным своеобразием в каждом языке, выражаемые установки культуры также могут отличаться, как могут быть различными и образные средства языка, лексическое наполнение фразеологиз-

мов, что обусловлено различиями в истории, традициях, укладе жизни, быте народов-носителей языка. В свою очередь понимание языковой картины мира народа позволяет лучше понять его представителей и обеспечить более эффективную межкультурную коммуникацию, что является особенно важным в контексте усиливающихся глобализационных тенденций.

В связи с этим тесное взаимодействие Китая и Беларуси в процессе их межкультурной коммуникации требует большей точности при переводе с китайского на русский и белорусский языки фразеологических единиц. Однако на практике из-за игнорирования китайско-русских культурных различий в процессе перевода фразеологизмов допускаются некоторые ошибки, изменяющие основную идею произведения или значения отдельных фраз. В данной статье рассмотрены культурные различия Китая, России и Беларуси в рамках лингвокультурологии, указаны трудности при переводе русских и китайских пословиц и идиом, а также предложены некоторые стратегии при переводе китайско-русских культурных особенностей.

Материалом для исследования послужили фразеологические единицы русского и китайского языков, отобранные методом случайной выборки из следующих словарей: электронный словарь китайского языка «БКРС» [1], «Китайско-русский фразеологический словарь» О. М. Готлиба и Му Хуаина [2], «Пословицы русского народа» В. И. Даля [3], «Фразеологический словарь современного русского языка» Ю. А. Ларионовой [4].

Актуальные вопросы перевода фразеологических единиц в китайско-русском переводе. В наиболее общем смысле фразеологизм (фразеологический оборот) – это свойственное только данному языку устойчивое словосочетание, значение которого не определяется значением входящих в него слов, взятых по отдельности [1]. Если обратиться к более конкретному и научному понятию, то фразеологическая единица будет определяться как устойчивое по составу и структуре, лексически неделимое и целостное по значению словосочетание, выполняющее функцию отдельной лексемы [5, с. 142].

Фразеологические единицы, в отличие от лексических единиц, имеют ряд характерных особенностей, подробно описанных Н. С. Валгиной, Д. Э. Розенталем и М. И. Фоминой:

- идиоматичность – смысловая неразложимость, своеобразная слитность, неделимость на отдельные компоненты, из которой вытекают семантическая неделимость, сложность состава и непроницаемость структуры;
- устойчивость состава (при этом возможно существование нескольких вариантов фразеолингвиста), грамматической формы их компонентов, порядка слов;
- воспроизведимость;
- наличие вариантов и полной и усечённой формы [5, с. 142–145].

Данным особенностям соответствует широкий пласт лексических средств, в том числе идиомы (собственно фразеолингвисты как переосмыслиенные образные сочетания), пословицы, поговорки, крылатые слова (высказывания афористического характера, принадлежащие какому-нибудь определенному автору), коллокации, грамматические фразеолингвисты, фразеосхемы [6, с. 18].

Это в полной мере относится и к фразеологической системе китайского языка, которая является отражением национальной культуры, тайн истории, императорских династий и великих сражений, народной мудрости и юмора утончённых эстетов. В научной литературе выделяют пять основных разрядов фразеолингвистов китайского языка: чэньюй (идиомы), яньюй (пословицы), сехоуюй (недоговорки-иноскажания), гуаньюньюй (фразеологические сочетания), суюй (поговорки) [7]. Функционирующие в языке фразеологические единицы служат не только для воспроизведения элементов и черт национально обусловленной культуры, но также выступают средством их формирования. Любой фразеолингвист, содержащий культурную коннотацию, является важным элементом общей мозаичной картины национальной культуры. Именно поэтому фразеолингвисты привлекают лингвокультурологов, социолингвистов, этнолингвистов, лингвострановедов. В то же время, являясь отражением национальной культуры, фразеолингвисты часто становятся объектом переводческих исследований, что связано с трудностями в осуществлении передачи культурного кода средствами другого языка в условиях другой культуры. К основным трудностям перевода китайских фразеолингвистов следует отнести проблему эквивалентности и проблему использования переводческих приемов [8, с. 206].

Основная задача переводчика – создание перевода, оказывающего эквивалентное тексту оригинала воздействие на читателя. Наиболее эффективным переводом будет эквивалент, существующий в культуре языка перевода. Однако выявление и использование эквивалента являются весьма сложными задачами, поскольку многие китайские устойчивые выражения «привязаны» если не к цитате, то к преданию, легенде или притче [9, с. 382]. Соответственно, помимо смысла, заложенного в эквивалентный фразеологизм, они могут нести дополнительные смыслы, передача которых затруднительна средствами культуры и языка перевода, а их потеря может вести к изменению посыла оригинала, его смысла.

Вторая проблема – необходимость переводческих приемов. Здесь важно отметить, что применение трансформации требует от переводчика полного понимания смысла и значения китайского фразеологизма. Поскольку совокупность лексических средств фразеологизма зачастую не определяет его общее семантическое значение, то такое понимание может быть весьма затруднительным. Соответственно, будет весьма сложно определить наиболее адекватный прием перевода.

Таким образом, фразеологические единицы являются одной из основных трудностей для переводчика китайского языка. Для понимания значения многих фразеологизмов требуются знания из истории, культуры, литературы, традиций и обычаяев Китая. Переводчик сталкивается со многими сложными ситуациями, например, когда в некоторых фразеологизмах дословный перевод невозможен из-за искажения смысла и создания неправильных ассоциаций. Также могут отсутствовать русские фразеологические соответствия. Такие трудности связаны с тем, что нации, которые говорят на разных языках, имеют разный исторический и культурный опыт, а также обладают разным восприятием мира. Именно поэтому во многих случаях при переводе фразеологизма необходимо искать в языке реципиента фразу с аналогичным смысловым значением либо сопровождать перевод исторической или литературной справкой.

Роль историко-культурных различий в осуществлении перевода фразеологических единиц. При исследовании историко-культурных особенностей, закрепленных на языковом уровне, нами было выявлено четыре основных компонента: природно-территориальный, религиозный, традиционный и историко-культурный. Разумеется, в рамках настоящего исследования не представляется возможным полностью отразить влияние данных компонентов на формирование фразеологической системы китайского языка, однако на основе нескольких примеров мы попытаемся описать базовый принцип воздействия культуры на язык.

Природно-территориальные особенности. Наличие на территории определенной флоры и фауны, погодные и климатические особенности и даже рельеф территории могут оказывать влияние на формирование фразеологических оборотов. Поскольку в данном случае речь идет о русском языке, то имеет смысл сравнить географическую среду Китая и России. Географические особенности данных стран во многом различны. Климат России разнообразный, но относительно холодный, в Китае же большинство районов – внутренние районы, недаром Китай называют «серединным государством», в чем проявляется определенная культурная общность Беларуси и Китая. Однако более значительная региональная особенность – наличие водных ресурсов в России и Китае. Так, Россия омывается несколькими морями, что обуславливает представленность морей в русских пословицах и поговорках, в то время как в китайских пословицах и крылатых выражениях гораздо чаще встречаются отсылки к другим водным пространствам – рекам. Поэтому языковые конструкции, упоминающие водные ресурсы в русском и китайском языках, разные. Столкнувшись с фразой, обозначающей настойчивого человека (рус. – «со дна моря достанет»), переводчику следует учитывать географическую реальность Китая и, не используя буквальный перевод, перевести выражение следующим образом: «не уймется, пока не дойдет до реки Хуанхэ» (不到黄河心不死)¹ [1].

Также важным аспектом формирования фразеологии являются флора и фауна страны. Так, в русской и белорусской культуре встречается достаточно много пословиц с упоминанием определенных животных, характерных для данных регионов. При переводе на китайский язык следует учитывать, что в русском и белорусском языках по сравнению с китайским не совпадают

¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=不到黄河心不死>.

коннотативные значения следующих животных: заяц, кот, мышь, рыба, черепаха, корова, конь, медведь, ворона, лебедь, дракон, феникс [10, с. 19].

Например, в некоторых русских произведениях используется выражение «жили, как два медведя в одной берлоге» [3, с. 82]. Буквальный перевод: двум сильным личностям тесно на одном поле деятельности. В русской культуре образ медведя выражает значение мужественности и силы: медведь считается хозяином леса, лидером животного мира. Однако в китайской культуре медведь не ассоциируется с сильным животным – здесь широко распространен образ тигра, который воплощает лидерские качества, поэтому аналогичная фраза звучит так: «Два тигра не могут ужиться на одной горе» (一山不能容二虎)¹ [1]. Эта фраза также обозначает то, что два сильных конкурента не могут вместе находиться в одной среде, так как это приведет к борьбе за сферы влияния. Существует пословица, где также упоминается тигр: «Когда в горах нет тигра, то и обезьяна царь зверей» (山中无老虎, 猴子称霸王)² [1]. Она обозначает, что только тигр может быть хозяином леса, но если его нет, им становится кто угодно, даже обезьяна. В толковом словаре В. И. Даля упоминается подобное выражение: «На безрыбье и рак рыба». Его дословный перевод обозначает, что при отсутствии выбора приходится довольствоваться тем, что есть [3, с. 15].

Значение робости передают и другие слова китайского языка. Например, китайское слово, обозначающее мышь, может приобретать вторичное значение – «робкий человек». Выражение «胆小如鼠» дословно переводится «трусливый, как мышь»³ [1], а в русском языке ему соответствует выражение «трусливый, как заяц».

Кроме того, флора России и Беларуси отличается от флоры Китая. По этой причине образы природы в пословицах и афоризмах также не совпадают. Выражение «岁寒三友»⁴ [1] («Сосна и бамбук зимой не увянут, а слива зимой цветет») включает в себя лексемы «сосна», «bamбук», «слива», которые у китайцев символизируют элегантность, чистоту, открытость, достойный характер людей, неувядашую молодость. Аналогичное символическое значение в русской культуре имеет образ березы, а также рябины, ивы: эти символы связаны с красотой, чистотой и постоянством, ассоциируются с русской нацией и являются одними из символов Родины, особенно для людей, находящихся на чужбине.

Таким образом, переводчику при интерпретации китайских фразеологических единиц с культурным компонентом необходимо принимать во внимание сложившуюся в данной культуре коннотацию.

Особенности религиозных верований. Язык и философско-религиозная культура народа находятся в постоянном диалоге, в связи с чем при осуществлении межкультурного диалога непременно следует принимать во внимание функционирующее в культуре мировоззрение.

В Китае основная религия – буддизм, в России и Беларуси – христианство. Между данными религиями наблюдается множество различий, обусловливающих также культурные и мировоззренческие особенности народов. Краеугольное различие религий – отсутствие в китайской религии образа Бога-Творца, на котором выстроена вся христианская вера. В буддизме «богом» выступает нирвана – абстрактная пустота. Соответственно, человек – не создание божие, а непостоянное соединение пяти составляющих. В рамках буддизма главная цель – избавление от страданий и выход из цепи перерождений, в то время как христианин стремится к попаданию в рай. Для буддиста достижение цели возможно в том случае, если он сможет отказаться от желаний, стать смиренным и терпимым. Христиане же, напротив, направлены на обретение правильных устремлений, включающих человеколюбие и смиление. Таким образом, с точки зрения религиозных верований, существуют значительные различия в китайских и русских пословицах и символах.

При китайско-русском переводе следует учитывать то, что длительное влияние буддизма и даосизма в китайском обществе запечатлелось в многочисленных безэквивалентных фразеологизмах: 大慈大悲⁵ «великая доброта и большая скорбь» (об отзывчивости и милосердии буд-

¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=一山不容二虎>.

² [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=山中>.

³ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=胆小如鼠>.

⁴ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=岁寒三友>.

⁵ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=大慈大悲>.

дистов к людям); 普渡众生¹ «спасение всего сущего» (о силе учения Будды); 清规戒律² «многочисленные ограничения в жизни буддийских монахов» (о мелочных ограничениях, излишнем педантизме); 借花献佛³ «взять взаймы цветы для подношения Будде» (о подарке, сделанном за чужой счет); 世外桃源⁴ «персиковый источник на том свете» (рай) [1].

Безэквивалентные фразеологические выражения можно встретить и в русскоязычной культуре: ангел во плоти, Бог в помощь, Бог ведает, Бог миловал и др. [4, с. 9, 22–23].

Перевод таких единиц посредством эквивалентов или аналогов невозможен, поскольку в культуре отсутствуют названные образы. В некоторых случаях в культуре языка перевода имеются выражения, имеющие схожее значение и нерелигиозную основу, однако их использование возможно лишь в очень узких контекстах. Например, названный выше фразеологизм 大慈大悲 в ряде случаев можно перевести устойчивым выражением «добрейшей души человек» или «по доброте душевной». Однако в таком случае теряется важный пласт семантики китайского выражения, основанный на религиозном учении. Дословный перевод («великая доброта и большая скорбь») также не даст необходимого эффекта, более того, может ввести читателя в заблуждение.

Необходимо отметить, что в российской и белорусской культурах в связи с христианской традицией сакральным значением обладает число семь (на седьмом небе, за семь верст киселя хлебать, под семью замками и др.) [4, с. 161, 223, 306]. А для китайского народа таким числом является девять. Китайцы «насчитывают» девять ярусов небес и восемнадцать (дважды девять) ярусов преисподней: 打入十八层地狱⁵ (‘посадить кого-либо в восемнадцатый ярус преисподней’ – поставить в самое плохое, самое низкое положение); 九霄云外⁶ (‘за девятым небом’ – очень далеко, очень высоко) [1].

Таким образом, знание философско-религиозных взглядов народа имеет важное значение при осуществлении перевода.

Особенности в обычаях и традициях. Влияние особенностей обычая и традиций на фразеологический фонд языка рассмотрим на примере такого важного аспекта, как гостеприимство. В обеих культурах гостеприимство играет важную роль, однако ввиду разных традиций оно имеет разные проявления, в том числе и в языке.

Русское гостеприимство оценивалось, прежде всего, хлебосольством. Гостя в старину необходимо было напоить и накормить досыта. «Напои, накорми, а после вестей попроси», – говорит русская пословица [3, с. 866]. Хозяин дома предлагал жене поставить на стол все, чем можно было накормить гостя. В богатом доме застолье было еще шире и обильнее («пир на весь мир», «пир горой» – застолье с чрезвычайно обильным угощением и обычно с большим количеством присутствующих) [11, с. 157]. Основным угощением, символом гостеприимства считались хлеб и соль. Поэтому местные жители в России, а также в Беларуси встречают далеких гостей с хлебом и солью («просим к нашему хлебу и соли», «за хлеб-соль не платят, кроме спасибо», «ешьте, пейте: хозяинского хлеба не жалейте») [3, с. 867, 868].

Этим фразеологизмам в китайском языке может соответствовать фраза «三茶六饭» – «три сорта чая и шесть сортов риса», которая употреблялась в образном значении «богатый прием гостей, щедрое угощение» [11, с. 159]. Наличие на столе разнообразных сортов риса и чая свидетельствовало об уважении, проявленном по отношению к гостю.

Ввиду указанных различий перевод русских фразеологизмов будет непонятен носителю китайской культуры, более того, угощение хлебом и солью может быть рассмотрено как скучное, что приведет к коммуникативной неудаче.

В целом схожие концепты также могут иметь свои особенности. Так, от хозяина дома по отношению к гостям в России и Беларуси в первую очередь требовалось радушие (сердечное отношение к людям, приветливость). Радушные хозяева встречали гостей словами: «Добро пожа-

¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=普渡众生>.

² [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=清规戒律>.

³ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=借花献佛>.

⁴ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=世外桃源>.

⁵ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=打入十八层地狱>.

⁶ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=九霄云外>.

ловать, дорогие гости, милости просим!», «Просим в избу: красному гостю красное место» [3, с. 109]. Это означало, что гостя сажали на почетное место – в красный угол, под иконами. Однако выражение «красное место» не будет понятно китайцу, хотя в китайской культуре гостю также отводилось почетное место, которое полагалось ему согласно этикету: 虚位以待¹ – «держать пустым почетное место для достойного гостя»; 上坐² – «сесть на почетное место», «занять место гостя» [1].

Таким образом, в обеих культурах существуют схожие по своей направленности правила приема гостей, однако они выражаются в рамках различных концептов, что непременно должно учитываться в процессе перевода.

Историко-культурные особенности. Несомненно, значимым влиянием на язык обладают также и исторические особенности развития страны. Так, например, в русском языке в фразеологизме «пропасть, как швед под Полтавой» [4, с. 200] нашло отражение Полтавское сражение, когда русская армия под командованием Петра I победила шведскую армию. Данная битва являлась важным историческим событием, поскольку стала переломным моментом в Северной войне в пользу России. Благодаря победам в Северной войне Россия получила выход к Балтийскому морю, окрепли её политические и торговые связи с Западной Европой.

Еще одно историческое событие, отображенное во фразеологическом фонде, – установление татаро-монгольского ига над Русью. Ввиду отношения татаро-монгол к коренному населению (победители не щадили побежденных, постоянно выказывая непомерную гордость, презрение к покоренным народам, жадность, скупость и насилие) возникла пословица «незваный гость хуже татарина» [3, с. 878].

Другие примеры – казанская сирота (человек, выдающий себя за обездоленного, нищего для получения личных выгод); вольный казак (человек, не подчиняющийся никому); как Мамай прошёл (оставить после себя огромные разрушения) и др. [12, с. 110].

Ввиду незнания историко-культурного контекста данные фразеологизмы будут непонятны китайскому населению. Аналогичные выражения существуют и в китайской культуре. Например, китайский фразеологизм 打入冷宫³ («заключить в холодный дворец») [1] в значении ‘быть в опале, откладывать в долгий ящик, сдавать в архив’ связан со следующим историческим фактом: в древние времена наложниц, которых разлюбили императоры, заключали в глухой дворец с плохими условиями. Оттуда эти наложницы не могли выйти без разрешения, на них императоры больше не обращали никакого внимания.

Интересен также пример различий в исторически сформировавшихся концептах одинаковых объектов. Самый очевидный пример – особо значимый для китайской культуры образ дракона. Китайский народ считает себя потомком данного фантастического зверя. Согласно древней натурфилософии, дракон символизирует мужское начало в природе, является воплощением мужской воли и стойкости, в связи с чем в именах китайских мальчиков часто встречается иероглиф 龙 long «дракон». В то же время для западной культуры дракон не является столь священным животным. Соответственно, носитель одной из этих культур не сможет понять смысл некоторых фразеологизмов без предварительного знакомства с китайской культурой, как, например, 望子成龙⁴ («надеяться, что сын превратится в дракона») – надеяться, что сына ждет великое будущее; 龙生龙⁵ («у дракона рождается дракон») – хороший отец воспитает хорошего сына; 鱼龙混杂⁶ («рыба и дракон смешались») – плохие люди смешиваются с хорошими; 放龙入海⁷ («пустить дракона в море») – предоставить возможность раскрыть свои таланты [1]. Для россиянина или белоруса данные фразеологизмы могут иметь негативную коннотацию, в то время как китаец рассматривает образ дракона исключительно как сильного, бесстрашного и талантливого человека.

¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=虚位以待>.

² [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=上坐>.

³ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=打入冷宫>.

⁴ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=望子成龙>.

⁵ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=龙生龙>.

⁶ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=鱼龙混杂>.

⁷ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=放龙入海>.

Таким образом, только благодаря пониманию историко-культурных особенностей переводчик сможет правильно и полно выразить соответствующий смысл фразеологизмов.

Стратегии перевода в межкультурной коммуникации. При осуществлении перевода устойчивых фраз и выражений переводчику необходимо ответить на следующие вопросы: какова основная идея фразеологизма? Будет ли она понятна носителю другой культуры при дословном переводе? Сохранятся ли эстетика и стилистика текста при таком переводе? Сможет ли эквивалент по смыслу, красивый речевой оборот вызвать у читателя эмоции, аналогичные тем, которые способен вызвать оригинал?

Для того чтобы ответить положительно на указанные вопросы, переводчик должен использовать различные приемы перевода. Традиционно при переводе выделяют три группы трансформаций:

- *лексические*: транслитерация, транскрипция, калькирование, конкретизация, генерализация, модуляция;
- *грамматические*: замены, перестановки, добавления, опущения;
- *комплексные*: антонимический перевод, описательный перевод, компенсация.

Однако для перевода китайских фразеологизмов не всегда возможно использование названных приемов. Более целесообразным является применение следующих методов:

- эквивалентный перевод;
- перевод с помощью аналога;
- калькирование (дословный перевод);
- дефразеологизация;
- объяснительный перевод.

Рассмотрим данные приемы более подробно.

Эквивалентный перевод. Эквивалентный перевод предполагает поиск полного эквивалента фразеологизма языка оригинала в языке перевода. Следует отметить, что полные эквиваленты – достаточно редкое явление при переводе китайских фразеологизмов, поскольку здесь предполагается совпадение как семантики фразеологической единицы, так и образа, лежащего в ее основе. Например, 火上浇油 – «подливать масла в огонь» [2, с. 195], 如鱼得水 – «как рыба в воде» [2, с. 365]. В то же время эквивалентный перевод – идеальный вариант перевода, так как он позволяет наиболее полно и адекватно передать основную идею.

Необходимо отметить, что существуют частичные эквиваленты (т. е. имеющие в своей основе тот же образ), однако ввиду культурных и бытовых различий они состоят из различных компонентов. Например, фразеологизм 竹篮打水 – «носить воду в бамбуковой корзине» [2, с. 365] имеет русский частичный эквивалент «носить воду решетом». Образ и смысл фразеологизмов одинаковы, однако в китайской культуре фразеологизм имеет компонент «bamбуковая корзина», а в русской – «решето», что обусловлено бытовыми особенностями.

Перевод с помощью аналога. Перевод с помощью аналога – часто используемый метод в процессе перевода иностранной литературы, который заключается в замене фразеологизма языка оригинала на семантически соответствующий фразеологизм языка перевода, имеющий при этом в своей основе иной метафорический образ. Такой прием используется, чтобы читатель, незнакомый с зарубежной культурой, мог понять смысл фразеологизма благодаря уже знакомым образам. Недостатком данного метода является то, что утрачивается национальный колорит фразеологизма.

Так, аналог предполагает, что фразеологизмы в обоих языках имеют одинаковое метафорическое значение, но сравниваемые объекты – разные. Например, «对牛弹琴» буквально означает «перед быком играть на цитре» [2, с. 113]. В России и Беларуси существует похожее выражение – «метать бисер перед свиньями». Оба фразеологизма несут в себе один и тот же смысл: «ты делаешь пустое дело». Другие примеры: 虎口逃生 («спастись из пасти тигра») – вырваться из лап смерти [2, с. 184]; 有眼不识泰山 («иметь глаза и не разглядеть горы Тайшань») – за деревьями леса не увидеть [2, с. 279]; 守株待兔 («сторожить пень в ожидании зайца») – ждать у моря погоды [2, с. 398]; 自掘坟墓 («самому навлечь гибель») – рыть себе могилу [2, с. 586] и др.

Калькирование (дословный перевод). Калькированный перевод фразеологических выражений может быть применен лишь в том случае, если в результате калькирования получается выражение, образность которого легко воспринимается иностранным читателем и не создает впечатления неестественности и неправильности: 独鹤鸡群 – «журавль среди кур» (выделяться) [2, с. 111]; 生米煮成熟饭 – «дерево уже стало лодкой» (обратного пути нет) [2, с. 295]; 缘木求鱼 – «лезть на дерево, чтобы поймать рыбу» (делать все неправильно) [2, с. 538]. Понимание данных фразеологизмов возможно и без дополнительных пояснений, однако во многом все же обуславливается контекстом.

Наиболее целесообразным применение данного приема является при переводе необразных фразеологизмов, т. е. не имеющих в своей основе метафоры, например: 差强人意 – «почти заставить согласиться» [2, с. 56]; 人定胜天 – «решимость человека преодолевает Небо» [2, с. 356]; 人尽其才 – «человек до конца проявил свои таланты» [2, с. 357].

Дефразеологизация. Дефразеологизация предполагает отказ от фразеологизма и его замену нейтральным выражением. Такой прием полностью уничтожает образность, эстетику, стилистику текста, но позволяет четко и понятно передать смысл фразеологизма: 打草惊蛇 («бить по траве, чтобы распугнуть змей») – вспугнуть раньше времени неосторожными действиями [2, с. 90]; 名落孙山,榜上无名 («на золотой дощечке выбито имя») – сдать экзамены для получения права на поступление на государственную службу [2, с. 218]; 开门见山 («открыть двери и увидеть горы») – открыто, прямо излагать свою позицию [2, с. 231].

Объяснительный перевод. В случаях, когда подбор эквивалента или аналога невозможен, а дословный перевод не позволяет адекватно выразить основную мысль перевода, для сохранения образности и стилистики текста используется описательный метод. В таком случае к дословному переводу добавляется комментарий для лучшего понимания текста читателем. Например, при переводе фразеологизма 暴腮龙门 переводчик дает дословный перевод «выставить жабры перед воротами дракона» и после него раскрывает суть данного фразеологизма в скобках: «Остаться с носом, потерпеть фиаско» [2, с. 33]. Приведем другие примеры:

«狐假虎威» – «лис тем и грозен, что царь зверей за него». Идиома означает: запугивать других авторитетом своего начальника (властью и положением своего хозяина) [2, с. 182];

«螳螂捕蝉» – «подстерегает цикаду»: неожиданное несчастье [2, с. 189];

«瞎子摸象» – «слепой держит свечу»: не иметь никакого смысла [2, с. 281].

Заключение. Фразеологизмы – это устойчивые единицы языка, в которых сохраняется информация об исторических, этнографических, национально-психологических, поведенческих особенностях конкретной культуры, т. е. о содержании культуры в целом, что и обуславливает трудности их перевода. В рамках исследования мы установили, что культурные различия формируются в рамках четырех аспектов: природно-территориальные особенности, религиозные верования, обычаи и традиции, культурно-исторические ценности. Для осуществления эффективного перевода фразеологизмов специалист должен не только достаточно хорошо владеть словарным запасом, но и обладать познаниями в культуре, истории и традициях Китая.

При переводе могут быть использованы следующие приемы: эквивалентный перевод, перевод с помощью аналога, калькирование (дословный перевод), дефразеологизация, объяснительный перевод. Представляется, что данные приемы могут быть применены в рамках трех переводческих стратегий: форенизация – сохранение культурного кода страны, в которой создавался оригинал (эквивалентный перевод, калькирование, объяснительный перевод); доместикация – трансформация культурного кода страны, в которой создавался оригинал, в код страны, в которой создается перевод (перевод с помощью аналога); нейтрализация – снятие культурного кода (дефразеологизация).

Детальное изучение культурных различий Китая и России позволяет не только расширить понимание русских литературных произведений, но и избежать некоторых ошибок в процессе межкультурной коммуникации и способствовать тесному взаимодействию между двумя странами – Китаем и Россией, а также Китаем и Беларусью, где свободно владеют русским языком.

Список использованных источников

1. БКРС [Электронный ресурс] : [Китай и кит. яз. для профессионалов и любителей]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/>. – Дата доступа: 05.08.2019.
2. Готлиб, О. М. Китайско-русский фразеологический словарь : около 3500 выражений / О. М. Готлиб, Му Хуайн. – Изд. 2-е, стер. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. – 596 с.
3. Даляр, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даляр. – М. : Рус. книга, 2003. – 218 с.
4. Фразеологический словарь современного русского языка / [сост.] Ю. А. Ларionova. – М. : Аделант, 2014. – 511 с.
5. Валгина, Н. С. Современный русский язык / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина ; под ред. Н. С. Валгиной. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Логос, 2002. – 528 с.
6. Лэй, Ш. Понятие и классификация фразеологизма английского языка / Ш. Лэй, Ф. У // Евраз. союз ученых. – 2015. – № 11-4 (20). – С. 18–19.
7. Корнева, А. М. Фразеологизмы как отражение мировоззренческой и культурной разницы между Востоком и Западом / А. М. Корнева // Россия, Запад, Восток: диалог культур : материалы Первой Междунар. молодеж. науч.-практ. конф., Томск, 28–29 апр. 2014 г. / Нац. исслед. Том. гос. ун-т. – Томск, 2014. – С. 136–138.
8. Булыко, Х. П. Проблемы перевода китайской фразеологии на русский язык / Х. П. Булыко // Сборник работ 69-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета, 14–17 мая 2012 г., Минск : в 3 ч. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2012. – Ч. 3. – С. 206–210.
9. Steenkamp, Jan-Benedict E. M. A cross-national investigation into the individual and national cultural antecedents of consumer innovativeness / Jan-Benedict E. M. Steenkamp, F. ter Hofstede, M. Wedel // J. of Marketing. – 1999. – Vol. 63, № 2. – P. 55–69. <https://doi.org/10.1177/002224299906300204>
10. Ян И Лин. Сопоставительный анализ русских и китайских фразеологизмов с зоонимами: автореф. дис. ... магистра гуманитар. наук / Ян И Лин. – Тайбэй, 2003. – 19 с.
11. Kovshova, M. L. Lingvokulturologicheskiy metod vo frazeologii: kody kul'tury / M. L. Kovshova. – Izd. 3-e. – M. : URSS, 2016. – 453 c.
12. Щичко, В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода : учеб. пособие / В. Ф. Щичко. – М. : Восток-Запад, 2004. – 223 с.

References

1. *BKRS*. Available at: <https://bkrs.info/> (accessed 08.05.2019) (in Russian).
2. Gotlib O. M., Mu Khuain. *Chinese-Russian phraseological dictionary*. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House, 2019. 596 p. (in Russian).
3. Dal' V. I. *Proverbs of the Russian people*. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2003. 218 p. (in Russian).
4. Larionova Yu. A. (comp.). *Phraseological dictionary of the modern Russian language*. Moscow, Adelant Publ., 2014. 511 p. (in Russian).
5. Valgina N. S., Rozental' D. E., Fomina M. I. *Modern Russian language*. 6th ed. Moscow, Logos Publ., 2002. 528 p. (in Russian).
6. Lei Sh., U F. The concept and classification of the English phraseologism. *Evraziiskii soyuz uchenykh = Eurasian Union of Scientists*, 2015, no. 11-4 (20), pp. 18–19 (in Russian).
7. Korneva A. M. Phraseologisms as a reflection of ideological and cultural differences between East and West. *Rossiya, Zapad i Vostok: dialog kul'tur: materialy Pervoi Mezhdunarodnoi molodezhno-prakticheskoi konferentsii, Tomsk, 28–29 aprelya 2014 g.* [Russia, West, East: dialogue of cultures: materials of the first International youth scientific and practical conference, Tomsk, April 28–29, 2014]. Tomsk, 2014, pp. 136–138 (in Russian).
8. Bulyko Kh. P. Problems of translating Chinese phraseology into Russian. *Sbornik rabot 69-i nauchnoi konferentsii studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, 14–17 maya 2012 g.*, Minsk [Collection of works of the 69th scientific conference of undergraduate and postgraduate students of Belarusian State University, May 14–17, 2012, Minsk]. Minsk, 2012, pt. 3, pp. 206–210 (in Russian).
9. Steenkamp Jan-Benedict E. M., Hofstede F. ter, Wedel M. A cross-national investigation into the individual and national cultural antecedents of consumer innovativeness. *Journal of Marketing*, 1999, vol. 63, no. 2, pp. 55–69. <https://doi.org/10.1177/002224299906300204>
10. Yan I Lin. *Comparative analysis of Russian and Chinese phraseological units with zoony*. Taipei, 2003. 19 p.
11. Kovshova M. L. *The linguoculturological method in phraseology: codes of culture*. 3rd ed. Moscow, URSS Publ., 2016. 453 p. (in Russian).
12. Shchichko V. F. *Chinese language. Theory and practice of translation*. Moscow, Vostok-Zapad Publ., 2004. 223 p. (in Russian).

Информация об авторе

Ли Лунь – аспирант. Белорусский государственный университет (пр. Независимости, 4, 200030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: vic1211josse@outlook.com

Information about the author

Li Lun – Postgraduate student. Belarusian State University (4 Nezavisimosti Ave., 200030 Minsk, Belarus). E-mail: vic1211josse@outlook.com

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР
ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 39

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-69-79>

Паступіў у рэдакцыю 31.08.2021

Received 31.08.2021

Ю. I. Внуковіч

*Цэнтр даследавання беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акаадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь*

**ТЭАРЭТЫКА-МЕТАДАЛАГІЧНЫЯ ПАДЫХОДЫ
ДА ВЫВУЧЭННЯ ЭТНІЧНАЙ ІДЭНТЫЧНАСЦІ**

Аннотация. Рассматриваются теоретико-методологические подходы к изучению понятия «этническая идентичность» как ключевого инструмента научного анализа в современной культурной антропологии и этнологии. Охарактеризованы примордиалистская, инструменталистская и конструктивистская концепции этничности, по-разному определяющие роль объективных и субъективных характеристик ее выражения.

Примордиалистам присуще выделение этносов как органических этнических общностей, различие которых построено на «изначальных» культурных различиях («данностях»). Конструктивисты и инструменталисты концентрируют свое внимание на социальной организации этнических различий и различий, базирующуюся на ситуативных процессах включения и исключения. Этническая идентичность, понимаемая с позиций конструктивизма, рассматривается как символическая конструкция – социально-изобретенная, дискурсивно-опосредованная и культурно-маркированная.

Особое методологическое значение в изучении этнической идентичности имеет выяснение характерных различительных признаков, отделяющих одну этническую группу или категорию от другой. Это предопределяет исключительную роль сравнительно-этнографических методов исследования, направленных на выявление «этнических границ» и «этнических маркеров».

Ключевые слова: этническая идентичность, этничность, этнические группы, культурные различия, примордиализм, инструментализм, конструктивизм, методология, этнология

Для цитирования: Внуковіч, Ю. I. Тэарэтыка-метадалагічныя падыходы да вывучэння этнічнай ідэнтычнасці / Ю. I. Внуковіч // Вес. Нац. акаад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 1. – С. 69–79. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-69-79>

Yury I. Vnukovich

*Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO ETHNIC IDENTITY

Abstract. The article discusses theoretical and methodological approaches to the study of “ethnic identity” as a key tool of scientific analysis in cultural anthropology and ethnology. The primordialist, instrumentalist and constructivist theories of ethnicity, which in different ways determine the role of the objective and subjective characteristics of its expression, are characterized.

Primordialist view on ethnos as organic ethnic unit is based on “primordial” cultural differences (“givens”). Constructivists and instrumentalists have mainly focused on the social organization of ethnic differences and distinctions based on situational processes of inclusion and exclusion. From the standpoint of constructivism, ethnic identity is viewed as a symbolic construct – socially invented, discursively constructed and culturally marked.

In the study of ethnic identity, an important role is played by the revealing of the specific distinctive features that separate one ethnic group or category from another. For this, it is necessary to use comparative ethnographic methods aimed at identifying “ethnic boundaries” and “ethnic markers”.

Keywords: ethnic identity, ethnicity, ethnic groups, cultural differences, primordialism, instrumentalism, constructivism, methodology, ethnology

For citation: Vnukovich Yu. I. Theoretical and methodological approaches to ethnic identity. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 1, pp. 69–79 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-69-79>

Уводзіны. За апошнія дзесяцігоддзі ў гуманітарных навуках адбыўся імклівы рост ціка-
васці да фундаментальнай праблемы ідэнтычнасці, што ў вялікай ступені звязана з жаданнем
захаваць разнастайнасць і ўнікальнасць нацыянальных культур, якія ва ўмовах сучаснага ін-
фармацыйнага грамадства і глабалізацыі ўсё больш стандартызуюцца і ўніфікуюцца. Сэнс, што
ўкладаецца ў гэтае даволі абстрактнае паняцце, залежыць не толькі ад даследчыцкага кантэксту,
але і ад канцэптуальнай навуковай парадыгмы, у межах якой працуе той або іншы даследчык.
Розніца ў падыходах да трактоўкі тэрміна «ідэнтычнасць» вызначае выкарыстанне адрозных па-
няційных сістэм, упłyвае на выбар пэўнай эпістэмалагічнай стратэгіі, метадаў збору і аналізу
эмпірычных даных, што ўрэшце адлюстроўваецца на выніках даследавання. Гэта абумоўлівае
неабходнасць крытычнага асэнсавання дадзенай праблематыкі, звязанай з даследаваннямі скла-
данай прыроды і сутнасці «этнічнага».

Мэта гэтага артыкула – ахарактарызаваць асноўныя тэарэтыка-метадалагічныя падыходы да
вывучэння этнічнай ідэнтычнасці, якія склаліся ў сучаснай этналогіі і мяркуюць прынцыпова
разнае разуменне феномена лучнасці, бесперапыннасці і ўстойлівасці такіх катэгорый, як «эт-
нас» ці «этнічная група».

Асноўная частка. «Ідэнтычнасць» і блізкія паводле значэння словаў ў розных мовах маюць
даволі доўгую гісторыю ў якасці спецыяльных тэрмінаў заходніх філасофій, што выкарыстоўва-
ліся для абмеркавання важнейшых філасофскіх праблем – пастаянства, тоеснасці і адзінства
ў зменлівым і разнастайным свеце [1, с. 63]. Аднак як спецыяльны інструмент сацыяльнага аналі-
зу паняцце «ідэнтычнасць» у грамадскіх навуках стала ўжывацца адносна нядаўна – з 1960-х гг.
Лічыцца, што сучасным канцэптуальным сэнсам яго надзяліў вядомы тэарэтык псіхааналітыкі
Э. Х. Эрыксан [2, с. 2–25]. На працягу другой паловы XX ст. гэты тэрмін стаў ключавым у за-
ходній культурнай антрапалогіі, сацыялогіі і этналогіі. Хоць у яго дагэтуль няма агульнапры-
нятых азначэнняў і дэфиніцый, тэрмін «ідэнтычнасць» звычайна ўжываецца ў двух асноўных
значэннях. Па-першае, ён азначае непаўторнасць, індывідуальнасць, сутнасць адрозненні, якія
вылучаюць аднаго чалавека сярод іншых (як у выпадку з «самаідэнтычнасцю»). Па-другое, пад
гэтым тэрмінам разумеюць катэгорыі агульнасці, што дазваляюць людзям асацыіраваць сябе ці
быць асацыіраванымі іншымі з пэўнымі групамі і супольнасцямі на падставе нейкай харектэр-
най агульнай прыкметы (напрыклад, «этнічная ідэнтычнасць») [3, р. 441–442].

Канкрэтныя асаблівасці групавога ўзроўню ідэнтычнасці могуць цікавіць прадстаўнікоў
розных гуманітарных і сацыяльных дысцыплін (гісторыкаў, этнолагаў, сацыёлагаў, культурола-
гаў, лінгвістаў, палітолагаў, філосафаў, псіхолагаў і інш.), што, як правіла, падкрэсліваеца тым
або іншым адмыслом дапасаваным азначэннем: «нацыянальная», «гістарычная», «сацыяльная»,
«культурная», «моўная», «рэгіональная», «гендарная», «прафесійная» і інш. З цягам часу многія
з гэтых паняццяў сталі не толькі катэгорыямі спецыяльнага навуковага аналізу, але і катэгорыямі
паўсядзённай практыкі.

У сучаснай этналагічнай літаратуры адным з найбольш пашыраных з'яўляеца тэрмін «эт-
нічная ідэнтычнасць». З 1960-х гг. савецкая этнографы доўгі час выкарыстоўвалі блізкае па сэнсу
паняцце «этнічная самасвядомасць» [4, с. 13–14], якое, аднак, не мела такіх выразных каната-
цый тоеснасці і адрознення, як замежнае паняцце «этнічная ідэнтычнасць»¹. Нядзіўна, што ўжо
ў канцы XX – пачатку XXI ст. «ідэнтычнасць» (у самых розных значэннях) усё часцей фігуруе
ў сферы навуковых інтарэсаў шэрагу гуманітарных прасторы. Так, праблематыка нацыянальной і этнічнай ідэнтычнасці стала цэнтральнай тэмай даследаванняў сучасных
расійскіх этнолагаў, гісторыкаў і сацыёлагаў (В. А. Цішкова [5], Л. М. Дробіжавай [6], С. В. Сака-
лоўскага [7], А. І. Філіповай [8], М. Ю. Мартынавай [9], С. М. Абашына [10], А. К. Байбурына [11],

¹ Этанічную самасвядомасць як разуменне сваёй прыналежнасці да этнічнай супольнасці можна лічыць прынцы-
пова важным крэтычным этнічнай ідэнтычнасці, але ніяк не поўным яе сіонімам.

С. І. Рыжаковай [12], М. В. Лескінен [13] і інш.). Пра высокую ступень зацікаўленасці феноменам калектыўнай ідэнтычнасці ў навуковым акадэмічным асяроддзі сведчыць рост колькасці міжнародных канферэнций і секцый, прысвеченых аналізу гэтай з'явы.

У беларускай гуманітарыстыцы тэрмін «этнічная ідэнтычнасць» звычайна кадзіруеца пад больш агульным паняццем «нацыянальная ідэнтычнасць» (або «нацыянальна-культурная ідэнтычнасць»), што ў якасці клішэ глыбока ўкаранілася ў навуковым і публічным дыскурсе не столькі як інструмент навуковага аналізу, колькі як шырокая катэгорыя практыкі. Адрозненне паміж гэтымі тэрмінамі даволі невыразнае, неразборлівае, нюансавае [14, с. 476]. Часта яны выступаюць фактывічнымі сінонімамі або судносяцца, як паняцці «нацыя» і «этнас»: «нацыянальная ідэнтычнасць» часцей фігуруе ў «мадэрні», гістарычным і дзяржаўна-палітычным кантэксьце, у той час як «этнічная ідэнтычнасць» выкарыстоўваецца для абазначэння моўна-культурнай тоеснасці/адрознення людзей, што склалася яшчэ ў «дамадэрны» перыяд. Так ці інакш, пад «ідэнтычнасцю» імпліцытна разумеецца нешта глыбіннае, сутнаснае, што ляжыць у падмурку, гэта значыць тое, што абавязкова трэба цаніць, падтрымліваць і захоўваць. Пры гэтым галоўны акцэнт робіцца на сімвалічнай агульнасці і адзінстве беларускай нацыі (што непарыўна захоўваецца ў часе і просторы), а не на яе этнакультурнай шматстайнасці, зменлівасці і кантэкстуальнасці.

Празмернае і неразборлівае ўжыванне тэрміна «ідэнтычнасць» у апошнія гады жорстка крытыковалася і дэталёва аналізировалася. Як падкрэсліваюць многія даследчыкі ідэнтычнасці, дарэчы і недарэчы выкарыстоўваючы гэты тэрмін, некаторыя аўтары часта прости аддаюць даніну модзе і не заўсёды дакладна разумеюць яго глыбіннае значэнне і тэарэтычную сутнасць [15, с. 66–67; 16, с. 144–145; 17, с. 5]. Па словах амерыканскага сацыёлага Р. Брубэйкера, які прааналізаваў «слабае» і «моцнае» ўжыванні гэтага тэрміна, крызіс «ідэнтычнасці» ў сучасным свеце – гэта крызіс перавытворчасці і наступнай дэвальвацыі яе сэнсаў, што не выяўляе ніякіх прыкмет завершанасці [1, с. 67]. Але, як сцвярджает нарвежскі антраполаг Т. Х. Эрыксен, існуюць важкія прычыны таго, чаму такія паняцці, як «ідэнтычнасць», «глабалізацыя» ці «інфармацыйнае грамадства» ператвараюцца ў клішэ: звычайна так адбываецца, калі імі абазначаюць нешта вельмі важнае [18, с. 17]. Сапраўды, даволі цяжка падабраць больш трапны тэрмін для абазначэння пачуцця агульнасці, заснаванага на ўсведамленні ўнікальнасці і адметнасці сваёй культуры, чым тэрмін «ідэнтычнасць». Ці не таму выкарыстанне гэтага тэрміна ў такім значэнні задавальняе патрэбы большасці сучасных этнолагаў і антраполагаў?

Даследчы падыход да праблемы этнічнай ідэнтычнасці ў першую чаргу вынікае з разумення і вызначэння базавых катэгорый этналогіі – «этнасу» або «этнічнасці», якія патрабуюць больш падрабязнага разгляду.

У амерыканскай і заходненеўрапейскай антрапалагічнай традыцыі этнічная ідэнтычнасць як спецыфічны калектыўны феномен, што выяўляе тоеснасць членаў этнічнай групы або катэгорыі, цесна звязана з паняццем *этнічнасці*. Нягледзячы на вялікую папулярнасць за мяжой, гэты тэрмін практычна адсутнічае ў паняційным апарате савецкай этнаграфіі, дзе асноўнай катэгорыяй аналізу доўгі час выступала паняцце *этнас* [5, с. 96–100; 17, с. 4; 19, с. 48, 79–80].

У наш час прынята ўмоўна адрозніваць трох асноўных тэарэтычных падыходы да разумення і вывучэння этнічнасці: прымардыялісцкі, інструменталісцкі і канструктыўісцкі [19, с. 108–109; 20, с. 113; 21, с. 4–8]. Адзначым таксама, што ва ўмовах тэарэтычнага плюралізму, які пануе ў сучаснай навуцы, у працах многіх даследчыкаў, што займаюцца вывучэннем этнічнай ідэнтычнасці, пры жаданні можна знайсці рысы супрацьлеглых канцепцый [22].

Прыхільнікі *прымардыялісцкага*¹ (эсенцыялісцкага) падыходу разглядаюць этнічныя з'явы як аўтэнтычную дадзеную рэчаіснасць, дэтэрмінаваную прыроднымі, гістарычнымі і сацыяльнымі фактарамі. Цалкам у межах гэтага падыходу развівалася савецкая этнаграфічнай навука, пераважна пад яго ўплывам застаецца і постсавецкая этналогія (у тым ліку беларуская). Ключавой аналітычнай катэгорыяй у даследаваннях яго прадстаўнікоў выступае паняцце «этнас», якое амаль цалкам адсутнічае ў амерыканскай і заходненеўрапейскай навуцы. Галоўным распра-

¹ Ад лац. *primordialis* – «першапачатковы, зыходны, спрадвечны».

цоўшчыкам тэорыі этнасу ў савецкі час быў Ю. У. Брамлей [23]; у межах гэтай навуковай парадыгмы таксама працавалі М. М. Чэбаксараў [24], С. А. Аруцюнаў [25], В. І. Казлоў [26] і інш. Яны разглядалі этнічныя супольнасці найперш як супольнасці людзей з аб'ектыўнымі характарыстыкамі прыналежнасці: тэрыторыя, мова, эканоміка, расавы тып, рэлігія, светапогляд і нават псіхічны склад [5, с. 101]. Такое разуменне гэтага паняцця зрабілася пануючым у беларускай этнографіі: «Этнас, этнічная супольнасць (ад грэч. *ethnos* – племя, народ) – устойлівая супольнасць людзей, якая склалася гістарычна на пэўнай тэрыторыі і характарызуецца агульнасцю мовы, поўбыту, культуры, рыс псіхікі і самасвядомасці, адлюстраванай у адзінай назве і ўяўленнях пра агульнасць паходжання» [27, с. 547]. Менавіта на гэтым тэарэтычным падмурку праводзілі свае даследаванні большасць беларускіх этнолагаў канца ХХ – пачатку ХХІ ст. [28].

У заходній навуцы галоўным ідэолагам класічнага прымардыялізму прынята лічыць К. Гірца – вядомага амерыканскага семіётыка культуры, заснавальніка інтэрпрэтатыўнай антрапалогіі і канцэптуалізатара «насычанага апісання» (англ. *thick description*) як асноўнага этнографічнага метаду. Нягледзячы на тое, што К. Гірц катэгарычна выступаў супраць таго, каб «уяўляць культуру як самадастковую “звышарганічную” рэчаіннасць, якая валодае ўласнымі рухаючымі сіламі і мэтамі, гэта значыць рэіфікаваць яе» [29, с. 17–18], этнічную ідэнтычнасць ён асацыраваў з «спрадвечнымі пачуццямі», «першапачатковымі прыхільнасцямі», абумоўленымі пэўнымі «данасцямі» сацыяльнага быцця (ці тым, што лічыцца такімі «данасцямі»): суседскімі і сваяцкімі сувязямі, данасцю, якая вынікае з таго, што чалавек нараджаецца ў пэўнай рэлігійнай абшчыне, размаўляе на пэўнай мове ці нават на дыялекце гэтай мовы і прытрымліваецца пэўных грамадскіх звычаяў. Згодна з К. Гірцам, такія супадзенні, якія выпадаюць нам пры нараджэнні, валодаюць неверагоднай, а часам і непераадольнай сілай [29, с. 297].

Такім чынам, для прыхільнікаў прымардыялізму існаванне чалавека не бачыцца па-за этнасам, які разглядаецца як аб'ектыўная, арганічная «данасць». Такое разуменне этнічнага прывяло да выпрацоўкі мадэлі свету, які складаецца з асобных народаў як суб'ектаў, што валодаюць ўласнымі агульнымі культурамі. Адпаведна гэтай логіцы этнічныя групы ідэнтыфікуюцца і дыферэнцыруюцца паводле марфалагічных характарыстык культур, носьбітамі якіх яны з'яўляюцца. Па сутнасці, адрозненні паміж этнічнымі групамі зводзяцца класічнымі прымардыялістамі да адрозненняў паміж унікальнымі наборамі кампанентаў культуры.

Хоць на прафанным («кабывацельскім») узроўні прымардыялізм фактычна працягвае дамінаваць, у сучасных гуманітарных навуках ён успрымаецца як саставэлая тэарэтычная мадэль [5, с. 104], якая пры гэтым мае каласальную навуковую (асабліва, эмпірычную) спадчыну. Рэч у тым, што прымардыялісці погляд на этнічнасць і этнічныя адрозненні звязваў іх з «першапачатковымі», «прыроджанымі» феноменамі, якія аказаліся папросту не сумяшчальнымі з рэаліямі сучаснага грамадства [30, с. 141–142].

Кагнітыўны паварот у культурнай антрапалогіі і этнографіі ў другой палове ХХ ст. аbumовіў адыход ад аб'ектыўізму і пераход ад вызначэння нацый або этнасаў паводле прыкмет агульной мовы, культуры, тэрыторыі, гісторыі і г. д. да вызначэнняў, якія падкрэсліваюць суб'ектыўны сэнс, адносны і сітуацыйны характар этнічнасці.

У межах *інструменталісцкага* падыходу, які канцэптуальна звязаны з канструктывізмам, даследчыкі этнічнай ідэнтычнасці (А. Коэн [31], Д. Горавіц, Ю. Рузэнс, К. Янг [20] і інш.) галоўны акцэнт робяць на групавых інтарэсах людзей, а этнічнасць разглядаюць як сродак (інструмент) дасягнення гэтых інтарэсаў, што выкарыстоўваецца найперш палітычнай элітай для мабілізацыі насельніцтва ў барацьбе за ўладу. У адрозненне ад прымардыялісцкага падыходу да трактоўкі этнасу і этнічнасці, інструменталісцкі арыентаваны на выяўленне ўтылітарных функцый, якія выконваюць этнічныя групы як супольнасці, не займаючыся пошукамі аб'ектыўных падстаў іх існавання.

Інструменталісцкая трактоўка сацыяльнай ролі этнічнасці заходзіць шмат эмпірычных павядрдженняў і з'яўляеца настолькі ўплывовай, што гэты падыход атрымаў шырокое прызнанне ў якасці самастойнай тэорыі, нарочы з прымардыялізмам і канструктывізмам [30, с. 155]. Падыход да этнічнай ідэнтычнасці, як да сімвалічнага і рэальнага капіталу, дазволіў зрабіць шэраг важных вывадаў і назіранняў, асабліва ў сферах эканамічных і сацыяльных адносін, а таксама ў сферах палітыкі, моўных і міжэтнічных канфліктаў [5, с. 104].

Аднак інструменталізм часта крытыкуюць за аднабаковасць: ён зводзіць этнічнасць да інтарэсаў і не растлумачвае, чаму, напрыклад, людзі часта імкнуцца захаваць сваю этнічнасць нават у тых сітуацыях, калі яе захаванне не дae ім ніякіх пераваг [21, с. 6]. І наадварот, інструменталізм не растлумачвае, што робіць этнічнасць у шэрагу выпадкаў такім магутным і эфектуўным сродкам мабілізацыі насельніцтва [30, с. 155].

Важную ролю ў станаўленні і развіцці найбольыш уплывовага ў сучасным свеце *канструктывісцкага* падыходу, які аб'ядноўвае даволі розныя гуманітарныя напрамкі, адыгралі ідэі сімвалічнага інтэракцыянізму і сацыяльнага канструйвання рэчаіннасці А. Строса, І. Гофмана, П. Бергера і Т. Лукмана [32], канцэпцыя «ўяўленых супольнасцей» Б. Андерсана [33], тэорыі нацыяналізму Э. Гелнера [34], канцэпцыя «вынаходніцтва традыцый» Э. Хабсбаума і Т. Рэнджэра [35] і іншыя.

У другой палове XX ст. рэвалюцыйны ўплыў на даследаванні этнічнай ідэнтычнасці як сацыяльнага канструкта зрабілі ідэі нарвежскага антраполага Ф. Барта і яго паслядоўнікаў. Разглядаючы праблему ўстойлівасці этнічных груп, ён вызначыў іх як «сацыяльна арганізаваную форму культурных адрозненняў». Пры гэтым валоданне агульной культурыай ён прапанаваў разглядаць не як першасную і вызначальную характеристыку этнічнай групавой арганізацыі, а хутчэй наадварот – як яе заканамернае наступства або вынік [36, с. 12–15].

Асаблівую ўвагу Ф. Барт надаваў паняццю «этнічнай мяжы», якая, на яго думку, і вызначае саму этнічную групу, а не той «культурны кантэнт», якія змяшчае ў сабе. Такія межы – гэта межы ў першую чаргу сацыяльныя, якія выбудоўваюцца паміж людзьмі ў працэсе міжэтнічнага ўзаемадзеяння. Неабходнай умовай існавання катэгарыяльных этнічных адрозненняў, паводле Ф. Барта, з'яўляецца не адсутнасць мабільнасці, контактаў і інфармацыі, а наяўнасць *сацыяльных працэсаў уключэння і выключэння*, з дапамогай якіх дыферэнцыяльныя прыкметы працягваюць захоўвацца, нягледзячы на змены форм групавога ўзделу і этнічнай прыналежнасці на працягу гісторыі таго або іншага індыўіда. Пры гэтым існаванне этнічных адрозненняў не мяркуе ўзаеманепрыніяцця і адсутнасць сацыяльнага ўзаемадзеяння, але, наадварот, нярэдка робіцца тым падмуркам, на якім گрунтуюцца ўсе сацыяльныя сістэмы. Узаемадзеянне ў такіх сацыяльных сістэмах не вядзе да знікнення той або іншай групы ў выніку культурных змен ці акультурацыі: культурныя адрозненні могуць захоўвацца на суперак міжэтнічнымі контактамі і ўзаемасувязям [36, с. 10, 17–19].

Галоўнай прыкметай этнічнай групы Ф. Барт лічыў прыпісанне ідэнтычнасці¹ сабе і прыпісанне яе іншым. Устойлівасць меж вызначанаі такім чынам этнічнай групы ў значайнай меры залежыць ад ступені *самакатэгарызацыі* тых, хто ў яе ўваходзіць, і *зневінай катэгарызацыі* тымі, хто ў яе не ўваходзіць. Першасную значнасць у гэтым інтэрактыўным працэсе наўваючы тых арганізацыіна рэлевантныя культурныя прыкметы, якія выкарыстоўваюцца для маркіроўкі адрозненняў і канструйвання сімвалічных меж паміж групавымі ўтварэннямі аднолькавага парадку. Пры гэтым адны культурныя прыкметы выкарыстоўваюцца членамі групы як сігналы і знакі адрознення, а іншыя ігнаруюцца: у некаторых відах узаемадносін нават радыкальныя адrozненні нівеліруюцца і не бяруцца пад увагу [36, с. 15–17].

Такім чынам, нельга меркаваць простых адназначных суадносін паміж этнічнымі групамі, з аднаго боку, і культурнымі падабенствамі і адрозненнямі – з другога. Як піша Ф. Барт, «важна зразумець: той факт, што колькасць культурных адрозненняў паміж этнічнымі групамі імкніва падае, не знаходзіцца ў прамой карэляцыі ні са змяншэннем арганізацыйнай рэлевантнасці этнічных ідэнтычнасцей, ні са збоямі ў працэсах падтрымання захаванасці межаў» [36, с. 41]. Адпаведна, спецыяльнага аналізу патрабуюць розныя формы выяўлення і пацвярдження ідэнтычнасці (якая можа змяняцца ў залежнасці ад абставін). Напрыклад, Ф. Барт прадбачліва лічыў неабходным надаць асаблівую ўвагу «адраджэнню спецыяльна адабраных кампанентаў

¹ Этнічную ідэнтычнасць Ф. Барт вызначаў як «імператыў», бо іншыя вызначэнні сітуацыі не могуць прымусіць носібіта праігнараваць сваю ідэнтычнасць ці часова забыцца пра яе. Абмежаванні на паводзіны індыўіда, што вынікаюць з яго этнічнай ідэнтычнасці, маюць тэндэнцыю рабіцца абсолютнымі, а ў складаных поліэтнічных грамадствах – вычарпальнымі» [36, с. 20]. Такі падыход да ідэнтычнасці (параўнайце яго, напрыклад, з прыведзеным вышэй разуменнем ідэнтычнасці К. Гірца) у далейшым дазволіў некаторым даследчыкам лічыць Ф. Барта прымардывалястам [20, с. 115; 31, р. XII–XV].

традыцыйнай культуры і ўсталяванню гістарычных традыцый, закліканых апраўдаць і ўзносіць стэрэатыпы і ідэнтычнасці» [36, с. 44].

Такое разуменне феномена этнічнасці, у адрозненне ад прымардыялісцкага падыходу, вызначае яе зменлівы, кантэкстуальны і сітуацыйны, гэта значыць рэліятыўны (адносны) характар.

Адной з тэм, да канца не раскрытых Ф. Бартам у яго знакамітай працы, было пытанне, на сколькі адвольна могуць змяняць сваю этнічную ідэнтычнасць людзі ў тых або іншых сітуацыях. Напрыклад, В. Цішкоў адзначае, што выбар чалавекам прыналежнасці да этнічнай супольнасці – гэта хоць і адвольны, але не абавязкова свабодны (!) працэс [5, с. 121]. Сам Ф. Барт у сваіх пазнейшых працах прыйшоў да высновы, што выбар ідэнтычнасці з'яўляецца куды менш выпадковай з'явай, чым яму гэта падавалася ў 1969 г. [37, р. 16]. А яго знакаміты зямляк Т. Х. Эрыксен лічыў магчымасць індывідуальнага выбару этнічнай ідэнтычнасці як бы заціснутай паміж сітуацыйным адборам і калектыўнымі прадпісаннямі, што навязваюцца звонку [38, р. 66].

Так ці інакш, генератыўны падыход Ф. Барта, заснаваны на ідэі, што сімвалічнае вымярэнне культурных адрозненняў груп людзей не кангруэнтнае іх рэальным культурным адрозненням, быў падхоплены і развіты ў працах шэрагу сучасных антраполагаў і этнолагаў па ўсім свеце. Цэнтральны тэмай іх даследаванняў стала этнічная ідэнтычнасць як своеасаблівая сімвалічная канструкцыя – сацыяльна-вынайдзеная, дыскурсіўна-апасродкованая і культурна-маркіраваная.

Бадай самай вядомай і ўплывовай у сучаснай гуманітарыстыцы стала тэарэтычная канцэпцыя амерыканскага гісторыка і палітолага Б. Андэрсана, аўтара знакамітай кнігі «Уяўленыя супольнасці. Развагі пра паходжанне і распаўсядженне нацыяналізму»¹. Ключавую ролю ў з'яўленні нацый сучаснага тыпу ён адводзіў калектыўнаму ўяўленню: «Нацыя – гэта ўяўленая палітычнае супольнасць, і ўяўляецца яна як нешта непазбежна абмежаванае, але ў той жа час суверэннае. Яна ўяўленая, бо члены нават самай маленькой нацыі ніколі не будуць ведаць большасці сваіх братоў-па-нацый, сустракацца з імі ці нават чуць пра іх, у той час як у галовах кожнага з іх жыве вобраз іх агульнасці» [33, с. 47]. Пры гэтым у сформуляванае такім чынам паняцце «ўяўленага» Б. Андэрсан не ўкладаў адмоўнага значэння фальшыўкі ці фабрыкацыі, хутчэй, на адварот, – падкрэсліваў яго творчы, крэатыўны і вынаходніцкі характар.

Нацыя як культурная мадэль, якую можна трансплантаваць («перанесці», «запазычыць»), з'явілася ў Заходній Еўропе ў канцы XVIII ст. Галоўнымі перадумовамі яе з'яўлення былі заняпад рэлігійных спосабаў мыслення (на змену якім прыйшлі нацыянальныя) і шырокое распаўсядженне друкаваных раманаў і газет – базісных, паводле Б. Андэрсана, структур чалавечага ўяўлення таго часу [33, с. 73]. Асаблівую ролю ў працэсе фарміравання нацый адыграў так званы «друкаваны капіталізм» – феномен, аналіз якога займае адно з цэнтральных месцаў у канцэпцыі Б. Андэрсана. Менавіта ён дазволіў вялікай колькасці людзей асэнсоўваць (або ўяўляць) сябе і іншых прынцыпова новым спосабам. Фарміраванне нацый – новых уяўленых супольнасцей – рабіцца магчымым як вынік узаемадзеяння паміж сістэмай вытворчых адносін (капіталізмам), тэхнолагіяй камунікацыі (друк) і фатальнасцю лінгвістычнай разнастайнасці чалавецтва. Гэты апошні элемент уяўляецца найбольш істотным [33, с. 225; 39, с. 50–51].

Паводле Б. Андэрсана, вылучэнне і класіфікацыя вялікіх груп людзей (на падставе пэўных прыкмет) патрабуе спецыфічных спосабаў мыслення іх адрознення і атаясамлення. Аднымі з галоўных інструментau такога «ўяўлення» народаў, што атрымалі сваё пашырэнне ў XIX ст. у вялікіх каланіяльных дзяржавах, сталі магутныя інстытуты ўлады – друкаваныя карты, перапісы насельніцтва і музеі [33, с. 266–300]. Усе яны былі цесна ўзаемазвязаны паміж сабой і зрабілі непасрэдны ўплыў на распрацоўку прынцыпаў ідэнтыфікацыі, катэгарызацыі і класіфікацыі («граматыкі») тагачасных народаў. Такім чынам, канцэпцыя Б. Андэрсана акцэнтуе выключную ролю ў канструяванні калектыўнай ідэнтычнасці фармалізаваных, кадыфікованых, аб'ектываваных сістэм, створаных магутнымі інстытутамі ўлады, як галоўнага тыпу знешній этнічнай катэгорызацыі.

Распаўсядженне папулярных канструктыўісцкіх ідэй на постсавецкай прасторы ў канцы XX ст., звязанае ў тым ліку з незадаволенасцю са старэлымі аналітычнымі схемамі і ідышамі,

¹ У беларускай этнаграфіі канцэнтуальныя ідэі Б. Андэрсана разглядаліся ў працы П. У. Церашковіча [39, с. 48–53].

прывяло да палемікі паміж прадстаўнікамі «старой школы», якія адстойвалі пазіцыі савецкай тэорыі этнасу, і прыхільнікамі заходніх канцэпцый этнічнасці [19, с. 63–78]. З таго часу прынята казаць пра супрацьстаянне дзвюх тэарэтычных парадыгмаў у постсавецкай этналогіі – прымардыялізму і канструктывізму¹.

У апошні час выразнымі сталі намаганні шэрагу даследчыкаў па распрацоўцы агульнага («сінтэтычнага») падыходу да вывучэння праблем этнічнасці [21, с. 8–10; 30, с. 158]. Такая тэндэнцыя заслугоўвае асаблівай увагі, паколькі, як сцвярджае адзін з найбольш уплывовых даследчыкаў ідэнтычнасці Р. Брубэйкер, прымардыялісцкае і канструктывісцкае разуменні этнічнасці не з'яўляюцца абавязковымі. Першае можа садзейнічаць тлумачэнню, здавалася б, універсальнай тэндэнцыі да натуралізацыі і эсенцыялізацыі рэальных ці прыпісаных адрозненняў, а апошніяе дазваляе растлумачыць, якім чынам этнічнасць набывае рэлевантнасць або вагу ў канкрэтных кантэкстах. Яны могуць разглядацца не як супяречлівыя адзін аднаму, а як накіраваныя збольшага на розныя пытанні [1, с. 165].

Разглядаючы этнічнасць, расу і нацыянальнасць як спецыфічныя кагнітыўныя феномены, Р. Брубэйкер вызначыў іх як «спосабы ўспрымання, інтэрпрэтацыі і ўяўлення сацыяльнага свету». Пры гэтым ён прапанаваў адмовіцца ад группіскага разумення этнічнасці², а засяродзіць сваю ўвагу на этнічна арыентаваных фрэймах, схемах і наратывах, а таксама сітуацыйных сігналах, што прыводзяць іх у дзеянне. Важна не проста сцвярджаць, *что* этнічнасць канструюеца, а вызначыць, *як* яна канструюеца. Іншымі словамі, неабходна выясліць, як і калі людзі ідэнтыфікуюць сябе, успрымаюць іншых і свет ды растлумачваюць свае праблемы ў этнічных тэрмінах, а не ў нейкіх іншых [1, с. 42–43].

Імкнучыся выпрацаваць новы падыход да вывучэння этнічнасці, які максімальна быў бы пазбаўлены рэфікуючых канатацый, Р. Брубэйкер звярнуў асаблівую ўвагу на тэрмін «ідэнтычнасць» як аналітычную катэгорыю. Вылучыўшы і ахарактарызаваўшы «моцныя» і «слабыя» бакі ўжывання гэтага паняцця, ён прыйшоў да несуцяшальнай высновы: тэрмін «ідэнтычнасць» вельмі (а для аналітычнага выкарыстання – безнадзейна) незразумелы [1, с. 74–88]. Каб разблытаць «вузел сэнсаў», які завязаўся вакол гэтага шматзначнага тэрміна, ён прапанаваў некалькі альтэрнатыўных аналітычных ідёём.

Па-першае, больш карэктна казаць не пра «ідэнтычнасць», а пра «ідэнтыфікацыю» як працэсіўны, актыўны тэрмін, які паходзіць ад дзеяслова і пазбаўлены рэфікуючых канатацый. Яна заклікае нас вызначыць агентаў (або актараў), якія выконваюць ідэнтыфікаванне. Тоэ, як чалавек ідэнтыфікуе сябе і як ён ідэнтыфікуеца іншымі, можа істотным чынам адрознівацца ў залежнасці ад кантэксту; сама ідэнтыфікацыя і ідэнтыфікацыя іншымі з'яўляюцца ў аснове сваёй сітуацыйнымі і кантэкстуальнымі [1, с. 89–90].

Другім тэрмінам, прапанаваным Р. Брубэйкерам у якасці альтэрнатывы «ідэнтычнасці», з'яўляеца «самаразуменне» (або «самарэпрэзентацыя»), гэта значыць разуменне чалавекам самога сябе, свайго сацыяльнага становішча і таго, як ён гатовы дзейнічаць у межах той або іншай сітуацыі. І, нарэшце, асобна з «平淡ільнага катла ідэнтычнасці» правільна было б вылучыць тэрміны «агульнасць», «звязанасць» і «групавасць»: «агульнасць» азначае валоданне нейкай агульнай уласцівасцю, «звязанасць» (або «сецевасць») – наяўнасць рэляцыйных сувязей паміж людзьмі, «групавасць» – пачуццё прыналежнасці да асаблівай, абмежаванай, салідарнай групы [1, с. 95–101]. Больш гнуткія аналітычныя інструменты, прапанаваныя Р. Брубэйкерам, даволі хутка былі ўключаны ў актуальны тэарэтычны багаж не толькі заходніяй, але і постсавецкай этналогіі і антрапалогіі.

¹ Часткай гэтай палемікі была дыскусія пра суадносіны тэрмінаў «этнічная самасвядомасць» і «этнічная ідэнтычнасць» [4].

² Напрыклад, наконт этнічнасці румын і венграў Р. Брубэйкер у сваёй кнізе з сімвалічнай назвай «Этнічнасць без груп» разважае наступным чынам: «Для разумення таго, як працуе этнічнасць, карысна пачынаць не з “румын” і “венграў” як груп, а з “румынскага” і “венгерскага” як катэгорый» [1, с. 55]. На метадалагічную важнасць адрознення паняццяў «группа» і «катэгорыя» пры вывучэнні працэсаў этнічнай ідэнтыфікацыі звяртаў увагу амерыканскі даследчык Р. Джэнкінс. Згодна з яго азначэннем, група – гэта самаўсвядомленая супольнасць, якая «знутры» вызначаеца самім яе членамі; у той час як катэгорыя – гэта супольнасць, якую «звонку» вылучаюць сацыёлагі і антраполагі ў адпаведнасці з пэўнымі крытэрыямі [40, р. 56].

Навуковая праблематыка, якая збліжае прадстаўнікоў разгледжаных тэарэтычных канцэпцый, – гэта высвяленне дыферэнцыяльных прыкмет, што адразніваюць адну этнічную группу або катэгорыю ад іншай. Напрыклад, Ю. У. Брамлей сцвярджаў, што «этнас без адмежавання ад іншых падобных супольнасцей – фікцыя»; адпаведна, «этнасы – катэгорыя супастаўная»¹ [23, с. 49]. Цэнтральным сюжэтам распрацаўанай ім тэорыі этнасу быў акцэнт на праблеме адрознення як галоўнай функцыі этнічнага. Гэта абумовіла прыярытэтную задачу савецкай этналагічнай навукі – пошук і апісанне «этнічных (этнавызначальных) прыкмет», гэта значыць комплексу харктэрных адметных рыс этнічных супольнасцей, на падставе якіх магчыма ўвогуле казаць пра іх існаванне.

У межах канструктыўісцкай парадыгмы выключную ролю ў вывучэнні этнічнасці набывае выяўленне сітуацыйных культурна-раздзяляльных ліній («этнічных межаў») і іх спецыфічных прыкмет («этнічных маркераў»), якія вызначаюць арганізацыйную форму этнічных адзінак. Гэта (а таксама перавага катэгарыяльнага, а не груповага падыходу да вывучэння этнічнага) робіць актуальнym правядзенне дэталізаваных «кейс-стадзі» (англ. *case study*) – парапульнага аналізу і апісання канкрэтных этнічна фрэймаваных сітуацый і падзеяў. Прымянеñне кейс-метаду ў антрапалогіі і этнаграфіі набывае ўсё большую актуальнасць ва ўмовах, калі ў выніку павялічанай мабільнасці людзей ва ўсім свеце этнічныя групы перастаюць успрымацца як кампактна тэртыярныя і прасторава абмежаваныя, а этнічныя працэсы ўсё больш складана выразна акрэсліць і лакалізаваць у просторы.

Высновы. Такім чынам, харктэрнай рысай прымардыялісцкага падыходу да вывучэння этнічнай праблематыкі з'яўляеца аўктыўнасць этнасаў як арганічных супольнасцей людзей, дыферэнцыяцыя якіх пабудавана на «першапачатковых» культурных адрозненнях («данасцях»). Інструменталісты і канструктыўісты ў большай ступені канцэнтруюць свою ўвагу на сацыяльной арганізацыі этнічных адрознення, што грунтуюцца на сітуацыйных працэсах уключення і выключення. Этнічная ідэнтычнасць у межах канструктыўізму разглядаецца як своеасаблівая сімвалічна канструкцыя – сацыяльна-вынайдзеная, дыскурсійна-апасродкованая і культурна-маркіраваная.

На фоне класічнага прымардыялізму канструктыўісцкі падыход да вывучэння этнічнай ідэнтычнасці выяўляе новыя даследчыя задачы і перспектывы для айчынных этнолагаў: гэта ў першую чаргу аналіз узаемасувязі паміж этнічнай ідэнтычнасцю, культурнымі адрозненнямі і сацыяльнай арганізацыяй; высвяленне сімвалічных меж, што канструуюцца паміж этнічнымі групамі на падставе культурных маркераў іх адрозненіяў; парапульная харктарыстыка спосабаў прыпісання этнічнай ідэнтычнасці сабе і прыпісання яе іншым; дэталізаванае апісанне разнастайных форм і працэсаў дыхатамізацыі і стэрэатыпізацыі этнічных груп.

Асаблівую ўвагу трэба надаць даследаванню фармальных і нефармальных сістэм этнічнай катэгерызацыі і ідэнтыфікацыі (у тым ліку ўласна этнаграфічных класіфікацый, здольных канстытуяваць і рэіфікаваць этнічнасць).

Імкнучыся глыбей зразумець феномен этнічнай ідэнтычнасці, варта таксама ўлічваць тэндэнцыю спалучэння розных тэарэтычных падыходаў да тлумачэння складанай прыроды этнічнасці, што ўключае як аўктыўныя, так і суб'ектыўныя харктарыстыкі яе выяўлення.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер ; пер. с англ. И. Борисовой. – М. : Изд. дом Выш. шк. экономики, 2012. – 406 с.
2. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. / Э. Эриксон ; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – М. : Прогресс, 1996. – 342 с.
3. Byron, R. Identity / R. Byron // Encyclopedia of social and cultural anthropology / ed.: A. Barnard, J. Spencer. – London ; New York, 2002. – P. 292.

¹ Тоё, што ідэнтычнасць чалавека ці групы можа быць суаднесена з ідэнтычнасцю іншага ці іншых, адзначаў яшчэ Э. Эрыксан [2, с. 31]. Па сутнасці, яна суб'ектыўна перажываеца ў працэсе як асэнсавання падабенстваў з тымі, з кім чалавек сябе ідэнтыфікуе, так і асэнсавання адрозненняў ад тых, каму чалавек сябе супрацьпастаўляе.

4. Александренков, Э. Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность»? / Э. Г. Александренков // Этногр. обозрение. – 1996. – № 3. – С. 13–22.
5. Тишков, В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. – М. : Наука, 2003. – 543 с.
6. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. – М. : Рос. полит. энцикл., 2013. – 485 с.
7. Соколовский, С. Идентичность и идентификация: К расширению программы антропологических исследований / С. Соколовский // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / В. В. Амелин [и др.]; под ред. Е. И. Филипповой, К. Ле Торривеллека. – М., 2018. – С. 28–50.
8. Филиппова, Е. «Сначала было слово». Дискурс национальной идентичности в России и во Франции / Е. Филиппова // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / В. В. Амелин [и др.]; под ред. Е. И. Филипповой, К. Ле Торривеллека. – М., 2018. – С. 69–109.
9. Мартынова, М. Ю. Введение в изучение европейской идентичности и многокультурности / М. Ю. Мартынова // Очерки о европейской идентичности и многокультурности : [сборник] / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии ; отв. ред.-сост. М. Ю. Мартынова. – М., 2013. – С. 5–10.
10. Абашин, С. Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности / С. Н. Абашин. – СПб. : Алетейя, 2007. – 157 с.
11. Байбурин, А. Советский паспорт: история – структура – практики / А. Байбурин. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. – 488 с.
12. Рыжакова, С. И. Cultura Lettica: латышская национальная история и этническая идентичность / С. И. Рыжакова. – М. : ИЭА РАН, 2017. – 412 с.
13. Лескинен, М. В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности / М. В. Лескинен. – М. : Индрик, 2010. – 368 с.
14. Самосюк, Н. В. Понятие «идентичность» в работах белорусских исследователей / Н. В. Самосюк // Культура. Наука. Творчество : XI Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 4 мая 2017 г.) : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т культуры и искусств ; редкол.: Ю. П. Бондарь [и др.]. – Минск, 2017. – С. 473–477.
15. Кочетков, В. Национальная и этническая идентичность в современном мире / В. Кочетков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. – 2012. – № 2. – С. 144–162.
16. Гуревич, П. С. Идентичность как социальный и антропологический феномен / П. С. Гуревич, Э. М. Спирова. – М. : Канон+, 2015. – 368 с.
17. Соколовский, С. В. Парадигмы этнологоческого знания / С. В. Соколовский // Этногр. обозрение. – 1994. – № 2. – С. 3–17.
18. Эриксен, Т. Х. Тирания момента. Время в эпоху информации / Т. Х. Эриксен ; пер. с норв. – М. : Весь мир, 2003. – 206 с.
19. Рыбаков, С. Е. Философия этноса / С. Е. Рыбаков. – М. : ИПК Госслужбы, 2001. – 358 с.
20. Янг, К. Диалектика культурного плорализма: концепция и реальность / К. Янг // Этничность и власть в полиэтнических государствах : материалы Междунар. конф., [25–27 янв.] 1993 г. / отв. ред. В. А. Тишков. – М., 1994. – С. 85–132.
21. Винер, Б. Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения / Б. Е. Винер // Этногр. обозрение. – 1998. – № 4. – С. 3–26.
22. Хабенская, Е. О. Этническая идентичность: подходы к проблеме / Е. О. Хабенская // Бюл. Владикавк. ин-та упр. – 2006. – № 20. – С. 57–81.
23. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1983. – 412 с.
24. Чебоксаров, Н. Н. Народы. Расы. Культуры / Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова ; отв. ред. Ю. В. Бромлей. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Наука, 1985. – 271 с.
25. Арутюнов, С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие / С. А. Арутюнов ; отв. ред. Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1989. – 246 с.
26. Козлов, В. И. Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика / В. И. Козлов. – М. : Старый сад, 1999. – 343 с.
27. Чаквін, І. У. Этнас / І. У. Чаквін // Этнографія Беларусі : энцыклапедыя / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1989. – С. 547–548.
28. Григорьева, Р. А. Этнологические исследования в Беларуси / Р. А. Григорьева, А. Вл. Верещагина-Гурко // Современная Европейская социокультурная антропология и этнология: историографические очерки / отв. ред. М. Ю. Мартынова. – М., 2018. – С. 11–48.
29. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц ; пер. с англ. – М. : РОССПЭН, 2004. – 560 с.
30. Низамова, Л. Р. Сложносоставная концепция модерной этничности: пределы и возможности теоретического синтеза / Л. Р. Низамова // Журн. социологии и соц. антропологии. – 2009. – Т. 12, № 1. – С. 141–159.
31. Cohen, A. Introduction: the lesson of ethnicity / A. Cohen // Urban ethnicity / ed. A. Cohen. – London, 1974. – P. IX–XXIV.
32. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Моск. филос. фонд, 1995. – 323 с.
33. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Г. Николаевой ; под ред. С. П. Баньковской. – М. : Кучково поле, 2016. – 416 с.

34. Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер ; пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной ; ред. и по-слесл. И. И. Крупника. – М. : Прогресс, 1991. – 320 с.
35. The invention of tradition / ed.: E. Hobsbawm, T. Ranger. – Twelfth printing. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. – 320 p.
36. Барт, Ф. Введение / Ф. Барт // Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта ; пер. с англ. И. Пильщикова. – М., 2006. – С. 9–48.
37. Barth, F. Enduring and emerging issues in the analysis of ethnicity / F. Barth // Anthropology of ethnicity: beyond «Ethnic groups and boundaries» / ed.: H. Vermeule, C. Govers. – Amsterdam, 1994. – P. 11–32.
38. Eriksen, T. H. Ethnicity and nationalism: anthropological perspectives / T. H. Eriksen. – 3nd ed. – London : Pluto Press, 2010. – 246 p.
39. Терешкович, П. В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: в контексте Центрально-Восточной Европы / П. В. Терешкович. – Минск : БГУ, 2004. – 223 с.
40. Jenkins, R. Rethinking ethnicity: arguments and explorations / R. Jenkins. – 2nd ed. – London : SAGE, 2008, 2008. – 207 p.

References

1. Brubaker R. *Ethnicity without groups*. Cambridge, Harvard University Press, 2006. 283 p.
2. Erikson E. H. *Identity: youth and crisis*. New York, W. W. Norton Company, 1968. 336 p.
3. Byron R. Identity. *Encyclopedia of social and cultural anthropology*. London, New York, 2002, p. 292.
4. Aleksandrenkov E. G. “Ethnic self-consciousness” or “ethnic identity”? *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Review*, 1996, no. 3, pp. 13–22 (in Russian).
5. Tishkov V. A. *Requiem for ethnos: research in social and cultural anthropology*. Moscow, Nauka Publ., 2003. 543 p. (in Russian).
6. Drobizheva L. M. (ed.). *Civic, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow*. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2013. 485 p. (in Russian).
7. Sokolovskii S. Identity or identification: to expand the anthropological research program. *Svoi i chuzhie. Metamorfozy identichnosti na vostoke i zapade Evropy* [Their own and others’. Identity metamorphoses in Eastern and Western Europe]. Moscow, 2018, pp. 28–50 (in Russian).
8. Filippova E. “In the Beginning Was the Word”. Discourse of national identity in Russia and France. *Svoi i chuzhie. Metamorfozy identichnosti na vostoke i zapade Evropy* [Their own and others’. Identity metamorphoses in Eastern and Western Europe]. Moscow, 2018, pp. 69–109 (in Russian).
9. Martynova M. Yu. Introduction to the study of European identity and multiculturalism. *Ocherki o evropeiskoi identichnosti i mnogokul'turnosti* [Essays on European identity and multiculturalism]. Moscow, 2013, pp. 5–10 (in Russian).
10. Abashin S. N. *Nationalisms in Central Asia: in search of identity*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2007. 157 p. (in Russian).
11. Baiburin A. *Soviet passport: history – structure – practices*. St. Petersburg, Publishing House of the European University, 2017. 488 p. (in Russian).
12. Ryzhakova S. I. *Cultura Lettica: Latvian national history and ethnic identity*. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 2017. 412 p. (in Russian).
13. Leskinen M. V. *Poles and the Finns in the Russian science at the second half of the 19th century. “Other” through the prism of identity*. Moscow, Indrik Publ., 2010. 368 p. (in Russian).
14. Samosyuk N. V. The concept of “identity” in the works of Belarusian researchers. *Kul'tura. Nauka. Tvorchestvo: XI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* (Minsk, 4 maya 2017 g.): sbornik nauchnykh statei [Culture. Science. Arts: XI International scientific and practical conference (Minsk, May 4, 2017): collection of scientific articles]. Minsk, 2017, pp. 473–477 (in Russian).
15. Kochetkov V. National and ethnic identity in the modern world. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18, Sotsiologiya i politologiya = Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2012, no. 2, pp. 144–162. (in Russian).
16. Gurevich P. S., Spirova E. M. *Identity as a social and anthropological phenomenon*. Moscow, Kanon+ Publ., 2015. 368 p. (in Russian).
17. Sokolovskii S. V. Paradigms of ethnological knowledge. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Review*, 1994, no. 2, pp. 3–17 (in Russian).
18. Eriksen T. H. *Tyranny of the moment: fast and slow time in the information age*. London, Pluto Press, 2001. 192 p.
19. Rybakov S. E. *The philosophy of ethnos*. Moscow, IPK State Services, 2001. 358 p. (in Russian).
20. Young C. The dialectics of cultural pluralism: concept and reality. *The rising tide of cultural pluralism: the nation state at bay?* Madison, 1993, pp. 3–35.
21. Wiener B. E. Ethnicity: in the search of paradigm. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Review*, 1998, no. 4, pp. 3–26 (in Russian).
22. Khabenskaya E. O. Ethnic identity: approaches to the problem. *Byulleten' Vladikavkazskogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Vladikavkaz Institute of Management], 2006, no. 20, pp. 57–81 (in Russian).
23. Bromlei Yu. V. *Essays on the theory of ethnos*. Moscow, Nauka Publ., 1983. 412 p. (in Russian).
24. Cheboksarov N. N., Cheboksarova I. A. *Ethnoses, races, cultures*. 2nd ed. Moscow, Nauka Publ., 1985. 271 p. (in Russian).

25. Arutyunov S. A. *Peoples and cultures: development and interaction*. Moscow, Nauka Publ., 1989. 246 p. (in Russian).
26. Kozlov V. I. *Ethnos. Nation. Nationalism. Essence and problematics*. Moscow, Staryi sad Publ., 1999. 343 p. (in Russian).
27. Chakvin I. U. *Ethnography of Belarus: encyclopedia*. Minsk, 1989, pp. 547–548 (in Belarusian).
28. Grigor'eva R. A., Vereshchagina-Gurko A. V. Ethnological researches in Belarus. *Sovremennaya Evropeiskaya sotsiokul'turnaya antropologiya i etnologiya: istoriograficheskie ocherki* [Contemporary European sociocultural anthropology and ethnology: historiographical essays]. Moscow, 2018, pp. 11–48 (in Russian).
29. Geertz C. *The Interpretation of cultures. Selected essays*. New York, Basic Book Publ., 1973. 470 p.
30. Nizamova L. R. The compound concept of modern ethnicity: the limits and sources of theoretical synthesis. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2009, vol. 12, no. 1, pp. 141–159 (in Russian).
31. Cohen A. Introduction: the lesson of ethnicity. *Urban ethnicity*. London, 1974, pp. IX–XXIV.
32. Berger P. L., Luckmann T. *The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge*. New York, Anchor Books, 1966. 240 p.
33. Anderson B. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London, Verso Editions, 1983. 160 p.
34. Gellner E. *Nations and nationalism (New perspectives on the past)*. Oxford, Basil Blackwell, 1983. 170 p.
35. Hobsbawm E., Ranger T. (eds.). *The invention of tradition*. Twelfth printing. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 320 p.
36. Barth F. Introduction. *Ethnic groups and boundaries: The social organization of cultural difference*. London, Allen & Unwin, 1969, pp. 9–38.
37. Barth F. Enduring end emerging issues in the analysis of ethnicity. *Anthropology of ethnicity: beyond «Ethnic groups and boundaries»*. Amsterdam, 1994, pp. 11–32.
38. Eriksen T. H. *Ethnicity and nationalism: anthropological perspectives*. 3rd ed. London, Pluto Press, 2010. 246 p.
39. Tereshkovich P. V. *Ethnic History of Belarus XIX – early XX century: In the context of Central-Eastern Europe*. Minsk, Belarusian State University, 2004. 223 p. (in Russian).
40. Jenkins R. *Rethinking ethnicity: arguments and explorations*. 2nd ed. London, SAGE, 2008. 207 p.

Информация об авторе

Внукович Юрий Иосифович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларусь (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: jurasis22@gmail.com <https://orcid.org/0000-0003-2037-8150>

Information about the author

Yury I. Vnukovich – Ph. D. (Hist.), Senior Researcher. Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: jurasis22@gmail.com <https://orcid.org/0000-0003-2037-8150>

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 398.3(=161.3)

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-80-87>

Паступіў у рэдакцыю 24.02.2021

Received 24.02.2021

Н. А. Гулак

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў, Мінск, Беларусь

ЖАНРАВАЯ ТРАНСФАРМАЦЫЯ НАРОДНАЙ ДРАМЫ Ў ПРАСТОРЫ АБРАДАВАЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Представлен редкий факт народной традиции, зафиксированный белорусскими учеными в Речицком районе во время Минско-Гомельской этнографической экспедиции 1956 г. Его сравнительно-историческое изучение позволяет выдвинуть гипотезу о бытовании в конце XIX – начале XX века на территории белорусского и украинского Полесья самобытного обходного обряда щедрования, в основе которого лежит показ позднетрадиционной модификации народной драмы «Царь Максимилиян». Наиболее полно рефлекс этого явления наблюдается в известном сегодня обряде «Цари» д. Семежево Копыльского района. Привнесению редуцированной нестационарной формы народной драмы в обрядность белорусов во второй половине XIX в. способствовало культурное взаимодействие жителей местечек и крестьян с солдатами. Нижние чины российской армии являлись представителями той социально-профессиональной группы, в среде которой показы народной драмы были особенно развиты и санкционированы. Ставится проблема переосмысления ряда принятых в белорусской фольклористике положений и упрощенных оценок, интерпретирующих социальную природу и семантику позднетрадиционных явлений народного творчества.

Ключевые слова: обрядовый обход, солдат, «Царь Максимилиян», народная драма, Семежево

Для цитирования: Гулак, Н. А. Жанравая трансформацыйя народнай драмы ў прасторы абрадавай культуры / Н. А. Гулак // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 1. – С. 80–87. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-80-87>

Nastassia A. Hulak

Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus

GENRE TRANSFORMATION OF FOLK DRAMA IN THE SPACE OF RITUAL CULTURE

Abstract. The article presents rare fact of folk tradition recorded by Belarusian scientists in the Rechitsa region during the Minsk-Gomel ethnographic expedition in 1956. A comparative historical study allows us to put forward a hypothesis about the existence of a unique Christmas rite at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries on the territory of the Belarusian and Ukrainian Polesie. The ceremony is based on a modification of the folk drama “Tsar Maximilians”. There is a reflex of this phenomenon in the ritual known today “Tsars” in the village of Semezhevo, Kopylsky district. The reduced non-stationary form of folk drama penetrated into folklore in the second half of the 19th century. This was facilitated by the cultural interaction of the indigenous population with representatives of the social and professional group of the military. It was among the Russian army that shows of folk drama were developed. The problem of rethinking a number of provisions and simplified assessments accepted in the Belarusian folklore studies is posed.

Keywords: Christmas caroling, soldier, “Tsar Maximilian”, folk drama, Semezhevo

For citation: Hulak N. A. Genre transformation of folk drama in the space of ritual culture. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 1, pp. 80–87 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-80-87>

Уводзіны. Экспедыцыйныя матэрыялы розных гадоў, якія захоўваюцца ў фальклорнай калекцыі аддзела фалькларыстыкі і культуры славянскіх народаў ЦДБКМЛ НАН Беларусі, уяўляюць сабой унікальную крыніцу вывучэння народнай традыцыі XIX–XX стст.

Адзначым, што ў 1950-я гг. у савецкай навуцы тэарэтычнае асэнсаванне і публікацыя ўзорай вусна-паэтычнай творчасці стрымліваліся моцнымі ідэалагічнымі ўстаноўкамі, але пры гэтым экспедыцыйная работа, наколькі гэта дазвалялі ўмовы пасляваеннага часу, разгортвалася больш

актыўна¹. Яе арганізоўвалі і бралі ў ёй удзел Маісей Грынблат, Леў Бараг, Марыя Мееровіч, Лідзія Мухарынская, Генадзь Цітовіч, Рыгор Шырма, Іван Гутараў, Іван Даўгяла, Міхась Клімковіч, Іван Чыгрын, Анатоль Клышкі і іншыя навукоўцы, дзеячы культуры, энтузіясты. У той час будучы даследчык народнай культуры і гісторыі фалькларыстыкі, літаратар і педагог Іван Кірылавіч Цішчанка (1930–2001) толькі пачынаў свой шлях у навуцы, выходзілі яго першыя публікацыі пра дзеячаў беларускай культуры. Важным шляхам спасціжэння народнай творчасці ва ўсім багацці яе рэгіянальных праяў І. К. Цішчанка лічыў «вывезды ў поле» – фальклорна-этнографічныя экспедыцыі. Увагу аўтара прыцягнуў запіс абыходнага абраду з Рэчыцкага раёна Гомельскай вобласці, зроблены І. К. Цішчанкам у ліпені 1956 г. падчас Мінска-Гомельскай этнографічнай экспедыцыі АН БССР.

Асноўная частка. Зафіксаваны факт абрадавай традыцыі з'яўляеца *калядным абыходам* (Дадатак) і належыць да вялікай групы такіх абыходаў, прадстаўленай у культуры славян мноствам формаў і варыянтаў. Паводле Л. Вінаградавай, іх тыпалогія вызначаеца часавай прымеркаванасцю, складам удзельнікаў і харектарам выконваемага рэпертуару. Тыпы калядавання дыферэнцыруюцца на падставе ўключаных у абрад магічных дзеянняў ці асаблівых рытуальных сімвалаў [1, с. 570–571]. Найбольш распаўсюджаная форма – калядныя абыходы з дамінуючай ролій абрадавых ці народна-рэлігійных тэкстаў (*вербальны рытуал*), дзе вылучаюцца абыходы немаскаваных і маскаваных калядоўшчыкаў. Спецыфікай абыходаў маскаваных удзельнікаў з'яўляеца тое, што вербалны рытуал дапаўняюць драматычныя і гульнёвыя элементы, у цэнтры якіх персанаж у заці антрапаморфным абліччы, напрыклад, *ваджэнне «казы», «каня», «мядзведзя», «тура»* (усходнеслав.), *ичадраванне* (бел., укр.), *Маланка* (укр.), *овсеньканье* (рус.), *Конік* (бел.), *Калядныя цары* (бел.). Іншая форма – абыходы з мэтай выканання магічных дзеянняў (*раскідання зерня, аблівання водой гаспадароў, вымітання хаты і інш.*). Да іх прымыкаюць абыходы з рытуальнымі прадметамі (*калядная зорка, фігурка Хрыста, плуг, галінкі, палачкі, упрыгожанае дрэўца*). Пры некаторай умоўнасці гэтай класіфікацыі яна вызначае асноўныя параметры разглядаемай з'явы.

Так, рэчыцкая традыцыя, відавочна, можа быць аднесена да найбольш распаўсюджаных абыходаў з маскаванымі персанажамі. Яе вярбальна-актыянальны код вызначаеца элементы народнай драмы «Цар Максімілян», кантамінаваныя з гульнёва-драматызаванымі дзеямі «ваджэння казы». Нельга не заўважыць, што яна з'яўляеца рэдукаваным варыянтам ці мадыфікацыі каляднага абыходу, вядомага пад называй «Цары», які сёння захаваўся ў лакальнай культурнай традыцыі в. Семежава Капыльскага раёна Мінскай вобласці².

На тоеснасць указываюць прымеркаванасць абедзвюх з'яў да Каляд (Шчодры вечар), абыходны харектар (*ходзяць яны па хатах, іграюць, спяваюць, праздраўляюць гаспадароў. Ім давалі за гэта хто што*), склад удзельнікаў (хлопцы чалавек трывіцаў), касцюмы, харектар вобразу (зробяць салдацкую адзежу, купяць эпалеты; там у іх былі цар, Адолька – сын цара, доктар, жыод, цыган). У тэксце І. Цішчанкі, як і ў семежаўскім абыходзе, праяўлены абрывы сюжету народнай драмы «Цар Максімілян» (*цар прымушае непакорнага сына Адольку пакланіцца кумірскім багам, цар забівае Адольку і інш.*). Аднак асноўнай для семежаўскіх «Цароў» сюжэтнай лініі двубою ў рэчыцкім запісе не прасочваеца, хаця трэба ўлічваць і тое, што тут мы маєм справу з вельмі малым фрагментам народнай традыцыі. Звяртае на сябе ўвагу ўстойлівасць у памяці інфарматара рэплікі доктара (*А я так лячу: скулы выразаю, балячки ўстаўляю. Ка мне прыходзяць на нагах, а ўязджаюць на санях*), што служыць паказчыкам уплыву інтэрмедыйных сцэн батлей-кі (*«Мацей і доктар»*) на народную драму і праз яе – на калядны абыход.

Слова «маскарад» у мове інфарматара – непісьменнай жанчыны, якой у 1956 г. споўнілася 79 гадоў, відавочна, засвоена ёю з традыцыі. Яшчэ ў 1912 г. Е. Раманаў адзначаў, што менавіта пад называй «Мушкарат» на Гомельшчыне была вядома народная драма з кантамінаванымі сюжэтамі «Цара Ірада» і «Цара Максіміляна». У Гомелі і Беліцы, на радзіме даследчыка, «Мушкарат» ставіўся неаднаразова [2, с. 73]. Зайважым, што падчас устойлівага бытавання ў рэгіёне

¹ Цэнтрам гэтай дзейнасці быў сектар этнографіі і фальклору Інстытута гісторыі АН БССР да таго часу, пакуль у 1957 г. на базе структур Інстытута гісторыі і Інстытута літаратуры не быў створаны Інстытут мастацтвазнаўства, этнографіі і фальклору АН БССР.

² У 2007 г. калядны абрад «Цары» вёскі Семежава ў катэгорыі «Традыцыйныя цырымоніі» быў унесены ў Спіс элементаў нематэрыяльнай культурнай спадчыны (НКС), уключаных у Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь. У 2009 г. абрад «Цары» ўключаны ў Спіс нематэрыяльнай культурнай спадчыны ЮНЕСКА, якой патрабуецца тэрміновая ахова.

гэтай з'явы інфарматар І. Цішчанкі – Фядосся Сафронайна Сівуха з в. Ровенская Слабада – была дарослым чалавекам.

Тыпала гічна падобныя калядныя абыходы з канём Е. Раманаў фіксаваў у некалькіх вёсках на поўдні Гомельскага павета¹. Паводле кароткіх звестак, убраннем часткі персанажаў абрарадавага маскавання быў «войсковы» касцюм, падобны на семежаўскі і рэчыцкі. Так, адзін з хлопцаў-удзельнікаў прыбіраўся афіцэрам: «войсковы мундзір і штаны, на галаву папяровы ківер з султанам, праз плячо блакітную стужку з паперы», яшчэ адзін – «у войсковы мундзір, але без стужкі і з галаўным уборам накшталт уланскага» [2, с. 109–111]. Адзначым, што менавіта элементы касцюма² вызначаны як асноўныя матэрыяльныя аб'екты, звязаныя з практикай каляднага абыходу ў в. Семежава [3].

Натуральная, асобныя запісы збіральнікаў не могуць даць уяўленне пра арэал распаўсюджання пэўнай з'явы, яе лакальна-рэгіянальныя асаблівасці і інш. Аднак яны важныя ў сэнсе назашвання фальклорнай эмпірыкі і акрэслення новых кантэкстуў, міждысцыплінарных падыходаў да вывучэння гэтай з'явы. Спынімся на некаторых крыніцах, якія паведамляюць пра калядныя абыходы з інтэграванымі ў іх элементамі народнай драмы, і звернем увагу на прысутнасць у іх «войсковага кампанента». Такіх крыніц даволі шмат, гэта «опыты разыскания», запісы народнай драмы з каментарыямі, апублікованыя ў гісторыка-літаратурных, гісторыка-этнаграфічных і мовазнаўчых выданнях³ у канцы XIX – пачатку XX ст. Калі разглядаець з'яву з беларуска-цэнтрычных пазіцый, то робіцца відавочным, што адным з арэалаў ці, дакладней, кантактнай з беларускім Палессем зонай распаўсюджання калядных абыходаў, у аснове якіх знаходзіцца сінтэтычная драматычная дзея «Цар Максімілян» з маскаваннем удзельнікаў у войсковы касцюм і адпаведнай атрыбутыкай, было Чарнігаўскае і Валынскае Палесце.

У 1887 г. часопіс «Киевская старина» публікуе нататку «“Царь-Максимилюн” в Ковеле», у якой паведамляецца, што ў павятовых горад Ковель Валынскай губерні народная драма «знесена прышлым салдатам» і бытую ў форме каляднага абыходу хлопцаў-мяшчан. Рэпетыцыі адбываюцца ў Піліпай пост: «І сама п'еса, і яе выкананне вельмі цікавыя. Ковельскія хлопцы гуляюць з натхненнем, нязмушана і часам вельмі добра, відаць, што яна ім падабаецца. <...> Некалі вельмі даўно лёс завёў у Ковель адстаўнога салдата, і пасяліўся ён на ўскрайку горада. Адкуль ён сам быў родам, як яго звалі, ніхто таго не ведае, ведаюць толькі, што ён сабраў мясцовых хлопцаў, паведаміў ім змест п'есы, патлумачыў, усё паказаў <...> Салдат памёр, а занесеная ім “камедыя” жыве ў Ковелі і цяпер і аваўязкова выконваецца штогод падчас святкаванняў Ражства. Форма яе вершаваная, змест прыстасаваны да святочнай падзеі, падобны да “Вяртэпа”, мова змешаная – велікаруска-маларуска-польская» [4, с. 799].

У даследаванні А. Малінкі «К истории народного театра» (1897) ёсьць узгадкі пра каляднае прадстаўленне-абыход у Нежынскім павеце Чарнігаўской губерні, якое выконвалі салдаты «з дазволу свайго начальства». У 1899 г. літаратуразнаўца і бібліограф У. Калаш публікуе варыянт народнай драмы, запісаны ў павятовым Глухаве Чарнігаўской губерні. Тут «Цар Максімілюн» таксама існуе ў форме каляднага абыходу, які робяць хлопцы рамесніцкага саслоўя. З рэквізіту ўказываецца трон, падкрэслены дэталі касцюмаў: <на цары> «салдацкі ці афіцэрскі мундзір, такі, які ўжо здолелі дастаць артысты, на мундзіры пагоны ці вісячыя эпалеты, сапраўдныя ці зробленыя з картону, каляровай паперы ці *шуміхі* (назва *мішуры* ў XIX ст. – Н. Г.), шабля ці цясак, праз плячо – чырвоная стужка. На грудзях ордэн і зорка. На галаве шалом з султанам, зроблены з бляхі ці з картону і сусальнаага золата» [5, с. 6].

¹ Сёння – вёскі Леніна (былая Папоўка), Красная Буда Добрушскага раёна, Юркавічы Веткаўскага раёна.

² «Хлопцы-“цары”» апранаюцца ў белыя кашулі, белыя штаны, падпярэзываюцца чырвонымі семежаўскімі пасамі з геаметрычным арнаментам, грудзі таксама перавязваюць крыж-накрыж, на шыю павязваюць жаночую вялікую хустку-“тарыноўку” ў вялікую клетку або ў кветкі, якая закладваецца за паясы. На нагах “цароў” – чорныя боты, на галаве – высокія папяровыя шапкі з рознакаляровымі стужкамі і кутасамі. Ва ўсіх “цароў” з левага боку прымацавана шабля <...>».

³ На мяжы стагоддзяў ва ўсходнеславянскім народазнаўстве акрэсліваецца навуковае зацікаўленне народнай драмай. Найбольшая колькасць матэрыялаў убачыла свет у часопісе «Этнографическое обозрение» Таварыства аматараў прыродазнаўства, антрапалогіі і этнографіі пры Маскоўскім універсітэце. Матэрыялы на гэтую тэму таксама давалі «Ізвестия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук» (Санкт-Пецярбург), «Записки Наукового товариства ім. Шевченка у Львові», «Русский филологический вестник» (Варшава), «Вестник географического общества» (Санкт-Пецярбург), «Кievская старина» і інш.

У Ноўгарад-Северскім павеце Чарнігаўскай губерні, паводле звестак Р. Волкава, паказы «Цара Максіміяна» пад назвай «Маскарад» мелі абыходныя характар і ладзіліся разам з «Казой» і «Зоркай». Адзначым істотныя супадзенні ноўгарад-северскага і семежаўскага тэкстаў у частцы звароту да публікі і самаўхвалення Цара Максіміяна. Касцюмы асноўных удзельнікаў п'есы – салдацкія мундзіры, пераважна кавалерыйскія (гусарскія і ўланскія), якія мясцовая моладзь звычайна брала ў сяле Івот, «насельніцтва якога служыла ў кавалерыі і гвардыі» [6, с. 3].

У 1897 г. этнограф В. А. Машкоў апісаў прадстаўленне «Цара Ірада» ў м. Славута Валынскай губерні, якое ладзілася гуртамі хлопцаў падчас Каляд. Галоўны персанаж быў «у салдацкім мундзіры, наверх якога накінута чырвоная мантыя, падпярэзаны чырвоным кушаком, абkleеным залочанай паперай; праз левае плячо павешана каляровая папяровая ордэнская стужка, а праз правае – шашка на партупеi <...>». У вайсковых касцюмах іншых персанажаў адзначаны *марынарка¹* з залатымі галунамі на грудзяx, *шашка, мундзіры, скураныя кушакі з бляхай, шашкі праз плячо* і інш. [7, с. 233–234].

Як бачым, найболыш паслядоўна этнографы адлюстроўвалі тэмпаральны і атрыбутыўны аспекты абрадавых абыходаў, акцэнтуючы ўвагу на элементах касцюма ўдзельнікаў як асноўных матэрыяльных аб'ектах, звязаных з практикай іх бытавання. У сістэме персанажнага кода, акрамя вобразаў класічнай батлейкі, асобную падсістэму ўтвараюць вайсковыя вобразы (*фельдмаршал, афіцэр, улан, воін, салдат, маскаль, казак*), як і «вайсковыя прыёмы» ў кантэксце народнай драмы [8, с. 97]. У калядных абыходах, больш дынамічных за стацыянарныя паказы, гэтая прыёмы былі засвоены і прадуктыўна развіліся (*хаджэнне страйвым крокам, аддаванне загадаў, рапартаў, каманд (налева/направа/кругом/шагам марш), падыманне ўгору шабляў, называнне артыкулаў вайсковага статута і інш.*).

З увагай на выяўленыя кампаненты асноўных кодаў можна разгледзець іншыя з'явы ўсходнеславянскай народнай традыцыі, напрыклад, украінскае народна-рэлігійнае свята «Маланка». У вядомай працы Б. Яцымірскага (1914) адзначалася, што ў Падольскай губерні² асаблівасць персанажнага кода «Маланкі» складаюць маскі салдат ці ўланай (*маскалі і казакі*): «Цікавымі і загадковымі для разумення служаць салдаты, якія выступаюць у ролі распарадчыкаў карнавалу. Ці з'яўляюцца яны бытавымі тыпамі, сказаць складана. Адзін з салдат выступае ў ролі фельчара» [9, с. 70]. Наяўнасць гэтых вобразаў можа быць патлумачана тым, што ў XIX ст. ці раней абыходная аўтэнтычная традыцыя свята «Маланка» сутыкнулася і засвоіла на перыферыйным узроўні элементы народнай драмы ў яе жанравай мадыфікацыі (абыход). У якасці прыкладу згадаем персанажы знакамітай Краснайлскай Маланкі Чарнаўцоўскай вобласці Украіны. Сярод іх сустракаюцца маскі, якія вельмі нагадваюць убранне семежаўскіх цароў (*белыя штаны і кашулы, дэкаратыўныя стужкі, перавязаныя крыжс-накрыж на грудзяx, высокія шапкі з акцэнтаваным дэкорам, шаблі*). З абрадавых атрыбутаў назіраецца характэрны і для Семежава *трон*, які служыць адсылкай да народнай драмы «Цар Максіміян»³.

Вайсковы фактар прасочваецца і ў традыцыі шчадравання «Конікі» ў Давыд-Гарадку Столінскага раёна⁴. Яго цэнтральным персанажам выступае Вершнік – салдат у шынялі з шабляй з прымацаванай на ніжній частцы тулава спецыяльнай канструкцыяй з маскай Каня. Пры tym, што *салдат* – шырокая распаўсюджаны ва ўсходніх і заходніх славян персанаж абрадавага маскавання [10, с. 101], а абыходы з кабылай (канем) – з'ява, характэрная для Палесся [11, с. 24–25; 44–46], пытанне ўплыву культуры вайсковага соцыуму на традыцыю шчадравання «Конікі» нам здаецца небеспадстаўным. Гэты ўплыў можа быць прасочаны ў кірунку атрыбутыўнага кода,

¹ Марынарка – жакет, пінжал.

² Сёння – тэрыторыя на поўдні Хмяльніцкай вобласці. У Беларусі абыходы шчадроўнікаў з парай маскаваных персанажаў – Васілём і Маланкай – характэрны для некаторых паўднёва-ўсходніх раёнаў Гомельшчыны.

³ У. Ястррабаў піша, што ў Херсонскай губерні народная драма «Цар Максіміян» пад назвай «Трон» была вельмі распаўсюджана ў вайсковым асяроддзі, з'ява «прыўнесеная з Велікасці, відавочна, праз салдатаў», актыўна засвойваецца «пануючым маларускім асяроддзем». Гл.: Ястребов В. Святочная народная драма «Трон» в Херсонской губ. // Киевская старина. – 1895. – Т. 2, № 2. – С. 55–59. Першы вядомы У. Ястррабаву спіс «Цара Максіміяна» датуецца 1864–1865 гг., ён зроблены студэнтам Кіеўскай духоўнай акадэміі ў Чэркаскім павеце Кіеўскай губерні.

⁴ У 2020 г. традыцыя шчадравання «Конікі» ў Давыд-Гарадку Столінскага раёна была ўнесена ў Спіс элементаў нематэрыяльнай культурнай спадчыны (НКС), уключаных у Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь.

адзінкамі якога выступаюць музычныя і сігнальныя інструменты (*ражок, труба/горн, барабан і інш.*). Таксама ў «Коніках» звяртае на сябе ўвагу велічальная песня гаспадару і нежанатаму хлопцу з разгорнутым баладным матывам «воін гаворыць са сваім канём»:

<...> Ой, коню ж мой, коню, ой, продам тебе королю, Сывяты ж вэчор!
 Ой, пане ж мой пане, не продавай мэнэ,
 Не продавай мэнэ, ой, спогадай для себе.
 Я ж цебе выносів, ох, да іх трох побоев,
 З першого ж побою, ох із турэцкого.
 З другога ж побою, ох, да із немецкого,
 З трэцьего побою, ох, да з польского.
 Чэрэз морэ скочів да й стрэмена не замочів <...> [12].

Перад намі з'ява, цалкам не характэрная для традыцыі шчадравання (гл. матэрыялы тома БНТ «Зімовыя песні»). У прыродзе велічальнай песні гаспадару закладзена ідэалізацыя яго вобраза як главы сям'і/роду, добрага працаўніка і інш., у велічальных песнях нежанатаму хлопцу, як вядома, дамінуюць у шырокім сэнсе ідэі шлюбовання. Адрес прыведзенай шчадроўкі – «гаспадару ці нежанатаму хлопчу» – не дыферэнцуе сацыяльны статус адрасатаў, а гэта для мэтаў велічання як магічна-абрадавай практикі авалязкова. У аснове захаванай у абрэдзе «Конікі» песні, відавочна, ляжыць адзін разгорнуты матыв распаўсядженага баладнага сюжету, іншыя матывы (*смерць казака/воіна на полі бою, казак/воін дае наказ каню перад смерцю*) тут цалкам рэдукаваны. Велічанне рэалізоўваецца апасродкована, праз «гераізацыю» вобраза каня як вернага спадарожніка воіна.

У памяці носьбітаў традыцыі пацвярджэння тэзіса, што культура салдацкага асяроддзя паўплывала на характар калядных абыходаў у Давыд-Градку і Семежава, вельмі мала, але яны ёсць. Жыхар Давыд-Гарадка М. Бразоўскі спасылаецца на ўспаміны свайго бацькі: «Традыцыя шчадраваць з Конікам пайшла з Першай сусветнай вайны, калі тут у 1916 годзе, за лініяй фронту, стаялі казакі, якія пайшли шчадраваць з канём, зрабіўшы яго як канструкцыю Конь-вершнік. Магчыма, такая канструкцыя з'явілася менавіта ў той час, а таксама ўвайшла ў традыцыю апранаць вершніка ў шынель» [12].

Семежаўскі абыход, паводле версіі настаўніка і краязнаўца М. Аляшкевіча, быў засвоены мясцовымі жыхарамі ў канцы XVIII ст., не раней за другі падзел Рэчы Паспалітай (1793), ад ніжэйшых чыноў царскай арміі ў складзе вайсковых фарміраванняў у Слуцкім павеце Мінскай губерні: «У Семежава стаяў атрад расійскай царскай арміі, салдаты і афіцэры якой у час Каляд хадзілі ў сваёй звычайнай вайсковай форме па вісковых хатах, віншавалі гаспадароў са святам, паказвалі невялікае прадстаўленне, танцавалі, спявалі, пасля прасілі дары. Затым, калі атрад пакінуў вёску, мясцовыя жыхары, у асноўным маладыя хлопцы, началі для калядных абыходаў апранацца ў карнавальныя касцюмы, што нагадвалі вайсковую форму, і гэтыя персанажы былі празваны ў народзе “царамі”» [3]. Тут дарэчы ўзгадаць асноўную песню семежаўскага абыходу – «Посею лебеду на берегу». Яна не з'яўляецца выпадковай, а маркіруе сацыяльную групу, якая прынесла яе ў лакальнную народную традыцыю.

У класічнай працы па рускай народнай песні М. Лапаціна і В. Пракуніна (1889) і ў пазнейшых крыніцах адзначаецца, што «Посею лебеду» была шырока вядомай у народзе салдацкай песні, распаўсядженай у расійскім войску падчас Руска-турэцкай вайны (1877–1878 гг.) і раней. Натуральная, у салдацкім рэпертуар лірычнае песня з цэнтральным вобразам вольнай казачкі ў чакані маладога казака была прынесена з сялянскай культуры. Аднак у войску яна істотна змянілася, набыўшы маршавы рытм і дапасаванасць да кроку, і ўвайшла ў салдацкі рэпертуар як *маршавая* песня. Менавіта маршавы характар яе выканання мы і назіраем у абрэдзе «Цары».

Трэба адзначыць, што ўпрыгожы культуру салдацкага асяроддзя на традыцыйныя жанры беларускага фальклору, на народную драму і характар бытавання калядных абыходаў у айчыннай наўцы практична не разгледжаны. Гэта паказвае змест адпаведных артыкулаў у акадэмічных выданнях «Народны тэатр» (БНТ, 1983), «Тэатральная Беларусь» (2003. Т. 2), «Беларускі фальклор» (2006. Т. 2), «Тэатральнае мастацтва» (Беларусы. 2012. Т. 13). Кароткі ўзгадкі пра «пашырэнне народнай драмы праз салдатаў» ёсць у працах М. Каладзінскага, Д. Стэльмах, А. Сташкевіч, Н. Піскун. Больш разгорнута пададзена пазіцыя А. Боганевай, Т. Кухаронак¹.

¹ Гл.: Экспертнае заключэнне на абрэд «Калядныя цары» А. Боганевай, Т. Кухаронак [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://livingheritage.by/nks/2041/?sphrase_id=62580. – Дата доступу: 10.01.2021.

Застаецца неасэнсаваным фактычны матэрыял, які даказвае, што ў XIX ст. народная драма была вельмі папулярнай у войску, на флоце, у рабочым, гарадскім асяроддзі, інтэнсіўна распаўсюджвалася на тэрыторыі ўсёй Расійскай імперыі і, відавочна, на беларускіх землях. Звесткі пра гэта сустракаюцца ў самых розных крыніцах – ад вядомых прац пачатку XX ст. [13, с. 8] да мемуараў удзельнікаў Крымскай вайны 1853–1856 гг.¹ і апісання падарожжа цэсарэвіча Мікалая на Усход у 1890–1891 гг., падчас якога матросы імператарскага фрэгата паказвалі аўгустейшай асобе народную п'есу «Цар Максімілян». У шэрагу даследаванняў выкарыстоўваецца паняцце «салдацкая тэатры» як санкцыянованая ўладай і распаўсюджаная ў войску Расійскай імперыі XIX ст. паратэтральная з'ява.

Рэпертуар салдацкіх тэатраў вызначаўся традыцыямі рускага народнага тэатра, прычым сярод ніжэйшых чыноў вялікую папулярнасць мелі менавіта народныя драмы. Уласна камедыя пра цара Максімільяна і яго непакорнага сына Адольфу была асноўным сюжэтам, да якога прымыкалі сцэнкі, устаўкі песеннага і літаратурнага зместу. Пад называмі «Маскарад», «Трон», «Лодка», «Разбойнікі» гэта сінтэтычнае дзея ставілася таксама на сцэнах народных дамоў².

У якасці падагульнення адзначым, што пэўная недаасэнсаванасць салдацкага наратыву ў беларускай фалькларыстыцы абумоўлена ўсталяванай трактоўкай беларусаў XIX ст. як грамадства традыцыйнага, аграрнага тыпу, а беларускай культуры – як сялянскай. Напрыклад, адносна падзялення семежаўскіх «Цароў» сёння *a priori* прынята выразна не артыкульянная *батлейкавая* версія, а салдацкая песня інтэрпрэтуецца пераважна ў кантэксце сямейна-бытавой лірыкі. Тут дамінуе своеасаблівы *locus communis* – тэма *рэ́крута* і *рэ́крутчыны* (аб'яўленне набору, сацыяльныя рэаліі і ахвяры набору, развітанне з роднымі, ламентацыі аб горкай долі рэкрута).

Сацыяльна-гістарычны кантэкст бытавання салдацкай песні ў фалькларыстычных працах акрэсліваецца схематычна, назіраецца тыражаванне адных і тых жа фактаў (Пётр I увёў рэкрукцкую павіннасць у 1699 г., на беларускіх землях яна пачала дзейнічаць пасля падзелаў Рэчы Паспалітай, рэкрутчына – цяжкая для чалавека і сялянскай абшчыны павіннасць, пажыццёвы тэрмін службы салдата і інш.). Яны не супярэчаць ісціне, аднак праліваюць святло толькі на раннегістарычны пласт адлюстроўваемай рэчаінасці. Пры спробе асэнсаваць семантыку больш позніх з'яў у фальклоры сутыкаемся з тэзісамі эпохі сацрэалізму, напрыклад, у энцыклапедыі «Беларускі фальклор» рэкрукція і салдацкая песня трактуюцца як «група сацыяльна-бытавых песьні, у якіх выказываецца пратест супраць жорсткіх ваенных законаў, здзекаў над бяспраўнымі рэкрутамі і салдатамі, несправядлівых парадкаў і адносін у царскай арміі».

Сапраўды, нават пасля адмены прыгоннага права ў 1861 г., увядзення статута аб воінскай павіннасці ў 1874 г. і істотнага скарачэння тэрміну воінскай службы (да сямі гадоў) у войсках заставаліся шматлікія прыгонныя перажыткі, бяспраўе салдат і каставасць афіцэрскага корпуса. Аднак мадэрнізацыйныя працэсы ў Расійскай імперыі другой паловы XIX ст., хаця і марудна, ахоплівалі ўсе сферы жыцця грамадства, у tym ліку і армію. Мянляліся характар вайсковой службы і адносіны да яе народа. Яна стала ўспрымана як «школа жыцця», месца назапашвання ўнікальнага сацыяльнага вопыту і нават магла служыць для селяніна сацыяльным ліфтам. Салдат засвойваў узоры гарадской, масавай і карпаратыўнай культуры, патэрны паводзінаў і сацыяльныя практыкі, якія паступова спараджала новая індустрыйальная эпоха. Трансляцыя іх у сялянскія побыт у некаторай ступені разбурала архаіку, але пры гэтым непазбежна адбываўся працэс узбагачэння традыцыйнага фальклору новымі сюжэтамі і мастацкімі формамі.

¹ Напрыклад, ва ўспамінах удзельніка абароны Севастополя П. Сцяпанава чытаем пра палкавое свята на дзень Пятра і Паўла ў 1855 г. Пасля афіцыйнай часткі ніжэйшыя чыны, сярод якіх палкавыя штукары, танцоры, паказвалі маскарад. У карткім апісанні відовішча пазнаюцца элементы народнай драмы «Цар Максімілян». Афіцэр указвае на сінтэтычныя характар і шчыра здзіўляеца такой вялікай папулярнасці: «Давалі бессэнсоўную п'есу, невядома калі і кім складзеную на такія выпадкі. Аднак усе, не выключаючы і Гарчакова, паміралі са смеху; салдацкія жарці і выхадкі развесялілі ўсіх; афіцэры і нават генералы пусціліся ў скокі, ролі дам выконвалі юнкера <...>». Заўважым, што адразу пасля апісання палкавога свята паведамляеца пра прыбыццё ў крэпасць Інкерман Полацкага і Віцебскага палкоў 7-й дывізіі ў складзе чатырох тысяч чалавек (Степанов П. И. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // Военный сборник. – СПб., 1905. – № 9. – С. 40–41).

² Народныя дамы – вядомыя ў Расійскай імперыі з 1880-х гг. добрачынныя ўстановы, ствараемыя органамі земскага і гарадскога самакіравання, таварыствамі цвярозасці, пісьменнасці, прыватнымі асобамі ў мэтах агульной адукацыі дарослых, пашырэння культуры.

Высновы. Зафіксаваны ў 1956 г. у Рэчыцкім раёне калядны абыход з маскаванымі персанажамі з'яўляецца рэліктам традыцыі шчадравання, якая яшчэ ў пачатку XX ст. існавала на ўкраінскім і беларускім Палесці і ў Цэнтральнай Беларусі. Найбольш поўна яе змест сёння рэпрэзентуе семежаўскі абрэд «Цары»¹, атрыбутыўны код якога ўласбіле «войсковы» касцюм персанажаў, вярбальна-актыянальны код вызначаюць гульнёва-драматызаваныя дзеі «войсковага абыходу», элементы народнай драмы «Цар Максіміян» і салдацкая песня. Засвяенне гэтай традыцыі на перыферыйным узроўні назіраецца ў заходнепалескім абыходзе «Конікі». Вывучэнне малавядомых фактаў беларускага фальклору, а таксама парапольна-гістарычны аналіз з улікам шырокага сацыяльна-культурнага контэксту даюць падставы для паглыбленні навуковага пошуку ў пытанні эвалюцыі народнай драмы. Яна акрэслілася ў другой палове XIX ст. пад уплывам культуры сацыяльна-прафесійнай групы войскоўцаў і выявілася ў адгалінаванні ад класічнай стацыянарнай формы народнага відовішча мадэрнізаваных форм рухомых паказаў.

Дадатак²

<Пазначэнне збіральніка: *Апісанні некаторых калядных свят*>

«Хлопцы ў Коляды ўстрایвалі такі маскарад. Сабяруцца чалавек трывцаць, зробяць такую адзежу, купяць эпалеты, салдацкую адзежу. Там у іх былі: цар, Адолька – сын цара, доктар, жыд, цыган. Ходзяць яны па хатах, іграюць, спяваюць, праздраўляюць гаспадароў. Ім давалі за гэта што што. Спяваюць, значыць, так:

– Ездзіў, хадзіў рускі цар, праваслаўны гусадар. Ён караў многа цароў, забраў многа гарадоў ад Масквы і да Парыжса і слáўны горад пераязджаў. Ці падчыняеца яшчэ ці не?

– Я не веру царом, я веру праваслаўным.

– Аніка-воін, прыведзі майго сына!

Сын выходзіць.

Ці верыш кумірскім багам?

Я веру Ісусу Хрысту!

– Прыдаць яму жызней канец і сказаць, што вялеў так ацец.

І тут гарадавыя шашкамі шах-шах, і ён ляжыць. Прыходзіць Жыд, здымает шаламок. Цар загадвае:

– Прыбраць ента, штоб ента не тлела, не смярдзела, штоб вораны не клевалі, сабакі не церзали.

Жыд нагінаеца і гаворыць:

– Сюды сун варыць, а сюды с...ць хадзіць.

– Што ты, пархаты, пляцеш мне?

– А я так лячу: скулы выразаю, балячки ўстаўляю. Ка мне прыходзяць на нагах, а ўязджаюць на санях.

Цыган з жыдам дзяржыцца, іх цягнуць. Маладзеҷ гуляла, плясала тады. Потым спявалі песню, калі вадзілі казу. Пачыналася яна так:

А дзе каза рогам, / Там жыста стогам. / А дзе каза наступіць, / Там жыста блішчыць, / А дзе каза нагой, / Там жыста капой. / Го-го, каза, го-го, шэрая, / Што дзелала? / Соль дарагая, / Ты расходзіся, развалачыся / Па сямутаму, па-хазяйскаму.

За песні хадзяін даваў хлопцам выпіць. За казу звычайна выбіралі якога-небудзь хлопца. Ка-жух вывернуць, надзенуць на рукі і ногі, прыставяць рожкі, зробяць маску – вось і каза готовая. Абычна ігралі адны хлопцы і цара, і цыгана, і казу. Якаў Атрошка заўсёды быў за жыдом, дык яго прызвалі жыдком, нават дзяцей яго і цяпер жыдкамі завуць. Вось як яно было» [14, л. 13–20].

Запісана 08.07.1956 г. І. К. Цішчанкам ад Ф. С. Сівухі, 79 год, непісьменнай, в. Ровенская Слабада Рэчыцкага раёна Гомельскай вобласці.

¹ У аўтэнтычным выглядзе абрэд «Цары» праіснаваў да канца 1960-х гг., у той час як рэчыцкі, які запісваў І. К. Цішчанка, у сярэдзіне 1950-х гг. ужо ўзгадваўся як мінуўшчына. Гл.: Басъко В. І., Валодзіна Т. В. Калядныя абыходы // Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : Цэнтральная Беларусь. – Т. 5, кн. 1. – Мінск : Выш. шк., 2010. – С. 65–67.

² Мова наратыва захавана, выпраўлены асобныя знакі прыпынку, атрыбуцыя падаецца паводле архіўных дакументаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Виноградова, Л. Н. Колядование / Л. Н. Виноградова // Славянские древности : этнолингвист. слов. : в 5 т. / РАН, Ин-т славяноведения и балканстики. – М., 1999. – Т. 2. – С. 570–576.
2. Романов, Е. Белорусский сборник : [в 9 вып.] / Е. Романов. – Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1912. – Вып. 8 : Быт белоруса. – 600 с.
3. Калядны абраад «Цары» [Электронны рэсурс] // Жывая спадчына Беларусі: інвентар нематэрыйяльной культурнай спадчыны. – Рэжым доступу: http://livingheritage.by/nks/2041/?phrase_id=62580. – Дата доступу: 14.02.2021.
4. И. Б. «Царь-Максимилиян» в Ковеле / И. Б. // Киев. старина. – 1887. – Т. 19, № 12. – С. 798–799.
5. Каллаш, В. В. К истории народного театра. Царь Максимилиан: (критические замечания и тексты) / В. В. Каллаш. – М. : А. А. Левенсон, 1899. – 22 с.
6. Волков, Р. М. Народная драма «Царь Максимилиян»: опыт разыскания о составе и источниках / Р. М. Волков. – Варшава : Тип. Варшав. учеб. округа, 1912. – 77 с.
7. Еремин, И. П. Драма-игра «Царь Ирод» / И. П. Еремин // Труды Отдела древнерусской литературы / Акад. наук СССР, Ин-т лит. – М. ; Л., 1940. – Т. 4. – С. 223–240.
8. Стэльмах, Д. У. Узінкненне і развіццё народнай драмы на Беларусі / Д. У. Стэльмах // Вес. Акад. навук БССР. Сер. грамад. навук. – 1982. – № 6. – С. 92–98.
9. Яцимирский, Б. Ц. «Маланка» как вид святочного обрядового ряжения / Б. Ц. Яцимирский // Этногр. обозрение. – 1914. – № 1–2. – С. 6–77.
10. Белова, О. В. Солдат / О. В. Белова // Славянские древности : этнолингвист. слов. : в 5 т. / РАН, Ин-т славяноведения и балканстики, – М., 2014. – Т. 5. – С. 99–101.
11. Кухаронак, Т. І. Maski ў каляндарнай абрааднасці беларусаў / Т. І. Кухаронак. – Мінск : Ураджай, 2001. – 237 с.
12. Традыцый шчадравання «Конікі» [Электронны рэсурс] // Жывая спадчына Беларусі: інвентар нематэрыйяльной культурнай спадчыны. – Рэжым доступу: http://livingheritage.by/nks/7748/?phrase_id=62581. – Дата доступу: 15.02.2021.
13. Виноградов, Н. Н. Народная драма «Царь Максимилиян» / Н. Н. Виноградов // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – СПб., 1914. – Т. 90, № 7. – С. 97–166.
14. Фонд ІМЭФ. – Ф. 8. Воп. 1. Спр. 39. Сш. 1. Л. 13–20.

References

1. Vinogradova L. N. Caroling. *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary]. Moscow, 1999, vol. 2, pp. 570–576 (in Russian).
2. Romanov E. R. *Belarusian collection. Vol. 8. Life of a Belarusian*. Vil'na, Typografiya A. G. Syrkina Publ., 1912. 600 p. (in Belarusian).
3. Christmas rite “Cary”. *Living Heritage of Belarus: Inventory of the Intangible Cultural Heritage*. Available at: http://livingheritage.by/nks/2041/?phrase_id=62580 (accessed 14.12.2019) (in Belarusian).
4. I. B. “Tsar Maximilian” in Kovel. *Kievskaya starina* [Kiev antiquity], 1887, vol. 19, no. 12, pp. 798–799 (in Russian).
5. Kallah V. V. *On the history of the folk theater. Tsar Maximilian: criticisms and texts*. Moscow, A. A. Levenson Publ., 1899. 22 p. (in Russian).
6. Volkov R. M. *Folk drama “Tsar Maximilian” study of its content and sources*. Warsaw, Warsaw Academic District Printing House, 1912. 77 p. (in Russian).
7. Eremin I. P. Drama-game “Tsar Herod”. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, 1940, vol. 4, pp. 223–240 (in Russian).
8. Stel'makh D. U. The emergence and development of folk drama in Belarus. *Vestsi Akademii navuk BSSR. Seryyya gramadskikh navuk* [Proceedings of the Academy of Sciences of the BSSR. Social Science Series], 1982, no. 6, pp. 92–98 (in Belarusian).
9. Yatsimirskii B. Ts. “Malanka” as a kind of Christmas ritual dressing. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1914, no. 1–2, pp. 6–77 (in Russian).
10. Belova O. V. Soldier. *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary]. Moscow, 2014, vol. 5 pp. 99–101 (in Russian).
11. Kukharonak T. I. *Masks in the calendar ritual of Belarusians*. Minsk, Uradzhai Publ., 2001. 237 p. (in Belarusian).
12. Christmas caroling “Koniki”. *Living Heritage of Belarus: Inventory of the Intangible Cultural Heritage*. Available at: http://livingheritage.by/nks/7748/?phrase_id=62581 (accessed 15.02.2021) (in Belarusian).
13. Vinogradov N. N. Folk drama “Tsar Maximilian”. *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk* [Collection by Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1914, vol. 90, no. 7, pp. 97–166 (in Russian).
14. *Archive of the Institute of Art History, Ethnography and Folklore of the NAS of Belarus*. Fund 8, inventory 1, case 39, notebook 29, sheet 50 (in Belarusian).

Інформация аб авторе

Гулак Анастасія Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент. Белорусский государственный университет культуры и искусств (ул. Рабкоровская, 17, 220007, Минск, Республика Беларусь). E-mail: rodolfina.hulak@tut.by

Information about the author

Nastassia A. Hulak – Ph. D. (Philol.), Associate Professor. Belarusian State University of Culture and Arts (17 Rabkorovskaya Str., Minsk 220007, Belarus). E-mail: rodolfina.hulak@tut.by

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК [94:392.72 + 929.7](476)«18»

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-88-96>

Паступіў у рэдакцыю 29.06.2021

Received 29.06.2021

С. А. Шыдлоўскі

*Цэнтр даследавання беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальной акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь*

ТРАДЫЦІІ ГАСЦІННАСЦІ ПАМЕСНАГА ДВАРАНСТВА БЕЛАРУСІ (канец XVIII – пачатак XX ст.)

Аннотация. Исследуются традиции гостеприимства поместной знати Беларуси в конце XVIII – начале XX века. Определяются рациональные причины функционирования этих традиций и формирования в общественном мнении привилегированного сословия Беларуси представления о гостеприимстве как безусловной ценности. Даётся описание основных элементов традиции гостеприимства, приводятся основные правила и нормы. Показаны механизмы их функционирования применительно к разным социальным группам. Анализируется структура ритуала приема гостей.

Особое внимание уделяется феномену застольного этикета. Отмечается важность традиции гостеприимства и, в частности, ритуала застолья в репрезентации социального статуса привилегированного сословия и выявлении внутригрупповой дифференциации. Указывается на возможность использования традиций гостеприимства как инструмента общественно-политической мобилизации представителей привилегированного сословия и способа поддержания высокой классовой солидарности.

Ключевые слова: поместное дворянство, традиции гостеприимства, застольный этикет, обычаи дарения, институт резидентов

Для цитирования: Шыдлоўскі, С. А. Традыцыі гасціннасці памеснага дваранства Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / С. А. Шыдлоўскі // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 1. – С. 88–96.
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-88-96>

Siarhei A. Shydlouski

*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus*

HOSPITALITY CUSTOMS OF THE LANDED NOBILITY OF BELARUS OF LATE XVIII – EARLY XX CENTURIES

Abstract. The article analyzes the hospitality customs of the landed nobility of Belarus in the late XVIII – early XX centuries. The rational reasons for the perception of this tradition in the public opinion of the privileged class of Belarus of the considered period as an unconditional value are determined. A description of the main elements of the gift-giving customs; the basic rules and norms are given. The mechanisms of its functioning in relation to different social groups are shown. The structure of the guest reception ritual is analyzed.

Much attention is paid to the phenomenon of table manners in the article. The importance of the hospitality customs and, in particular, the festive ritual in the presentation of the social status of representatives of the privileged class and the identification of intragroup differentiation is noted. It is noted that at the same time it was a tool for the socio-political mobilization of the privileged class and a way to preserve class solidarity.

Keywords: landed nobility, hospitality customs, table manners, gift-giving customs, the institution of “residents”

For citation: Shydlouski S. A. Hospitality customs of the landed nobility of Belarus of late XVIII – early XX centuries. *Vestsi Natsyyanl'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 1, pp. 88–96 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-88-96>

Уводзіны. Традыцыі гасціннасці змяшчаюць нормы паводзін як у дачыненні да госця, так і прадстаўнікоў прымаючага боку. Гасціннасць служыць гарманізацыі сацыяльных адносін, што заўжды актуальна. У сучаснай індустрый турызму і сэрвісу гістарычныя формы гасціннасці выкарыстоўваюцца пры фарміраванні ўнікальных брэндаў. За апошнія гады ў айчыннай этнаграфічнай навуцы разглядаліся асобныя аспекты дадзенай праблемы. Напрыклад, публікацыі Т. А. Навагродскага і І. С. Трафімавай былі прысвечаны застольнаму этикету ў традыцыйнай культуры беларусаў [1–3]. Аднак як цэласная з'ява феномен гасціннасці вывучаны недастаткова.

Асноўная частка. Мэта дадзенага артыкула – вывучыць традыцыі гасціннасці, якія былі ўласцівы дваранству Беларусі ў канцы XVIII – пачатку XX ст. Сярод прадстаўнікоў памеснага дваранства гасціннасць прызнавалася традыцыйнай каштоўнасцю і ўспрымалася як адзнака арыстакратычнага ладу жыцця [4, с. 208]. Сімвалам гасціннасці з'яўляліся брамы маёнткаў, якія ў мірныя часы заўжды заставаліся адчыненымі. Паводле ўспамінаў ураджэнца Навагрудчыны Я. Булгака, «польскія маёнткі» аднаго павета знаходзіліся ў «пастаянным кантакце і цеснай сувязі» [5, с. 24]. «Сармат старой даты» мусіў быць набожным, шчырым, гаваркім і гасцінным [6, с. 1]. Публіцыст І. Ляхніцкі адзначаў, што шляхце ўласціва «любоў да краю і нацыянальнасці», а таксама славянская гасціннасць [7, с. 79].

Рацыянальнымі падставамі гасціннасці часта з'яўляліся матрыманіальныя разлікі або палітычныя меркаванні з улікам, напрыклад, будучых выбараў ва ўстановы дваранскаага самакіравання. Гасціннасць падкрэслівала статус памешчыцкага дома. Узровень прыняцця госця быў маркерам сацыяльнага становішча гаспадароў, наяўнасці ў іх дастатку і парадку, спраўнасці слуг. Недахоп рэурсаў мог кампенсавацца сардэчнасцю. Калі не хапала месца, то гасцей клалі на падлогу, падсцілалі салому, што не лічылася заганай. Жанчыны ў такім выпадку клаліся асобна ад мужчын або сем'і аддзяляліся шырмамі [4, с. 208; 8, с. 16].

Заможныя дваранскія сем'і, якія звычайна пераязджалі зімой у буйныя гарады, трymалі «адкрытыя дамы», дзе ладзіліся званыя абеды і балі. Распаўсюджанне на працягу XIX ст. традыцыі спажывання чаю ў шляхецкім асяроддзі выклікала моду на вечарыны за самаварам. Лета дваранскія памешчыцкія сем'і праводзілі ва ўзаемных суседскіх візітах. У нядзелю ў госці накіроўваліся ранкам, у астатнія дні – звычайна пасля паўдня. Ухіленне ад таварыскіх сустэреч асуджалася. Калі з'яўляліся госці, гаспадары пакідалі штодзённыя заняткі і прысвячалі ім уесь свой час. Падставай для збору не толькі свяякоў, але і суседзяў з'яўляліся святы і сямейныя ўрачыстасці. Найчасцей гэта былі імяніны, хрышчэнне, заручыны, вяселле. Госці таксама масава запрашаліся на пахаванне, наваселле, масленіцу, паліванне, у выпадку атрымання гаспадаром пасады. Аднак для наведвання блізкіх суседзяў не патрабавалася істотнай нагоды [4, с. 208; 9, с. 92–93].

У каталіцкіх школах 1 мая ладзіліся аднадзённыя вакацыі. Вучні, пастаўленыя ў шыхты, выходзілі за горад у маёнтак пана, з якім загадзя было дамоўлена, на частаванне. Там моладзь гуляла з мячыкам, у іншыя рухомыя гульні. Вечарам школьнікі вярталася дамоў. На маёўкі ў вёску запрашаліся таксама сем'і чыноўнікаў, якія не мелі замельнай уласнасці. Для гасцей дрэвы аздабляліся цукеркамі і разнастайнай выпечкай. Існаваў таксама звычай, калі небагатыя школьнікі на Новы год перад абедам або ўвечары прыходзілі да бліжэйшых памешчыкаў і паказвалі ім розныя пацешныя сцэнкі, спявалі, чыталі вершы, за што іх частавалі, давалі падарункі [10, с. 267; 11, с. 186].

Формай рэалізацыі традыцый гасціннасці з'яўляўся інстытут рэзідэнтаў, які існаваў на мясцовым памешчыцкім двары. Статус «рэзідэнта», яго права і аваязкі залежалі ад наяўнасці сталых кантактаў з панам. Большая частка рэзідэнтаў падпарадкоўвалася маршалку двара ці аканому, ад якога атрымлівала загады і несла перад ім адказнасць. Рэзідэнты падзяляліся на мужчынскую і жаночную паловы. Побыт у маёнтку рэзідэнтак кантраліраваўся ахмістрыніяй. Рэзідэнты і рэзідэнткі, як правіла, не мелі сталай работы ў маёнтку. Сярод рэзідэнтаў існавала выразная іерархія. Рэспектабельныя рэзідэнты атрымлівалі ад пана толькі фураж для коней і стол для аднаго-двух слуг. Яны павінны былі прысутнічаць у пакоях пана ў параднай вопратцы і суправаджаць яго ў выездах. Незаможныя рэзідэнты жылі на дабрачынным хлебе пана і выконвалі разнастайнія асабістыя паслугі. Падчас банкетаў рэзідэнты, як рэспектабельныя, так і звычайнія, маглі танцаваць нараўне з памешчыкамі. Хлопцы і пакаёвыя гэтай магчымасці не мелі [8, с. 203, 206, 210, 221].

У практицы існавання інстытута рэзідэнтаў рэалізаваліся не толькі традыцыйныя гасціннасці, але і патрыярхальныя адносін: у дачыненні да нахлебнікаў двара пан выступаў у ролі айца-заступніка. Самі рэзідэнты падчас свайго пражывання ў маёнтку ўключаліся ў сям'ю памешчыка, якая будавалася на больш широкіх падставах, чым толькі прамыя крэўныя сувязі. Пашырэнне кола дадзенай супольнасці павышала яе прэстыж і сілу, у тым ліку парамілітарную. Пажаданымі гасцямі ў дваранскіх маёнтках былі пісьменнікі, мастакі, музыкі, вучоныя, якія жылі ў гасцін-

ным маёнтку месяцамі. Лічылася, што якасць падбору гасцей і дваран маёнтка адлюстроўвала маштаб асобы пана: чым больш здольных людзей збиралася пры двары, тым больш мудрым выглядаў сам пан [4, s. 65].

Сярод мясцовых дваран, калі яны знаходзіліся ў дарозе, існаваў звычай спыняцца не ў карчме ці заезным двары, а ў доме бліжэйшага пана ці пробашча, нават незнамых. Калі сям'я памешчыка садзілася за стол, заўжды пакідалася некалькі свабодных месцаў для падобных візіцёраў, якіх называлі «панамі Загорскімі» [8, s. 78]. Прыезд нечаканага госця лічыўся ласкай для гаспадара. Госць заўжды мог разлічваць на смажанага кураняці ці на страву, якую спецыяльна пакідалі для падобных мэт пасля абеду. У традыцыйным памешчыцкім доме звычайна мейся гасціавы пакой, у якім знаходзіўся пакрыты абрусам стол. На апошнім стаяла пляшка з алкагольным напоем і кубак ці чарка, побач пад ільняной сурвэткай ляжалі хлеб і соль. Патрэбам гасцінасці служыла таксама «прыемная аптэчка», якая акрамя лекаў уключала горкія і салодкія настойкі, наліўкі, лікёры, сокі, канфіцюры, варэнне, павідла, сыркі, пернікі, макоўнікі, сухофрукты, марынады і прыправы. Аптэчка магла займаць шафу ці нават невялікі пакой [12, s. 234; 4, s. 208; 13, s. 11; 8, s. 25; 14, s. 74–75].

Гасцінасць часам мела прымусовы характар: некаторыя паны лічылі для сябе абразай, калі госць хутка з’яджаў (праз адзін-два дні), і маглі затрымліваць яго сілай. Меліся спецыяльныя слугі, якія заварочвалі на развілцы выпадковых праезджых для гасцівання ў маёнтку. Госця не толькі прасілі, але і прымушалі пачаставацца, пераконваючы яго, напрыклад, што гатавала сама пані або яе дочки. Лічылася, што за банкетным сталом, калі госць хоча пайсці дамоў, гаспадар мусіць яго затрымаць. Аднак калі госць у другі раз збіраўся пакінуць дом, то яму можна было даць волю. У гэтым выпадку затрымліваць яго магла толькі гаспадыня дому. У трэці раз госця трэба было адпусciць без спрэчак або адасобіцца з ім гаспадару ў іншай залі. У выпадку калі госць перапіў, лічылася, што яго не трэба затрымліваць [12, s. 113; 7, s. 78].

Злоўжываннем хлебасольнасцю лічылася, калі нязваны госць або дужа часта наведваўся, або надта доўга гасціў (больш трох дзён), або прыводзіў з сабой шмат слуг ці сяброў. Па прапанове гаспадара скончыць банкет госці не павінны былі яму пярэчыць [12, s. 113; 8, s. 242]. У сваю чаргу гаспадары мусілі выконваць пэўныя правілы, парушэнне якіх выклікала асуджэнне з боку запрошаных: «прыемнае застолле» падразумівалася ахайнасць сервіроўкі, увішае прыслужванне, роўныя адносіны да ўсіх гасцей з боку гаспадароў, дасціпную размову [15, s. 85]. На прэстыж добрай гаспадыні магло паўплываць, напрыклад, наяўнасць ці адсутнасць у доме пытляванага хлеба, вырабленага з дробна памолатай і добра прасеянай муکі [14, s. 48]. Найболыш распаўсюджанымі прычынамі для крыўд гасцей было наступнае: не атрыманне лепшых месцаў за сталом і страў; адсутнасць тостаў у гонар пэўнага госця; адлучэнне гаспадыні ці гаспадара з-за стала; адмаўленне гаспадара піць столькі, як і госці. Хоць этыкет вымагаў не паказваць абурэння, часам перажытыя засталом непрыемныя сітуацыі рабіліся падставай для сварак і шматгадовай варожасці [12, s. 113]. Амбівалентныя характар застолля ілюструюць прыказкі, прыведзеныя З. Глогерам: «Сямёра – бяседа, дзявяцьера – звада», «рэдкая бяседа без блазна», «багатаму – пакута, беднаму – бяседа» [12, s. 172].

Традыцыйны прыём госця мае рытуалізаваны характар і выразную структуру, што ўключае шэраг пэўных сітуацый (напрыклад, сустрэча госця, застолле, праводзіны), якія маюць прыкмету абрацавых дзеянняў [16, s. 12]. Праграму некалькідзённага гасцівання складалі банкеты, танцы, салонныя гульні, спевы, тэатральныя імпрэзы, размовы, партыі ў карты, дэманстрацыя гаспадаркі, шпацыраванні. Важней часткай гасцівога рытуалу з’яўляўся аблен падарункамі. Паводле «сармацкай традыцыі» падарыць маглі ўсё, што пахваліць госць. Адмова ад падарунка ці пачастунку азначала абразу [17, s. 18].

Гасціавы рытуал у культуры прывілеяванага саслоўя Беларусі прадугледжваў сустрэчу гостя на парозе. Калі пра візіт было вядома загадзя, гаспадар мог выехаць на сустрач да мяжы сваіх уладанняў – гук бразготкі на конскай вупражы, чутны здалёк, з’яўляўся сігналам да падрыхтоўкі сустрэчы. Прыйём адбываўся ў гасцёўні. Існаваў звычай, калі госць пры вітанні цілаваў руку гаспадара дому. Пасля запрашэння госць распярэзваваўся і здымалі зброю. Адбываўся

абмен кампліментамі. Пасля надыходзіў час для лёгкага пачастунку – пакуль гатаваўся абед, гасцям магла быць прапанавана гарэлка з халоднай закускай. За здароўе пілі з аднаго келіха. Частаванне суправаджалася пацалункамі і тостамі. Жанчын у асобным пакоі забаўляла пані [8, s. 255–256; 14, s. 118; 9, c. 79]. Э. Масальскі крытычна адносіўся да дадзенай традыцыі і лічыў, што «больш прыстойным» было б забаўляць госця перад абедам не дэгустацый алкаголю з закускамі, а чытаннем уголас літаратурных твораў, што давала б тэму для размоў за абедзеным столом [15, s. 23–24].

Гутарка з'яўлялася істотнай часткай рытуалу гасцівання. Яна вызначалася эмацыянальнасцю і разнастайнасцю тэматыкі: абмяркоўваліся сямейныя навіны, палітыка, пытанні вясковай гаспадаркі, цэны, мода, анекдатычныя і гістарычныя выпадкі, паляйунічныя прыгоды [9, c. 79].

Пасля ўступнай часткі сустрэчы гасцям прапаноўвалася садзіца за стол. Сістэма размяшчэння сатрапезнікаў за столом – важны элемент застольнага этикету. Неадпаведнае чаканнім госця месца за столом з'яўлялася адной з найболыш распаўсюджаных прычын для сварак. Павышаная ўвага шляхты да гэтага этикетнага аспекту тлумачыцца агульнай адчувальнасцю прадстаўнікоў прывілеяванага саслоўя да маркераў статусу. Адной з асаблівасцей арыстакратычнага этасу з'яўляўся акцэнт на індывідуальны поспех, адстойванне асабістага і родавага гонару. Адсюль заахвочванне канкурэнцыі ў міжасобасных адносінах. Полем падобнага змагання магла з'яўляцца як палітыка, так і бытавыя адносіны, дзе вызначаліся лепшыя ў веданні правіл ветлівасці, у гасціннасці і шцодрасці, на паляванні, у бойках або ўмагчымасці выпіць і з'есць больш за суседа [9, c. 81]. Структура саслоўя мела складаную іерархічную сістэму, крытэрыймі стратыфікацыі з'яўляліся заможнасць, радавітасць, сувязі, пасада, узрост. Зрабіць відавочнай сацыяльную іерархію была закліканы, паміж іншым, практика гасцівога рытуалу, што вызначаў парадак вітання, прадстаўлення, шэсця і ўтым ліку месца, якое займаў госць за столом, або такую дробязь, як від металу кальца канавязі, да якога прывязваўся конь госця пансага двара. Так, у панскіх старасвецкіх дварах можна было ўбачыць жалезны слуп з трымя кольцамі: ніжняе – жалезнае – прызначалася для навязвання коней сялян і дворскіх, сярэдняе – бронзавае – для дробных землеўладальнікаў, верхнє – пасярэбранае – для паноў [8, s. 11, 185].

За абедзеным столом гасцей рассаджвалі паводле іх сацыяльнага статусу (фармальна і не-фармальна) – пачэсныя асобы сядзелі бліжэй да гаспадароў. Чалавека, які нечым быў выдатны, маглі пасадзіць бліжэй, нават калі ён не займаў высокага становішча ў грамадстве. Для найбольш шанаваных гасцей былі паставлены крэслы з падлакотнікамі, астатнія садзіліся на лавы. Высокім гасцям падаваўся срэбны посуд, астатнім – алавяны. Перамены страй маглі рабіць толькі для шаноўных гасцей, астатнія даядалі, што заставалася. Далей ад гаспадароў – на «шэрым канцы» – знаходзіліся найменш ганаровыя асобы. Іх горш абслугоўвалі, часам ігнаравалі пры частаванні далікатэсамі. У вялікіх магнацкіх дварах асбона накрывалі стол, за які маглі запрашаць найболыш паважаных дворскіх адміністратораў шляхецкага паходжання. Былі таксама маршалкоўскі, кухмістроўскі, а таксама стол для пакаёвых і хлопцаў. Каб пазбегнуць прычын для крыўды, у стальных пакоях прастакутныя сталы пачалі паступова замяніцца круглымі. За такім столом самыя пачэсныя месцы былі каля гаспадара за доўгімі сталамі – або пасярод, або ў тарцы, дзе сядзелі ўладальнікі маёнтка. Спосабам пазбегнуць канфлікту быў таксама такі парадак за столом, калі абодва краі стала ўзначальваліся гаспадарамі дому: на адным – панам, на другім – паніят. Такім чынам, ліквідаваўся «шэры канец» і сістэма дыскрымінацыі гасцей паводле іх месца за столом [8, s. 71, 221; 14, s. 169; 15, s. 23].

Частолле працягвалася чатыры-пяць гадзін, пасля чаго многія засыналі на месцы. Частаванне алкагольнымі напоямі з'яўлялася абавязковым элементам рытуалу гасціннасці. Адмова ад алкаголю пры частаванні магла разглядацца як абра扎а. Лічылася, што прыхільніка цвярозасці вызначае скрытнасць, крывадушнасць і нетаварыскасць. Гарэлцы надавалася пазітыўнае значэнне і прыпісваліся лекавыя ўласцівасці. Паводле выразу Я. Баршчэўскага, гарэлка «ў гарачае лета халодзіць, а ў зімовыя маразы – грэе» [18, c. 148]. Найболыш выдатныя п'яніцы набывалі знакамітасць, некаторыя з іх за сваю здольнасць атрымлівалі месца пры дварах вялікіх паноў. Напіваліся, здаралася, таксама слугі і музыканты. Цвярозымі павінны былі заставацца буфетчыкі, якія пільнавалі срэбны посуд. Часам гаспадар піў замест віна зафарбаваную воду. Жанчыны або толькі

дакраналіся вуснамі да келіхай, або часткова адпівалі, а астатняе вылівалі. Гаспадар піў за здароўе гасцей пайменна, а кожны названы – за здароўе гаспадара і ўсіх за сталом. Урэшце госці ўставалі і пілі сусед за суседа. Пасля другой змены стравы гаспадар піў за найболыш паважанага госця, перадаваў яму кубак, і гэты кубак пускаўся вакол стала. Пілі таксама за пані і паненак, духавенства, вайсковых, палестру, памешчыкаў, за ўсю кампанію, за добрых прыяцелей. Кожны мусіў падняць тост за здароўе яе мосці і дзетак. Шанаваліся людзі з літаратурнымі і аратарскімі здольнасцямі, здатныя творча падысці да складання тосту. Некаторыя госці замаўлялі свае прамовы літаратарам. Высока цанілася ўменне выказвашца засталом на лаціне [8, s. 115–119; 14, s. 118].

Падчас бяседы праводзіліся жартуюныя конкурсы. Напрыклад, існавала спецыяльная шклянка з трывма дзяленнямі і адтулінамі наверсе: ад першай да другой рыскі яе прапаноўвалася выпіць адным глытком. Хто не дапіваў, таму налівалі ізноў, хто выпіваў больш, мусіў піць да канца шклянку. Разыгryваліся і тэатралізаваныя сцэнкі, калі трэба было, напрыклад, выпіваць шклянку ў трыв глыткі, пасля першага выпіці адзін вус, потым – другі, пасля трэцяга праводзілі далонню ад ілба да барады, потым стукалі пальцам зверху сталыніцы, потым знізу, топалі нагой і казалі: «Піва!». Распаўсядженай з'явай былі сумесныя спевы засталом. Асобныя песні вымагалі рэжысуры. У канцы банкету прыходзіў час «вівату». «Віватавыя» спеўкі называлі таксама «курантамі». Падчас «курантаў» усе госці ўставалі з келіхам у руцэ і співалі ў гонар тастуемага. Завяршалася застолле «сандамірскім» тостам: «Кахаемся!». Калі госці раз'язджаліся, паднімалі яшчэ «страмянны» тост на ганку або каля брамы. У некаторых выпадках гаспадары маглі суправаджаць гасцей да канца сваіх уладанняў [10, s. 120; 19, s. 367; 8, s. 119, 122–123; 20, s. 11].

Мясцовая памеснае дваранства выдаткоўвала на арганізацыю таварыскіх сустэреч значную частку ўласных даходаў. Шляхецкая гасціннасць вызначалася сваімі маштабамі нават на фоне звычаяў славянскіх народаў. Калі госць быў запрошаны, то меў права прывесці з сабой некалькіх сваіх родных ці сяброў. Утриманне службы і коней гасцей паводле «сармацкай традыцыі» клалася на прымаючы бок, што азначала наяўнасць дадатковай стайні. К. Контрым прыводзіў выпадак, калі гаспадар маёнтка, яму дагэтуль невядомы, пасля дня гасцівання ў яго даў на пэўную частку маршруту ўласных коней [20, s. 11]. Маёнтак, як правіла, меў запасы, якія ў некалькі разоў пераўзыходзілі гадавое спажыванне сям'і памешчыка. Аднак падчас, напрыклад, масленічных куліг запасы прымаючага гасцей маёнтка маглі цалкам знішчацца [21, c. 234; 8, s. 78; 4, s. 208; 22, s. 84].

Падобная шчодрасць распаўсяджалася пераважна толькі на асоб аднаго сацыяльнага кола і не датычылася шырокіх народных мас. Па свайму паходжанню і ладу жыцця каталіцкае святарства ўваходзіла ў роднаснае памешчыкам сацыяльнае асяроддзе. Паслугі гасціннасці ў дачыненні дзвюх дадзеных груп былі ўзаемныя. Памешчыкі ў вандроўках часта спыняліся ў дамах пробашчаў і самі ахвотна практиковалі дабрачыннасць на патрэбы касцёла і ў імя Божае. Прыйеждзячым парадіяльным касцёле пражывалі каля дваццаці бяздомных, якія ўтрымліваліся на мілосціну парафіян. Існаваў звычай хадзіць па дварах «касцёльных дзядоў», арганістаў, пеўчых, якія прасілі гроши, гародніну, кілбасы, співаючы набожныя спевы [19, s. 156]. Сям'я памерлага давала падарункі манаҳам і ўбогім. У задушны дзень на цвінтary раздаваўся жабракам хлеб, каб яны маліліся за душы памерлых [12, s. 302]. Многія каталіцкія ордэны выкарыстоўвалі для збору ахвяраванняў так званых квестараў – камунікацыйных манаҳаў ці свецкіх з багатым жыщёвым вопытам, якія на брычках, запрэжаных двума-трыма коњымі, аб'язджалі памешчыцкія двары і збіralі складкі. Не грэбавалі квестары прадуктамі і збожжам. Асабліва шырокая была паставлена гэтая справа ў бернардзінцаў. Сярод іх сустракаліся сапраўдныя «зоркі», якія карысталіся вядомасцю як выдатныя апавядальнікі. Нярэдка квестарамі рабіліся дваране, якія па нейкіх прычынах страцілі сваю маёmacь, падтрымку блізкіх і знайшлі прытулак пры манастыры. Яны не прымалі манаскага пострыгу, але працавалі на манастырскіх гаспадарках [10, s. 128, 132].

Адносна сялянства прадстаўнікі памеснага дваранства праяўлялі прагматычны падыход. Напрыклад, Э. Масальскі сцвярджаў, што для селяніна больш карысна, калі пан дае яму пазыку, а не дарыць, бо «гэта будзе стымуляваць яго да лепшай працы і не будзе прыніжаць яго чалавечай годнасці»; «бясплатна дапамагаць трэба толькі тым, хто не можа адпрацаваць» [15, s. 162]. Аднак у пэўныя ўрачыстасці і святы сяляне маглі разлічваць на некаторую дапамогу з боку пана. Так,

маладыя дзяўчата-сялянкі перад сваім вяселлем абыходзілі вёску з сяброўкамі, просьячы благаславення, і атрымлівалі падарункі. На панскім двары яны маглі атрымаць «чвэрць пшаніцы на пірагі», калі былі працаўітыя і цнатлівыя – большую меру зерня і стужкі для шлюбнага вянца. На хрышчэні падарункі атрымлівалі маці і дзеце, якіх хрысцілі. Лічылася, што ў старажытнасці ў дамах небагатай шляхты чэлядзь магла дапускацца да стала падчас мясапусту, суботак і дажынак [12, с. 287, 307].

Высокія выдаткі на падтрыманне традыцый гасціннасці не выклікалі шырокай крытыкі. Гасціннасць з'яўлялася адкрытай і гіпербалізаванай дэманстрацыйай асабістага багацця, а таксама пышнасці роду. Памешчык дамагаўся, каб яму зайдзросцілі і здзіўляліся яго магчымасцям. Відавочна, што ў дадзеным выпадку існаваў грамадскі кансансус, і матэрыяльныя выдаткі кампенсаваліся набыццём нечага значна больш істотнага для прадстаўнікоў дадзенага асяроддзя. Гэты нематэрыяльны, але каштоўны рэсурс сацыёлаг П. Бурдзьё называў «сімвалічным капіталам» [23, с. 234]. Ім магла пацвярджацца прыналежнасць да прэстыжнай сацыяльнай групы і высокіх статусных пазіцый унутры яе [24, с. 365].

Публіцыстамі XIX ст. адзначалася паступовая дэградацыя традыцый гасціннасці. У некаторых памешчыцкіх дварах брамы на ноч зачыняліся і на двор спускаліся сабакі. Выказвалася меркаванне, што колішняя шляхецкая гасціннасць усё больш саступала месца фармальнай ветлівасці [25, с. 97]. К. Тышкевіч з абурэннем прыводзіць як выключны выпадак гісторыю, калі адзін памешчык пачаў дазванацца, чаму К. Тышкевіч без дазволу капае курганы і гасцюе ў яго вёсцы [26, с. 223]. Паводле слоў Ю. Крашэўскага, усё часцей, калі памешчыкі і прымалі незнаёмага на начлег, то коней абавязкова адпраўлялі да карчмы за кошт госця [27, с. 122]. Распаўсюджваўся «нямецкі звычай», у адпаведнасці з якім коней і слуг нават запрошанага госця адпраўлялі ў бліжэйшую карчму, аднак гэта магло выклікаць асуджэнне [14, с. 74–75].

Высокое значэнне гасціннасці было характэрна і для сялянскай культуры. У гэтым сэнсе гасціннасць можна адзначыць як агульную ўласцівасць беларускага соцыуму ў разглядаемы перыяд. Паводле высноў Ф. Тёніса, грамадства мае некалькі «агрэгатных станаў» свайго існавання, крайнімі з якіх з'яўляюцца тыпы *Gemeinschaft* і *Gesellschaft*. У аснове існавання *Gemeinschaft* знаходзяцца сваяцкасць, суседства і сяброўства. Тып *Gesellschaft* рэгулюеца сістэмай прававых і маральных норм, у якой адносіны сваяцкасці, суседства і сяброўства не маюць істотнага значэння [28, с. 25–28]. У польскага сацыёлага А. Заянчкоўскага, які вывучаў структуру шляхецкай супольнасці на землях былога Рэчы Паспалітай, тыпу *Gemeinschaft* адпавядае сацыяльная адзінка, якую ён называў «малым суседствам» [29, с. 69]. Гэта нефармальная супольнасць некалькіх шляхецкіх засценкаў і двароў, жыхары і гаспадары якіх знаходзіліся паміж сабой у сваяцкіх або сяброўскіх стасунках. Лакальныя суседствы ўваходзілі ў склад суседства вялікага, што звычайна супадала з межамі правінций або губерняў. Вялікае суседства ўтварала палітычную кааліцыю, згрупаваную вакол мясцовага буйнога землеўладальніка. Сувязі лакальнага і вялікага суседстваў рэалізоўваліся праз контакты нефармальных лідараў дадзеных супольнасцей [29, с. 69].

Работа гэтага грамадскага механізма на ўсіх узроўнях засноўвалася на традыцыях гасціннасці: сваяцкія і суседскія абавязкі дазвалялі падтрымліваць высокую інтэнсіўнасць камунікацыі і ўнутрыгрупавой салідарнасці. Практыкі гасціннасці не падпадалі ні пад адміністрацыйны, ні пад ідэалагічны кантроль з боку дзяржаўных і царкоўных органаў. Падобная камунікатыўная работа ператварала мясцовых дваран-землеўладальнікаў у найбольш кансалідаваную сацыяльную группу ў гетэрагенным па канфесійным і этнічным складзе грамадстве. Якасць дадзенай кансалідацыі амаль не залежала ад наяўнасці фармальных саслоўных форумаў або сродкаў масавай камунікацыі.

Высновы. Такім чынам, традыцыі гасціннасці ў класічным («сармацкім») варыянце вымагалі ад памешчыка гарантавання нават незнаёмаму вандроўніку магчымасці начлегу, сталавання, размяшчэння яго слуг і коней. Запрошаны госць мог прывесці з сабой некалькі родных і сяброў. Як правіла, гасцяванне зацягвалася да трох дзён. У некаторых памешчыцкіх сем'ях лічылася ганьбай садзіцца за абедзенны стол без госця. Калі кандыдат на гэтае званне адсутнічаў, запрашалі мясцовага ксяндза. Падтрыманне такой традыцыі вымагала ад памешчыцкай гаспадаркі вялікіх, не заўжды падлічаных выдаткаў. Аднак адхіленне ад традыцыі, спробы эканоміць на гасціннасці асуђваліся.

У поўным аб'ёме традыцыі гасціннасці выконваліся толькі ў выпадку асоб, якія займалі роўнае або больш высокое па сацыяльным статусе становішча ў дачыненні да прадстаўнікоў прымаючага боку. Рэдкім выключэннем з'яўляліся пэўныя святы і ўрачыстасці (напрыклад, зажынкі, дажынкі, імяніны пана), калі прадстаўнікі ніжэйшага саслоўя маглі разлічваць на панскі пачастунак.

Традыцыі гасціннасці і, у прыватнасці, застольны рытуал у культуры памеснага двараства служылі спосабам рэпрэзентацыі сацыяльнага статусу (заможнасці, сувязей, радавітасці), а таксама падтрыманню ўнутрыгрупавой статусна-ролевай дыферэнцыяцыі. Адначасова гэта быў інструмент палітычнай мабілізацыі прадстаўнікоў прывілеяванага саслоўя і спосаб падтрымання высокай саслоўнай салідарнасці. Гасціннасць служыла мэтам фарміравання грамадскай думкі і стымулювання кола прыхільнікаў. Гасціннасць была ўключана ў інструментарый рэалізацыі матрыманіяльных стратэгій. Пералічаныя стратэгіі падразумевалі пэўны тып сацыяльных камунікацый, які вымагаў ад прадстаўнікоў прывілеяванага саслоўя выконвання ролі «таварыска-га чалавека».

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Навагродскі, Т. А. Застольны этикет у традыцыйнай культуры харчавання беларусаў / Т. А. Навагродскі // Пытанні мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклорыстыкі : [зб. арт.] / Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. НАН Беларусі. – Мінск, 2013. – Вып. 15. – С. 350–355.
2. Навагродскі, Т. А. Эвалюцыя традыцый харчавання беларусаў у XIX – XX стст. / Т. А. Навагродскі. – Мінск : БДУ, 2015. – 243 с.
3. Трофимова, И. С. Трансформация традиционного этикета белорусов во второй половине XX – начале XXI в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / И. С. Трофимова ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2019. – 25 с.
4. Gloger, Z. Encyklopedja staropolska ilustrowana : w 4 t. / Z. Gloger. – Warszawa : Druk P. Laskauera i W. Babickiego, 1900–1903. – Т. 2. – 1901. – 332 s.
5. Булгак, Я. Край дзіцячых гадоў / Я. Булгак ; пер. з пол. Т. Г. Вяршыцкай. – Мінск : Беларусь, 2004. – 415 с.
6. Rzewuski, H. Wspomnienia z XVIII wieku / H. Rzewuski // Diennik Warszawski. – 1851. – № 144. – S. 1–3.
7. Lachnicki, I. E. Statystyka gubernii Litewsko-Grodzieskiej / I. E. Lachnicki. – Wilno: Nakładem i drukiem J. Zwadzkiego, 1817. – X, [2], 88 s.
8. Gołębiowski, Ł. Domy i dwory / Ł. Gołębiowski. – Warszawa : Druk N. Glücksberga, 1830. – [4], 296 s.
9. Шыдлоўскі, С. А. Культура прывілеяванага саслоўя Беларусі: 1795–1864 гг. / С. А. Шыдлоўскі. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 168 с.
10. Gloger, Z. Encyklopedja staropolska ilustrowana : w 4 t. / Z. Gloger. – Warszawa : Druk P. Laskauera i W. Babickiego, 1900–1903. – Т. 3. – 1902. – 350 s.
11. Gołębiowski, Ł. Gry i zabawy różnych stanów w kraju całym, lub niektórych tylko prowincjach / Ł. Gołębiowski. – Warszawa : Druk N. Glücksberga, 1831. – 332 s.
12. Gloger, Z. Encyklopedja staropolska ilustrowana : w 4 t. / Z. Gloger. – Warszawa : Druk P. Laskauera i W. Babickiego, 1900–1903. – Т. 1. – 1900. – 316 s.
13. Gloger, Z. Budownictwo drzewne i wyroby z drzewa w dawnej Polsce : w 2 t. / Z. Gloger. – Warszawa : Druk W. Lazarowskiego, 1907–1909. – Т. 1. – 1907. – 383 s.
14. Massalski, E. T. Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy : romans administracijny : w 5 cz. / E. T. Massalski. – Wilno : W Drukarni A. Marcinkowskiego, 1831–1833. – Cz. 2 : Szlachcic. – 1831. – 268 s.
15. Massalski, E. T. Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy : romans administracijny : w 5 cz. / E. T. Massalski. – St. Petersburg : W Drukarni K. Kraja, 1831–1833. – Cz. 4 : Idealy. – 1833. – 286 s.
16. Грамматика гостеприимства / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии ; отв. ред. М. Н. Губогло. – М. : ИЭА РАН, 2015. – 388 с.
17. Костомаров, Н. И. Старый спор : Последние годы Речи Посполитой / Н. И. Костомаров. – М. : Чарли ; Смоленск : Смядынь, 1994. – 768 с.
18. Баршчэўскі, Я. Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях / Я. Баршчэўскі // Выбранныя творы / Я. Баршчэўскі ; укл., пер. з пол. М. Хаўстовіча. – Мінск, 1998. – С. 81–282.
19. Gloger, Z. Encyklopedja staropolska ilustrowana : w 4 t. / Z. Gloger. – Warszawa : Druk P. Laskauera i W. Babickiego, 1900–1903. – Т. 4. – 1903. – II, 523, [5] s.
20. Kontrym, K. Podróż Kontryma, urzędnika banku polskiego odbyta w roku 1829 po Połsce / K. Kontrym ; wydana przez E. Raczyńskiego. – Poznań : u W. Stefańskiego, 1839. – 72 s.
21. Без-Корніловіч, М. О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и др. сведений, к ней относящихся / М. О. Без-Корніловіч. – 2-е изд., репринт. – Мінск : Алфавіт, 1995. – 355 с.
22. Pużynina, G. W Wilnie i w dworach litewskich. Pamiętnik z lat 1815–1843 / G. Pużynina. – Wilno : Druk J. Zawadzkiego, 1928. – 389 s.
23. Бурдье, П. Практический смысл : [пер. с фр.] / П. Бурдье ; общ. ред., пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя ; М. : Ин-т эксперим. социологии, 2001. – 562 с.

24. Шыдлоўскі, С. А. Эканамічныя паводзіны памеснага дваранства Беларусі: дэманстратыўнае спажыванне і ашчаднасць (канец XVIII – пачатак XX ст.) / С. А. Шыдлоўскі // Пытannі мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклорыстыкі : [зб. арт.] / Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. НАН Беларусі. – Мінск, 2020. – Вып. 28. – С. 364–369.
25. Massalski, E. T. Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy : romans administracijny : w 5 cz. / E. T. Massalski. – Wilno : W Drukarni A. Marcinkowskiego, 1831–1833. – Cz. 1 : Włościanin. – 1831. – 143 s.
26. Tyszkiewicz, K. Wilija i jej brzegi: pod względem hydrograficznym, historycznym, archeologicznym i etnograficznym / K. Tyszkiewicz. – Drezno : Drukiem i nakładem J. I. Kraszewskiego, 1871. – XVI, 362 s.
27. Kraszewski, J. I. Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy / J. I. Kraszewski. – Paryż : Nakładem J. K. Wilczynskiego, 1860. – 144 s.
28. Тённис, Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии / Ф. Тённис ; пер. с нем. Д. В. Складнева. – М. : Фонд Университет ; СПб. : Владимир Даль, 2002. – 451 с.
29. Zajączkowski, A. Szlachta polska: kultura i struktura / A. Zajączkowski. – Warszawa : Semper, 1993. – 116 s.

References

1. Navagrodski T. A. Table etiquette in the traditional food culture of Belarusians. *Pytanni mastatstvaznaustva, etnalogii i fal'klarystyki* [Issues of art history, ethnology and folklore]. Minsk, 2013, iss. 15, pp. 350–355 (in Belarusian).
2. Navagrodski T. A. *Evolution of Belarusian food traditions in the XIX – XX centuries*. Minsk, Belarusian State University, 2015. 243 p. (in Belarusian).
3. Trofimova I. S. *Transformation of the traditional etiquette of Belarusians in the second half of the XX – beginning of the XXI century*. Abstract of Ph.D. diss. Minsk, 2019. 25 p. (in Russian).
4. Gloger Z. *Encyklopedia staropolska ilustrowana. T. 2* [Old Polish illustrated encyclopedia. Vol. 2]. Warszawa, Druk P. Laskauera i W. Babickiego, 1901. 332 p. (in Polish).
5. Bułhak J. *Kraj lat dziecięcych* [The edge of childhood]. Gdańsk, ASP Rymsha, 2003. 287 p. (in Polish).
6. Rzewuski H. *Wspomnienia z XVIII wieku* [Memories from the 18th century]. *Dziennik Warszawski* [Warsaw Journal], 1851, no. 144, pp. 1–3 (in Polish).
7. Lachnicki I. E. Statystyka gubernii Litewsko-Grodzieskiej [Statistics of the Lithuanian Grodno-Governorate]. Wilno, Nakładem i drukiem J. Zawadzkiego, 1817. X, [2], 88 p. (in Polish).
8. Gołębiowski Ł. *Domy i dwory* [Houses and mansions]. Warszawa, Druk N. Gkucksberga, 1830. 296 p. (in Polish).
9. Shydłouski S. A. *Culture of the privileged class of Belarus: 1795–1864*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2011. 168 p. (in Belarusian).
10. Gloger Z. *Encyklopedia staropolska ilustrowana. T. 3* [Old Polish illustrated encyclopedia. Vol. 3]. Warszawa, Druk P. Laskauera i W. Babickiego, 1902. 350 p. (in Polish).
11. Gołębiowski Ł. *Gry i zabawy różnych stanów w kraju całym, lub niektórych tylko prowincjach* [Games and activities of various states throughout the country, or only some provinces]. Warszawa, Druk N. Glücksberga, 1831. 332 p. (in Polish).
12. Gloger Z. *Encyklopedia staropolska ilustrowana. T. 1* [Old Polish illustrated encyclopedia. Vol. 1]. Warszawa, Druk P. Laskauera i W. Babickiego, 1900. 316 p. (in Polish).
13. Gloger Z. *Budownictwo drzewne i wyroby z drzewa w dawnej Polsce. T. 1* [Timber construction and wooden products in old Poland. Vol. 1]. Warszawa, Druk W. Lazarskiego, 1907. 383 p. (in Polish).
14. Massalski E. T. *Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy: romans administracijny. Część 2. Szlachcic* [Mr. Podstolic, or, What we are, what can we be: an administrative romance. Part 2. Nobleman]. Wilno, W Drukarni A. Marcinkowskiego, 1831. 268 p. (in Polish).
15. Massalski E. T. *Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy : romans administracijny. Część 4. Idealy* [Mr. Podstolic, or, What we are, what can we be: an administrative romance. Part 4. Ideals]. St. Petersburg, W Drukarni K. Kraja, 1833. 286 p. (in Polish).
16. Guboglo M. N. (ed.). *The grammar of hospitality*. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 2015. 388 p. (in Russian).
17. Kostomarov N. I. *An old dispute: The last years of the Polish-Lithuanian Commonwealth*. Moscow, Charli Publ.; Smolensk, Smyadyn' Publ., 1994. 768 p. (in Russian).
18. Barszczewski J. *Szlachcic Zawalnia, czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach* [Nobles of Zavalnya, or Belarus in fantastic stories]. Petersburg, 1844–1846. 4 vol. (in Polish).
19. Gloger Z. *Encyklopedia staropolska ilustrowana. T. 4* [Old Polish illustrated encyclopedia. Vol. 4]. Warszawa, Druk P. Laskauera i W. Babickiego, 1903. II, 523, [5] p. (in Polish).
20. Kontrym K. *Podróż Kontryma, urzędnika banku polskiego odbyta w roku 1829 po Polesiu* [The journey of Kontrym, an official of the Polish bank, took place in Polesie in 1829]. Poznan, u W. Stefańskiego, 1839. 72 p. (in Polish).
21. Bez-Kornilovich M. O. *Historical information about the most remarkable places in Belarus with the addition and other information related to it*. 2nd ed. Minsk, Alfavit Publ., 1995. 355 p. (in Russian).
22. Puzynina G. *W Wilnie i w dworach litewskich. Pamiętnik z lat 1815–1843* [In Vilnius and in Lithuanian courts. Diary from 1815–1843]. Wilno, Druk J. Zawadzkiego, 1928. 389 p. (in Polish).
23. Bourdieu P. *Le sens pratique*. Paris, Les Éditions de Minuit, 1980. 480 p. (in French).
24. Shydłouski S. A. Economic behavior of the local nobility of Belarus: demonstrative consumption and thrift (late 18th – early 20th centuries). *Pytanni mastatstvaznaustva, etnologii i fal'klarystyki* [Issues of art history, ethnology and folklore]. Minsk, 2020, iss. 28, pp. 364–369 (in Belarusian).

25. Massalski E. T. *Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy : romans administracyjny. Część 1. Włościanin* [Mr. Podstolic, or, What we are, what can we be: an administrative romance. Part 1. A peasant]. Wilno, W Drukarni A. Marcinkowskiego, 1831. 143 p. (in Polish).
26. Tyszkiewicz K. *Wilja i jej brzegi: pod względem hydrograficznym, historycznym, archeologicznym i etnograficznym* [Wilja and its shores: in terms of hydrography, history, archeology and ethnography]. Drezno, Drukiem i nakładem J. I. Kraszewskiego, 1871. XVI, 362 p. (in Polish).
27. Kraszewski J. I. *Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy* [Memories of Polesie, Volhynia and Lithuania]. Paryż, Nakładem J. K. Wilczynskiego, 1860. 144 p. (in Polish).
28. Tönnies F. *Community and society = Gemeinschaft und Gesellschaft*. Mineola, Dover Publications, 2002. 294 p.
29. Zajączkowski A. *Szlachta polska: kultura i struktura* [Polish nobility: Culture and structure]. Warszawa, Semper, 1993. 116 p. (in Polish).

Информация об авторе

Шидловский Сергей Олегович – кандидат исторических наук, доцент. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларусь (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: s.szydłowski@psu.by. <https://orcid.org/0000-0003-3036-8466>

Information about the author

Siarhei A. Shydłouski – Ph. D. (Hist.), Associate Professor. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: s.szydłowski@psu.by. <https://orcid.org/0000-0003-3036-8466>

ЛІТАРАТУРА ЗНАЎСТВА

LITERARY

УДК 821.161.3.091(092) Колас
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-97-103>

Паступіў у рэдакцыю 05.03.2021
Received 05.03.2021

Ж. С. Шаладонава

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

ДАРОГА Ў СІМВОЛІКА-МЕТАФАРЫЧНАЙ ПРАСТОРЫ ТВОРАЎ Я. КОЛАСА: ПАРАЎНАЛЬНЫ РАКУРС

Аннотация. Раскрывается символико-метафорическая наполненность образа дороги в поэме Я. Коласа «Новая земля» в сопоставлении с произведениями Н. Гоголя и Т. Шевченко. Подчёркивается, что в художественно-философском осмыслиении авторов дорога представляется как способ существования героев, преодоления жизненных препятствий, а также универсальный символ бесконечного движения духа, мысли, постижения бытийных ценностей. Сравнительный анализ позволил расширить спектр семантических значений образа как воплощения поиска духовной и национально-исторической самоидентификации человека, народа, страны.

Ключевые слова: пространственная структура произведения, образ дороги, образ просторного пути, метафора, символ, переходная эпоха, поиск, личностная и национально-историческая самоидентификация, мышление, духовное возвышение, обновление

Для цитирования: Шаладонава, Ж. С. Дарога ў сімволіка-метафарычнай прасторы твораў Я. Коласа: парапаралльны ракурс / Ж. С. Шаладонава // Весці НАН акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. наукаў. – 2022. – Т. 67, № 1. – С. 97–103. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-97-103>

Zhanna S. Shaladonava

Centre for Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus

THE ROAD TO THE SYMBOLIC AND METAPHORICAL SPACE OF THE WORKS OF Y. KOLAS: COMPARATIVE POINT OF VIEW

Abstract. The symbolic and metaphorical fullness of the image of the road in the poem of Y. Kolas “New Land” in comparison with the works of N. Gogol and T. Shevchenko is revealed in the article. It is emphasized that in the artistic and philosophical understanding of the authors, the road is presented as a way of heroes’ existence, overcoming life obstacles, as well as a universal symbol of the endless movement of spirit, thought, comprehension of existential values. Comparative analysis made it possible to expand the range of semantic meanings of the image as an embodiment of the search for spiritual, national and historical self-identification of a person, people, country.

Keywords: spatial structure of the work, image of the road, image of a spacious path, metaphor, symbol, transitional era, search, personal, national and historical self-identification, thinking, spiritual exaltation, renewal

For citation: Shaladonava Zh. S. The road to the symbolic and metaphorical space of the works of Y. Kolas: comparative point of view. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 1, pp. 97–103 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-97-103>

Уводзіны. Шырока і разнастайна рэпрэзентаваны ў літаратуры образ дарогі з'яўляецца адным з найболыш сэнсава ўзмоцненых у арганізацыі і скіраванасці прасторы, выяўленні нацыянальнай карціны свету, мастацкай харастваразлогіі персанажаў, увасабленні духоўных, маральна-этычных, сацыяльна-філософскіх раздумаў аўтараў. Шматлікасць мастацкіх мадыфікаций

вобраза абумоўлена размаітым спектрам яго эмпірычных і сімволіка-метафарычных значэнняў. Найперш дарога – метафара жыцця, якая сканцэнтравала ў сабе яго падзейна-сэнсавыя праявы, пошукавы харктаў і ўнутраны дынамізм, эвалюцыйную логіку і быційную адкрытасць. Дарога, шлях – гэта і спосаб жыцця, і яго мэта, скіраванасць, зададзенасць на асваенне і асэнсаванне быційнай прасторы, самарэалізацыю, самаідэнтыфікацыю ў ёй. “Дзеля таго, каб быць узвышаным, – адзначыў Ю. Лотман пры разглядзе мастацкай прасторы прозы М. Гогаля, – прастора павінна быць не толькі вялікай (ці бязмежнай), але і скіраванай, той, хто знаходзіцца ў ёй, павінен рухацца да мэты. Яна павінна быць дарогай <...>. Са з'яўленнем вобраза дарогі як формы прасторы фарміруеца і ідэя шляху як нормы жыцця чалавека, народаў і чалавецтва” [1, с. 656]. Сам пісьменнік у сваіх лістах прызнаваўся, што менавіта ў дарозе ў яго звычайна развіваеца задума, акрэсліваеца змест, вымалёваеца сюжэт твораў, а падарожжа ўспрымаеца як практычна адзіны сродак аднаўлення і падтрымання жыццёвай і творчай энергіі, набыцця раўнавагі, прасветленасці ў планах, дзеяннях і ўчынках.

Асноўная частка. Кожная эпоха па-свойму актуалізуе вобраз дарогі. У пачатку XX стагоддзя ідэя шляху і звязаных з ім перамен стала адной з важнейшых у культуры і літаратуре. У ду́хуна-творчым станаўленні і развіцці пісьменніцкай асобы А. Блок адзначыў пачуццё шляху як вызначальна-прагнастычнае: “Першая і галоўная прыкмета таго, што дадзены пісьменнік не з’яўляеца велічынёй выпадковай і часовай, – пачуццё шляху” [2, с. 111]. Тоё, як гэта пачуццё шляху пранізывае мастацкую структуру твораў, арганізуе іх ідэйна і кампазіцыйна, крышталізуе сэнсавую змястоўнасць, наглядна і канцептуальна ёміста ўласцівасць ў творах Я. Коласа. Матывы дарогі, пошуку, шляху як руху да мэты прысутнічаюць практычна ва ўсіх коласаўскіх творах, вынесены ў назвы паэм “Новая зямля”, трылогі “На ростанях”, існуюць у лірыцы, паэме “Сымон-музыка”, аповесцях “На просторах жыцця”, “Дрыгва”, “Казках жыцця”, апавяданнях. Вобраз дарогі ў гэтых творах поліфункцыянальны, ужываеца ў широкім сэнсавым дыяпазоне. Нават можна сказаць, што адны сэнсавыя значэнні змяняюць і дапаўняюць другія.

У вершах “Дарога” (1906), “Дарога” (1910), “На раздарожжы” (1911), “У дарозе” (1913) дарога, што акрэслівае маральна-духоўныя, грамадска-сацыяльныя каардынаты развіцця народа, харкторызуеца як крывая, вузкая, глухая, цесная, парыўноўваеца з незайдросным лёсам, цяжкай доляй беднага працоўнага люду, выгнанніка ў сваёй краіне:

Ой, дарога-сцежка,
Вузкая, крывая!
І ты, жыццё наша,
Ты, доля, такая! [3, с. 28].

Зварот “Ой вы, дарожаныкі людскія, Пуцінкі вузкія, крывыя” прагучыць і ў заключных радках паэмы Я. Коласа “Новая зямля” (1911–1923), падагульняючы глыбокі светапоглядны раздум аўтара. У гэтым знакавым для беларускай літаратуры і культуры творы ідэя і пачуццё дарогі як руху, умовы і спосабу пераадолення нерухомай нязменнасці, данасці, набыцця экзістэнцыяльнага вопыту, унутранага развіцця з’яўляюцца аднымі з ключавых, аб’ядноўваюць мастацка-вобразную структуру, пачынаюць і лагічна завяршаюць кампазіцыйную будову:

О, як бы я хацеў спачатку
Дарогу жыцця па парадку
Прайсці яшчэ раз, азірнуцца,
Сабраць з дарог каменні тыя,
Што губяць сілы маладыя, –
К вясне б май хацеў вярнуцца [4, с. 7].

Рэтраспектыўны погляд (“Прайсці яшчэ раз, азірнуцца”) і жыццеапісанне з дамінантай то-паса дарогі (“Дарог жыцця”) набліжаюць паэму Я. Коласа да паэмы М. Гогаля “Мёртвыя душы” (1842): “Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу” [5, с. 210]. Дарога з самага пачатку задае спосаб пабудовы сюжэта, арганізуе ідэйна-сэнсавую і структурна-кампазіцыйную прастору гогалеўскай паэмы: “В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка… В бричке сидел господин” [5, с. 7]. Кампа-зіцыйны стрыжань твора ўяўляе брычка, у якой падарожнічае Чычыкаў з мэтай ажыццяўлення

перамен ва ўласным лёсе, планамерна-практычным руху да мары аб уласным доме, сям'і, нашчадках. Міхал, галоўны герой паэмы Я. Коласа, у імкненні набыцца ўласнай зямлі, дому таксама “станоўка, ненарокам Ішоў да мэты крок за крокам”, яго лад жыцця, спосаб мыслення і духоўна-га развіцця набылі вектарную скіраванаасць руху да новай зямлі.

У рускай літаратурна-культурнай традыцыі з дарогай звязваецца найперш магчымасць асвяення вялікай тэрытарыяльной прасторы, крыніца станоўчых перамен у жыцці, шлях да свабоды, выратавання, умова для пазнання і творчасці. На думку Т. Шчапанская, папулярны варыянт расійскай мары аб волі, свабодзе выяўляеца ў матыве і практицы ўцёкаў з тым, каб апынуцца ў дарозе. Разам з тым даследчыца лічыць, што «традыцыя адмаўляеца бачыць дарогу як засвоеную культурай зону, г. зн. уключаць у сферу дзеяння культуры. Культура “не бачыць” дарогу як сваю частку, нарадзіўшы крылаты выраз: “У Расіі няма дарог, а ёсьць кірункі”. Бездараж увайшла ў лік этнавызначальникаў. Дакладней, між іншым, сказаць не пра тое, што рускі этнас ідэнтыфікуеца з дрэннай дарогай, а пра тое, што ён проста не ідэнтыфікуе сябе з дарогай, падкрэслена аддаляеца ад яе, вызначае сябе праз яе супрацьлегласць (дом, аседласць) і акцэнтуе яе адсутнаасць. Міфалагему “дрэнных дарог” як этнавызначальнік можна разглядаць, у выніку, як функцыю аседлай этнічнай самасвядомасці» [6, с. 35].

Беларусы на працягу стагоддзяў таксама выявілі сябе як аседлы этнас з адпаведнай псіхалогіяй і самасвядомасцю, у якой паняцці цэнтра, дому замацоўвалі ўкаранёнаасць у свеце, перадавалі складаныя механізмы асвяення, абжывання прасторы. Дом кампенсаваў фатальную занядбанасць чалавека ў свеце, ствараў умовы для самавызначэння, самаідэнтыфікацыі, надаваў існаванню абароненасць, здзейсненасць і камфорктнаасць. У гэтай устойлівай, уладкаванай прасторы дарога ў сваім прымым, намінатыўным значэнні ўяўлялася як вымушаная і непажаданая, небяспечная, процістаяла абжытаму, звыкламу, роднаму асяроддзю.

Пазбяганне кардынальных перамен, імкненне да трываласці, устойлівасці побыту, непарушнаасці традыцый выступаюць як жыццёвая мудрасць, філасофія цлага народа, лаканічна сфармульваная ў паэме “Новая зямля” ў трывожных развагах Ганны:

А там, за светам, на чужыне
Ніхто цябе, ой, не прыхіне!
...Няпұна ўсё і невядома,
Дык больш трымайцесь вы дому! [4, с. 30].

Імкненне да набыцца новай зямлі, як і імкненне да ўсяго нязведенага, суправаджаеца адчуваннем вымушанай дарогі, якое павялічваеца з кожным непажаданым і пацутлівым пераездам сям'і Міхала, падуладнай волі ляснічага. Я. Колас дасціпна, па-мастацку пераканальна падкрэсліў бытавыя нязручнаасці пярэбараў-блуканняў:

Яшчэ б гадочак пажыць ціха,
Але найгоршое тут ліха –
Збрай зноў цапstryкі, трасіся
Па каранях з дабром, з сям'ёю,
У саму бездараж вясною [4, с. 40–41].

У кантэксце пошукаў Міхалам сваёй зямлі, свайго дому прапанаваная С. Аверынцевым формула “ўзаемнага ўпору элементаў дарога-дом” атрымала нагляднае высокамастацкае ўвасабленне і адлюстравала ключавыя тэндэнцыі і светапоглядныя ўстаноўкі пераходнай эпохі пачатку XX стагоддзя. Бытавая неўладкаванасць і адсюль духоўная няўтульнаасць жыцця герояў твора ўпісваюцца ў агульную парадыгму качэўніцтва, пазбаўленасці адчуваання грунту, дому, характэрную для гэтага перыяду. Драматызм прыватнай сітуацыі праацыруеца на лёс цлага народа, яго блуканняў па дарогах гісторыі ў пошуках самаідэнтыфікацыі і самавызначэння. Я. Колас падкрэсліваў, што ў такім вымушаным драматычна-напружаным блуканні трансфармуюцца спрадвечныя ідэалы, страчаюцца агульныя інтарэсы, размываюцца каштоўнасныя арыенціры. Пазбаўлены трываласці і дому, “божы люд” апанаваны трывожнымі прадчууваннямі і эсхаталагічнымі настроемі:

Эх, божы люд! Якая сіла
Цябе віхрамі закруціла?
Куды ты йдзеш, чаго шукаеш?

Які ты ў сэрцы смутак маеш?
Куды вядзе твая дарога?
Чаму задума і трывога
Пячаць на твар твой палажыла?
Чаго глядзіш ты так няміла?
Няма ў вачах тваіх прывету,
Як бы не рады сонцу, свету,
Ідзе народ, як хвалі мора,
Як хмары ў небе на прасторы,
Адны другім усе чужыя [4, с. 249].

У паэме пастаянна паглыбляеца сімволіка-метафарычна насычанасць вобраза дарогі як прыватнага жыцця асобнага чалавека і гістарычнага лёсу народу, іх дынамічнага пошукавага руху да свайго сапраўднага быцця, што ўрэшце выступіць як ілюстрацыя адвечнага пошукавага закону светабудовы, “живога духа вечнага врашчэння” (І. В. Гёте).

Я. Колас пастаянна нагадвае аб цеснай і ўзаемаабумоўленай сувязі дарогі, руху і мыслення. Звыклыя абходы ляснічага, якія Міхал рабіў па сваіх службовых аваівзках, спрыялі сама-паглыбленню героя, суправаджаліся яго працяглымі раздумамі і разважаннямі як аб надзённых справах і клопатах, так і аб жыццёвых планах і перспектывах. З фізічным перамяшчэннем, вандроўкамі аўтар звязвае ўнутраны дынамізм героя, імкліва-пошукавы рух мыслення, духоўную скіраванасць. Праз траекторыю фізічных перамяшчэнняў у прасторы тонка і выразна вымалёўваеца духоўна-псіхалагічны профіль героя:

Памалу, мерна крок за крокам
Ў сваім раздум’і адзінокім
Дадыбаў бацька скора к дому [4, с. 21].

Міхал ідзе, і думкі ходзяць,
І ў пункт адзін яны прыводзяць [4, с. 147].

Міхал ішоў, з ім йшлі і думкі,
А з імі вобразы ўставалі
І ў сэрцы водгук выклікалі [4, с. 184].

Міхал у часе вандравання
На адзіноце сам з сабою,
З гарачым сэрцам і душою
Развязваў важнае пытанне
Аб той зямельцы аб уласнай [4, с. 223].

Дарога арганізуе ідэйна-сэнсавую, кампазіцыйную, прасторавую структуру паэмы “Новая зямля” і, нягледзячы на тое, што героі ўвесь час у руху, блуканнях, пераездах, няўхільна пазбаўляеца прамога ўтылітарнага значэння перамяшчэння, страчвае зямную канкрэтыку і афармляе метафізічны рэльеф. Праз траекторыю дарогі акрэсліваюцца каардынаты чалавечага і народнага лёсу, фіксуеца настынная зменлівасць жыццёвага руху і канчатковасць кожнага этапу існавання. Па-філософску ўдумліва Я. Колас прасочвае матываваную логіку скіравання чалавека ў кантэксле гістарычнага развіцця Бацькаўшчыны і празорліва заўважае, што гэтымі працэсамі кіруе “духу волі плынъ жывая” як магчымасць усвядомленага выбару шляхоў у простору вызвалення духоўнага, сацыяльнага, нацыянальнага:

Дарогі, вечныя дарогі!
Знаць, вам спрадвеку самі богі,
Калі красёнцы жыцця ткалі,
І вашы лёсы вызначалі,
Няма канца вам, ні супыну;
Вы жывы кожную часіну,
То задуменны, смутна строгі,
Як след захованай трывогі,
То поўны чараў спадзявання,
То страхай цёмнага знікання,
Калі душа свой лёс прачуе,
Іnoch нябыту зацянюе...

Дарогі, цёмны дарогі!
 Вы так маўклівы, вы так строгі!
 Хто вас аблічыць? Хто вас змерыць?
 Хто вашы звівы ўсе праверыць?
 Хто вашы ходы абшукае?
 Бо ўсё сваю дарогу мае! [4, с. 236].

У паэмах Я. Коласа і М. Гогаля вобраз дарогі сімвалізуецца, што надае творам універсальна-філософскую змястоўнасць і знакавасць, насычае іх анталагічнай проблематыкай і трансфармуецца ў абагульнена-філософскую тэму жыццёвага шляху чалавека, народа, чалавецтва. З вышыні свайго мастацкага даравання і жыццёвага вопыту, не злоўжываючы дыдактыкай, М. Гогаль у абагульненым выглядзе прасочвае імклівы рух жыцця, засцерагае ад душэўнай легкадумнасці і неабачлівага марнатраўства чалавечымі якасцямі, каб вынікі напрыканцы не заスマчалі і не расчароўвалі: “Забирайте же с собою в путь из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге: не подымете потом!” [5, с. 122].

У абедзюх паэмах аўтарскі ракурс бачання ўзбуйняеца, перамяшчаеца ад лакальнасці і канкрэтныі эмпірычнага матэрыялу да меж глабальнаага, усёхонага погляду на чалавека, народ, краіну, свет, рэльефна, скульптурна, зрокава акрэслівае лёсавызначальны і знакавыя тэндэнцыі народна-гістарычнага быцця. Дарога ў “Мёртвых душах” выступае паказыкам шчымлівага аўтарскага раздуму аб гістарычных перспектывах, цывілізацыйных магчымасцях краіны, якая сама пачынае выступаць у сімвалічнай ролі падарожнага: “Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несёшься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстаёт и остаётся позади… Русь, куда ж несёшься ты? дай ответ. Не даёт ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства” [5, с. 236].

У паэме “Новая зямля” сакраментальнае “ўсё сваю дарогу мае” актуалізуе сімволіка-метафарычнае, непрасторавае значэнне дарогі. У працэсе праходжання свайго гістарычнага шляху асвятляеца лёс краіны, Бацькаўшчыны. На шляху пошукаў сваёй зямлі акрэсліваюцца, вывяраюцца першаасновы яе свабоднага, незалежнага дзяржаўнага жыцця, нацыянальна-гістарычнага самавызначэння і самаідэнтыфікацыі.

Мары коласаўскага героя аб прыватным шчасці, адасобленым ад лёсу народна-нацыянальнага, засяроджанасць на сваім індывідуальным пытанні-проблеме “Аб той зямельцы аў уласнай” абарваліся трагічна: “Беглі сцежачкі Ў свет шырокенъкі, Прыяляі ж яны К той магіланцы!..” [4, с. 280]. Разрозненая, неусвядомленая людскія шляхі-пошукі лепшай долі прадстаўляюцца аўтарам як вузкія, крывыя, цьмяныя пуціны. У імкненні да маральнаага пераўласаблення, аднаўлення чалавецтва, што ў сваіх унутрана статычных блуканнях-пошуках ісціны збочыла на няправедныя, крывыя і глухія шляхі, М. Гогаль згадвае прасторны шлях духоўнай прасветленасці і ўзвышэння: “Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящие в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним был открыт прямой путь, подобный пути, ведущему в царские чертоги! Всех других путей шире и роскошнее он, озаренный солнцем и освященный всю ночь огнями; но мимо него, в глухой темноте, текли люди” [5, с. 201].

З вобразам бездаражы ў кантэксце верша Т. Шаўчэнкі “Ці то нядоля і няволя...” (1850) звязваеца матыў шляху пакутніцтва, перашкод, выпрабаванняў, шляху, якім лірычны герой імкнецца вярнуцца на радзіму. “Злыя людзі” пазбавілі героя магчымасці выхаду на шырокі, прасторны шлях вяртання: “...тяжкий камень положили Посеред шляху... і розбили О його... Бога боячись! Мое малеє, та убоге, Та серце праведне колись!” [7, с. 331]. Факт пазбаўленасці шырокай дарогі, “бітага” шляху ў супрацьстаянні “злым людзям” надае вобразу лірычнага героя вышэйшую адзначанасць, абвастрае разум і пачуцці, раскрывае сапраўднае прызначэнне выгнанага прарока:

Тепер іду я без дороги
Без шляху битого... а ви!
Дивуєтесь, що спотикаюсь,
Що вас и долю проклинаю,
І плачу тяжко... [7, с. 331].

Да ідэі прасторнага шляху апелюе Т. Шаўчэнка ў вершы “Ісайа. Глава 35” (1859). У разгорнутым метафарычным малюнку супольнага выходу на вольны і шырокі шлях паэт сканцэнтраваў спадзяванні на нацыянальнае, сацыяльнае вызваленне і духоўнае аднаўленне прыгнечаных. Гэты шлях у сваёй антыімперскай гуманістычна-асветніцкай скіраванасці да справядлівага і незалежнага жыцця набывае характарыстыкі сакральнай прасторы: “Паэт, па сутнасці, стварыў уласны сакральны тэкст, у якім праз благавешчанне сацыяльна-вызваленчыя матывы паяднаныя з месіяністычнай ідэяй абнаўлення Украіны” [8, с. 156]:

Оживуть степи, озера
І не верстовії,
А вольній, широкій
Скрізь шляхи святій
Простеляться; і не найдуть
Шляхів тих владики,
А раби тими шляхами
Без гвалту і крику
Позіходяться докупи
Раді та веселі.
І пустиню опанують
Веселіі села [7, с. 353].

Паэма Я. Коласа таксама завяршаецца зваротам да тэмы прасторнага шляху і рытарычным пытаннем:

Прасторны шлях! калі ж, калі
Ты закрасуеш на зямлі
І злучыш нашы ўсе дарогі? [4, с. 280].

Высновы. Прасторны шлях у трактоўцы Я. Коласа выступае як “універсальная форма арганізацыі прасторы” (Ю. Лотман) і ўварабляе шлях паўнакроўнай нацыянальна-гістарычнай рэалізацыі супольнасці. Плыні катастрофічных рэвалюцыйных зрухаў, што вырасталі на хвалях спрадвечных народных блуканняў у пошуках лепшай долі, не спраўдзілі надзеі на станоўчае вырашэнне балючых надзённых проблем сацыяльнага, дзяржаўна-нацыянальнага, гісторыка-культурнага развіцця народа і краіны. Таму такое важнае значэнне набывае актыўнае духоўна-сацыяльнае развіццё кожнага асобнага чалавека, яго далучэнне да агульнажыццёвага рытму адзінай на сваім гістарычным шляху нацыі. Напрыканцы паэмы актуалізавана вертыкальная скіраванасць руху па дарогах жыцця да новых вяршынь, “дзе так панадна свеціць сонца”. Прасторны шлях сказаардынаваны з бясконцым напружана пошукавым рухам чалавечай думкі, якая заўсёды імкнулася зазірнуць за межы данасці, за “далягляд ружова-сіні”, з глыбокай прадуманасцю ідэйнага стаўлення, нацыянальнага самаўсведамлення, унутрана-творчай засяроджанасцю чалавека і народа на абнаўленні, каб “новы свет жыцця саткаць”.

Спіс выкарыстаных крыніц

- Лотман, Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб., 1998. – С. 621–658.
- Блок, А. Об искусстве / А. Блок. – М. : Искусство, 1980. – 503 с.
- Колас, Я. Збор твораў : у 14 т. / Я. Колас. – Т. 1 : Вершы, 1898–1917. – Мінск : Маст. літ., 1972. – 562 с.
- Колас, Я. Збор твораў : у 14 т. / Я. Колас. – Т. 6 : Новая зямля ; Сымон музыка : паэмы. – Мінск : Маст. літ., 1974. – 624 с.
- Гоголь, Н. В. Собр. соч. : в 7 т. / Н. В. Гоголь. – Т. 5 : Мёртвые души. – М. : Художеств. лит., 1978. – 541 с.
- Щепанская, Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. / Т. Б. Щепанская. – М. : Индрик, 2003. – 528 с.

7. Шевченко, Т. Кобзар / Т. Шевченко. – Кійв : Веселка, 1998. – 486 с.
8. Шевченківська енциклопедія : в 6 т. / НАН України, Ін-т л-ри ім. Т. Г. Шевченка ; редкол.: М. Г. Жулинський (гол.) [та ін.]. – Кійв : Ін-т л-ри НАНУ, 2012–2015. – Т. 3 : I–L. – 2013. – 888 с.

References

1. Lotman Yu. M. Artistic space in Gogol's prose. *About art*. St. Petersburg, 1998, pp. 621–658 (in Russian).
2. Blok A. *About art*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1980. 503 p. (in Russian).
3. Kolas Ya. *Collected works. Vol. 1. Poems 1898–1917*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1972. 562 p. (in Belarusian).
4. Kolas Ya. *Collected works. Vol. 6. Poems "New Land" and "Simon the musician"*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1974. 624 p. (in Belarusian).
5. Gogol' N. V. *Collected works. Vol. 5. Dead souls*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978. 541 p. (in Russian).
6. Shchepanskaya T. B. *Culture of the road in the Russian mythological tradition of the XIX–XX centuries*. Moscow, Indrik Publ., 2003. 528 p. (in Russian).
7. Shevchenko T. *Kobzar*. Kiev, Veselka Publ., 1998. 486 p. (in Ukrainian).
8. *Shevchenko encyclopedia. Vol. 3*. Kiev, Institute of Literature of the NASU, 2013. 888 p. (in Ukrainian).

Інформація об авторе

Шаладонова Жанна Сергеевна – кандидат філологіческих наук, старший науковий сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларусь (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Беларусь). E-mail: shaladonov@tut.by

Information about the author

Zhanna S. Shaladonava – Ph. D. (Philol.), Senior Scientific Researcher. Centre for Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganova Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: shaladonov@tut.by

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 821.161.3.09«16»

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-104-109>

Паступіў у рэдакцыю 03.08.2021

Received 03.08.2021

A. U. Бразгуной

Цэнтр даследавання беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

ЭМОЦЫЯ Ў «ДЫЯРЫУШЫ» САМУЭЛЯ МАСКЕВІЧА

Аннотация. На материале «Диариуша» Самуэля Маскевича рассмотрены способы проявления эмоции как существенного признака авторской субъективности в белорусской литературе первой половины XVII века. Эмоциональность рассматривается в качестве маркера художественного и эстетического уровня данного произведения. На конкретных примерах прослеживается текстуальное оформление эмоциональности как в эксплицитном, так и имплицитном ее выражении, а также ее роль в передаче психологических ситуаций и колоритных описаниях экзотических обычаяв в авторской оценке. Определена специфика данного автора и его произведения в истории белорусской мемуаристики рассматриваемого периода.

Ключевые слова: автор, авторская оценка, диариуш, имплицитное выражение, литература XVII века, мемуаристика, субъективность, эксплицитное выражение, эмоция

Для цитирования: Бразгуной, А. У. Эмоция ў «Дыярыушы» Самуэля Маскевіча / А. У. Бразгуной // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 1. – С. 104–109. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-104-109>

Alaxandr U. Brazgunou

Centre for Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

EMOTION IN “THE DIARY” BY SAMUEL MASKIEVIČ

Abstract. Basing on the material of the “Diary” Samuel Maskievič, the article deals with the modes of presentation of the emotion as an essential sign of the author’s subjectivity in Belarusian literature of the first part of the 17th century. Emotionality is considering as the marker of an art and aesthetic level of the work. Specific textual manifestation of the emotionality in its explicit and implicit forms has been demonstrated, as well as its role in exposing of psychological situations, in coloured descriptions of exotic customs, and in its estimation by the author, too. The specific features of the author and of his work in Belarusian memoir literature of the period are defined.

Keywords: author, author’s estimation, diary, emotion, explicit manifestation, implicit manifestation, literature of the 17th century, memoirs, subjectivity

For citation: Brazgunou A. U. Emotion in “The Diary” by Samuel Maskievič. *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 1, pp. 104–109 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-104-109>

Уводзіны. Эстэтычнае ўспрыманне ў тым яго значэнні, якое запанавала ў еўрапейскай культуры Новага часу, падразумывае, што разам з інфармацыяй і каштоўнаснымі ўстаноўкамі рэцыпіент атрымлівае ад прадмета мастацтва і пэўныя эмацыянальны зарад. Паколькі эмацыянальная рэфлексія складае суб'ектыўны бок эстэтычнага, «яна непазбежна валодае дыялагічнай суднесенасцю з іншай свядомасцю, без якой яна аказвалася б люстральным падваеннем рэфлектанага перажывання» [7, с. 312]. Гэта скіраванаасць да рэцыпіента, здольнага ўспрыніць адпаведны культурны код, дазваляе паставіць у цэнтр увагі аўтара суб'екта, ініцыятара эмацыянальной рэфлексіі. Аднак адразу зробім агаворку, што эмацыянальная рэфлексія як устойлівая з'ява – прыкмета паэтыкі аўтарскай мадальнасці, станаўленне якой прыпадае на сярэдзіну XVIII ст. У выпадку «Дыяриуша» С. Маскевича, які ахоплівае 1594 – 1621 гг., можна весці гаворку аб аўтарскай эмацыянальнасці, паколькі эмацыянальная рэфлексія характарызуецца «здольнасцю аўтарскай свядомасці, жаданнем/магчымасцямі/матывацыяй аўтара разважаць у той ці іншай эмацыянальной танальнасці, скіраванай ці на рамантычную настроенасць, ці на сэнтыментальную, ці на меланхолічную і г. д.» [2, с. 283]. Аднак у творы ўжо можна знайсці пэўныя, хаця і няўстойлівыя яшчэ праявы эмацыянальной рэфлексіі.

Хаця любы мемуарыст «грунтуеца пераважна на ўласных непасрэдных уражаннях і ўспамінах; пры гэтым паўсюль на пярэднім плане або ён сам, або яго пункт гледжання на тое, што апісваецца» [3, с. 216], каштоўнасць праяў эмацыянальнасці аўтара будзе вар’іравацца ў залежнасці ад часу напісання твора. Пры стварэнні праз пэўны час, як у выпадку С. Маскевіча, яна, з аднаго боку, узрастае: выяўляюцца тыя эмоцыі, якія сапраўды глыбока кранулі пісьменніка, адклаліся ў яго памяці. З другога боку, губляеца непасрэднасць першага ўспрымання, многія праявы або нівеліруюцца пісьменнікам, або трансфармуюцца ў эмацыянальна нейтральныя. У абодвух выпадках мы будзем мець справу з трацічным перажываннем эмоцыі, пераасэнсаваннем (першасным перажываннем эмоцыі з’яўляеца фізіялагічна-сузіральнае ўражанне, другасным – пачуццёвае), што азначае «рацыяналізацыю» эмоцыі: усведамленне аўтарам яе значнасці (пры захаванні ў тэксле) або непатрэбнасці (пры выдаленні з тэкслу).

Аднак разгляд праблемы эмацыянальнасці ў «Дыярыушы» С. Маскевіча патрабуе таксама пэўных тлумачэнняў наконт узроўню іх мастацкасці. Жанр дыярыуша дазваляе аўтару выказваць суб’ектыўныя адносіны да таго, што ён апісвае. Прыватныя дыярыушы, на думку С. Л. Гараніна, давалі большыя ў параўнанні з афіцыйнай літаратурай магчымасці для раскрыцця аўтарскага патэнцыялу нават пры апісанні грамадскіх падзеяў. І таму яны, хаця былі «складзеныя непрафесійнымі і не заўсёды добра адукаванымі літаратарамі, валодаюць вышэйшымі мастацкімі якасцямі, чым творы сакратароў, справаводаў і буйных чыноўнікаў» [1, с. 697]. Такая мастацкасць забяспечвалася ў першую чаргу магчымасцю самавыяўлення аўтара, адлюстравання яго суб’ектыўнага бачання і ацэнак, немагчымых без больш-менш выражанага эмацыянальнага складніка. У свой час акадэмік А. С. Арлоў у шэрлагу элементаў мастацкасці ў літаратуры побач з *вобразам, паказам, структурнасцю, уяўленнем і выяўленнем* вылучыў таксама эмоцыю, «дзеянне пачуцця на пачуццё» [6, с. 14–15]. Павінны таксама ўлічвацца асаблівасці светапоглядных установак чалавека на мяжы XVI – XVII стст. як вынік спалучэння ідэй контэрфармацыі і эстэтыкі барока, у многім супярэчлівых (вера ў Бога і адначасова прымхлівасць, разуменне жыцця як вызначанай ролі і разам з тым – як гульні сляпой фартуны і інш.). У ліку такіх установак будзе таксама адрознае ад сучаснага разуменне мастацкасці: у тагачасным грамадстве мастацкае перш за ўсё тое, што ствараеца па вядомых, традыцыйных узорах, а сама свобода творчасці ўяўляеца выключна ў межах жанравага канона. Аўтары імкнуліся пісаць «як трэба», а не «як хачу», бо таго патрабаваў традыцыйналісцкі (рытарычны) тып мастацкай свядомасці. Нягледзячы на рытарычны змест падобнай мастацкасці, эмацыянальная прысутнасць аўтара ў творы, «яго жывы эмацыянальны інтарэс да адлюстраваных у творы тэм – неабходная ўмова мастацкасці паэтычнага твора, у якім павінна прысутнічаць жывая харектэрнасць жыцця з усімі ўласцівымі яму супярэчнасцямі» [2, с. 36].

Асноўная частка. Змены ў многіх галінах грамадскага жыцця, якія набылі інтэнсіўны харектар на працягу XVI – XVII стст., прыўнеслі новую дынаміку ў развіццё культуры і, у прыватнасці, літаратуры. Узрастае суб’ектыўны пачатак. Гэта відавочна ўжо з эпіграфа, якім суправаджаецца «Дыяриуш» С. Маскевіча: «Калі некаму тут штосьці не даспадобы, // хай зла не трymае: // Сам сабе я гуду, // Сам сабе весел буду» [5, с. 22]. Традыцыйны, на першы погляд, эпіграф выконвае шэраг функцый. Ён не толькі задае пэўны эмацыянальны фон для ўспрымання твора («Сам сабе гуду»), але і рэпрэзентуе аўтарскую мадыфікацыю топасу сціпласці, традыцыйнага для літаратуры Сярэднявечча («Прабач, чытач, што я, недастойны, напісаў так недасканала») і Адраджэння («Калі табе тут штосьці не даспадобы, шаноўны чытач, напіши лепш за мяне»). Нарэшце, эпіграф-топас закліканы засцерагчы аўтара ад прэтэнзій з боку патэнцыяльнага рэципіента наконт харектару апісання падзеяў іх ацэнак.

Праявы аўтарскай эмацыянальнасці, аднак, не заўсёды настолькі відавочныя, даволі часта яны маюць эвентуальнае прачытанне. Возьмем, для прыкладу, нейтральную, на першы погляд, фразу: «У тым жа годзе, на Успенне Найсвятой Багародзіцы, нарабілі татары нямала шкоды на Падоллі і ў ваколіцах Кіева: захапіўшы нямала шляхецкіх сядзіб, узялі ў няволю мноства дзяўчат і паненак шляхецкага саслоўя» [5, с. 24]. Незалежна ад таго, вядзецца гаворка пра каталіцкае ці праваслаўнае Успенне (15 або 28 жніўня), ужо сама прывязка ўчыненага татарамі злачынства (шкоды) да аднаго з найбольш шанаваных хрысціянскіх свят задае магчымасць для эмацыянальной рэакцыі па лініях «свой – чужы», «хрысціянін – язычнік», «свята – злачынства». У другой

частцы фразы эмацыянальныя рэакцыі і ступень іх выяўленасці відавочна абумоўлены этаснымі ўстаноўкамі наваградскага шляхціца С. Маскевіча. Вось чаму падкрэсліваецца факт разбурэння менавіта *шляхецкіх*, а не сялянскіх сядзіб, зняволенне *шляхецкіх*, а не сялянскіх дзяўчат. Можна напэўна сцвярджаць, што аўтар, салідарны са сваім саслоўем, не застаецца эмацыянальна нейтральным. Падобная карціна назіраецца пры апісанні рытуалаў, як, напрыклад, у паведамленні пра распараджэнне гетмана С. Жалкеўскага пра загінулых і параненых: «Больш высакародных, як таварышаў, загадаў узяць з сабой, а іншых пахаваць там; падстрэленых, параненых таварышаў даставіць за сабой у лагер: адных – у сваёй карэце, іншых – на насілкі паміж двума коньмі» [5, с. 52]. У кантэксце шляхецка-рыцарскага этасу слова «высакародны» выступае не толькі ў якасці субстытута фразы «які нарадзіўся ў магнацкай/шляхецкай сям’і», але перадае таксама і значэнне «поўны ўсялякіх цнотаў (мужны, адважны, рашучы, справядлівы, разважлівы, мілосэрны)». Відавочна, што этас С. Маскевіча мае не толькі саслоўнае, але і «каставае» вымярэнне, звязанае з прыналежнасцю аўтара да служылага, воінска-рыцарскага стану. Па-салдацку скупы на эпітэты, тым больш метафары, мемуарыст рэгіструе ваенныя падзеі, час ад часу выяўляючы рознай ступені эмацыянальную зангажаванасць. Вось як, напрыклад, апісвае ён лёс воінаў, якія адчайна спрабуюць выбрацца з адной з палаючых вежаў Крымгарада (Крамля): «Нямала іх, зрэшты, і згарэла, не дабраўшыся да вокнаў. (Мы назіралі за ўсім з замка, сэрца сціскалася ад жалю, [але] мы нічым не маглі дапамагчы: не было сіл.)» [5, с. 84]. «Сэрца сціскалася ад жалю», – такая эмацыянальная рэакцыя пісьменніка на жахлівую гібел таварышаў.

Гэтая, з сённяшняга пункта погляду, аўтарская «неэмацыянальнасць» пры апісанні ваенных падзеяў назіраецца на працягу ўсяго твора. Яе прычынай, відавочна, была сярэднявечная традыцыя ўспрымання вайны як звычайнага, натуральнага для рыцарскага саслоўя становішча, як да магчымасці рэалізацыі сваіх прафесійных навыкаў. Усе няшчасці, разбурэнні і смерці пры такім разуменні вайны – яе неад'емныя атрыбуты. Сказанае не азначае, што аўтар выяўляе нейкую раўнадушнасць, эмацыянальную глухасць і абыякавасць да таго, што апісвае. Прыйчыны такіх або іншых адносін могуць раскрывацца/не раскрывацца ў самім тэксле твора, але ў любым выпадку тут многае залежыць ад шматлікіх пазатэкставых акалічнасцей (светапогляд, этас, мараль, звычаі, традыцыі, асаба аўтара, жанр, асабістая адносіны – сімпатыя/антыхіпатыя і інш.).

Адметнасць выяўлення С. Маскевічам эмацыянальнасці ў «Дыярыушы» відавочная ў падвойнанні з іншымі падобнымі творамі. «Дыяриуш» стаіць асобна ў шэрагу тагачасных мемуараў і аўтабіографій; аўтара, па слушнай заўваже С. Л. Гараніна, адрознівае «нейкая вытанчанасць, прыроджаная інтэлігентнасць натуры, што прыўзняло яго вобраз над асяроддзем» [1, с. 713]. Правыя такай вытанчанасці рассыпаны па ўсім творы: «На Новы, 1607, год з’явілася вялікая і вельмі яскравая вясёлка, як сярод лета. Быў дождж» [5, с. 29]. Звычайны летапісец абышоўся б тут фразай «з’явілася вясёлка», аднак жа аўтар палічыў патрэбным удакладніць апісанне прыроднай з’явы і патлумачыць яе прычыну («Быў дождж»). Фразы «вялікая і вельмі яскравая», «як сярод лета» служаць стварэнню такога вобраза вясёлкі, які ёсць «не адцягнены тэрмін, а эмацыянальны» [6, с. 11]. Нягледзячы на звязанае з вайной непазбежнае агрубленне нораваў, аўтар здольны да пэўнай эстэтычнай рэфлексіі. Вось як, для прыкладу, ён апісвае Москву: «Паўсяоль вельмі шмат як мураваных, так і драўляных цэрквяў, і калі ва ўсіх цэрквях пачыналі званіць на абедню, здавалася, што чуеш штосьці неверагоднае. Мы ж усё гэта за тры дні ператварылі ў попел, такая вялікая краса гэтага месца згінула за даволі кароткі час» [5, с. 70–71].

Паколькі эмоцыі і пачуцці з’яўляюцца толькі адным з відаў суб’ектыўных адносін чалавека да рэчаіннасці, зразумела, што эмацыянальны фон твора не можа быць пастаянным, розныя эпізоды павінны мець свае **эмацыянальныя акцэнты**. У «Дыяриушы» С. Маскевіча яны, звычайна, выражаюцца непасрэдна, праз вобразнасць і лексіку апісання: «Процьма незлічоная, страшна было на яе глянуць пры мізэрнай лічбе нашага войска!», «Хай тыя распавядуць падрабязней, хто толькі назіраў, а мне было цяжка, бо свой пот аціраў» [5, с. 48], «[Брат], небарака, трапіў да нас на забаву: дыміцца спаленая вёска, а непрыяцель забраў ўсё!» [5, с. 98]. Аднак адметны эмацыянальны фон можа стварацца таксама і з дапамогай пафасу, узнёслага стылю выкладу, алізій, як у сцэне паводзін гетмана С. Жалкеўскага падчас Клушынскай бітвы 1610 г.: «Гетман, назіраючы з пагорка, як нашыя нібы ў пякельнае адхланне правальваліся (...) ужо страціў надзею на сябе і ўсіх нас і, як другі Ешуа, узніўшы руکі, увесь час прасіў перамогі» [5, с. 48]. Тут праз біблейскую алі-

зю С. Маскевіч супастаўляе гетмана з Ісусам Навінам, які натхняў «абраны народ» на барацьбу з ворагам (Іс. Нав., 8, 18–26). Гэта дазволіла прадставіць баталію ў кантэксле вырашальнай бітвы паміж дабром і злом. Вобраз гетмана зрабіўся па-мастаку бачным, а сам аповед узбагаціўся калартнай, эмаксыянальна насычанай (праз адсылку да біблейскай гісторыі) эпічнай сцэнай.

Уся сукупнасць базавых эмоцый, прадстаўленых у «Дыярышы» С. Маскевіча, можа быць падзелена на дзве групы. Першая з іх – *эмоцыі і пачуцці, выражаныя імпліцитна*, яны не называюцца аўтарам наўпрост, але могуць быць узноўлены з кантэксту. Напрыклад (тут і ніжэй усе падкрэсліванні нашы. – А. Б.), кры́да: «Неўзабаве пасля спалення [акта] канфедэрациі ўсе перамяніліся, як і літоўскі канцлер да мяне (а каб да яго ўсе людзі на свеце і сам Бог так пастаўліся!)» [5, с. 114], жалоба: «Ва ўсім тым была датрымана яго воля, і такі высокі родам, славуты, паважаны ў Айчыне чалавек атрымаў пасля смерці адно некалькі локцяў кіру на аббіўку труны» [5, с. 124], стомленасць і адчай: «З усіх бакоў вясёлыя навіны! Панцыр не злазіць з хрыбта, але карысць з таго невялікая» [5, с. 71], трывожнасць: «Вестка вестку даганяе, але ўсе не-весёлыя» [5, с. 47] і інш. Сюды ж павінны быць аднесены і шматлікія прымайкі, прыказкі і параўнанні, якія з'яўляюцца адметнасцю мастака С. Маскевіча і, як правіла, выражаюць пэўныя псіхалагічныя аспекты паводзін людзей: залежнасць («як навучыў, так яму і давялося скакаць» [5, с. 31]), бязлітаснасць («за што воўк учапіўся, з таго спажывы не чакай» [5, с. 89]), цярпіцівасць, вытрымку («пражыў там два гады, першым тут асела шумавінне на піве» [5, с. 112]), бессэнсоўнасць дзеяння («нам цяжка – таўчэмся, як у віры» [5, с. 48]), баязлівасць («тое гаварыла ў ім заечая душа» [5, с. 78]), панічны настрой, нелагічны дзеянні («З'яўленне новага войска ўстрывожыла непрыяцеля, які ў беспарадку (паводле тагачаснай прымайкі: “Сядлай порткі, давай каня”) кінуўся наўцёкі» [5, с. 48]) і інш.

Другую групу ўтвараюць *эмоцыі і пачуцці, выражаныя экспліцитна*, з дапамогай эмаксыянальна зараджаных лексем: «Яны былі з намі шчырыя», «толькі тады нас ахапіла трывога» [5, с. 59], «Як Гасеўскім, так і п. Струsem рухала зайдрасць» [5, с. 100], «са шкадаваннем развітаўшыся з ям. княгінія, я выехаў з Карца» [5, с. 25], «Мы радаваліся яму, як радуецца Бог добраі душы» [5, с. 75], «страху нішто не аплаціць» [5, с. 99], «Непадалёк ад тae царквы ёсць звон, выліты выключна дзеля пыхі» [5, с. 68] (гаворка пра Цар-звон у Крамлі) і інш.

Нярэдка С. Маскевіч звяртаецца да сцілага апісання пэўных *псіхалагічных сітуацый* з раскрыццём іх прычын. Вось нанятыя літоўскім войскам нямецкія жаўнеры падыходзяць да маскоўскага астрога, і схаваныя там маскавіты, «бачачы іх, упалі духам і началі прасіцца на заўтра на розговор» [5, с. 52]. Вось «Патоцкія, рухомыя выключна жаданнем здабыцца асабістасці славы, спадзеючыся на хуткую здачу Смаленска і прыўлашчванне перамогі, не хацелі выступаць у поле ды ўзбунтавалі таварыства – за непаслушнствам войска схавалі ўласнае непадпарадкаванне» [5, с. 44]. Гетман звяртаецца да бунтаўшчыкоў з заклікам адумацца, жаўнеры на знак пратэсту пакідаюць лагер, але ў выніку, «бачачы, што іх больш не ўпрошваюць, назаўтра самі прыйшлі да нас» [5, с. 46]. Часам аўтар звяртаецца да больш дэталёвага апісання, як у выпадку «сяброўства» паміж прышлым літоўска-польскім войскам і жыхарамі Масквы: «Некалькі тыдняў пражылі ва ўзаемным недаверы. Нібы й сябруем з імі, а за пазухай камень, як у іх кажуць; бывае адзін у аднаго на банкетах, а ўсё ж яны нам не давяраюць. Мы таксама мусілі захоўваць вялікую асцярожнасць: дзень і нач пры брамах і на асобных скрыжаваннях [стаяла] ахова» [5, с. 57]. У асобных эпізодах «Дыяришы» аўтар займае эмаксыянальна нейтральную пазіцыю, імкнецца да аб'ектыўнай ацэнкі паводзін абодвух бакоў, як у разважанні аб прычынах бунту маскоўцаў: «Па шчырасці, не магу сказаць, хто пачаў, у нас была прычына ці ў маскоўцах. Але ўсё ж, відаць, нашыя далі падставы для тых хваляванняў, спяшаючыся падчысціць дамы да прыходу іншых; відаць, хтосьці не папусціў кры́уды, а потым ужо цяжка было і стрымаць» [5, с. 71].

Найбольш цікавымі з мастака боку з'яўляюцца тыя месцы твора, дзе падзеі ацэніваюцца праз суб'ектыўнае ўспрыманне, бо калі ў творы «не чуваць асабістага голасу, то такі твор трэба аднесці ўжо не да мемуарнай, а да чиста гістарычнай літаратуры» [4, с. 10]. У падобных выпадках мы маєм справу з *аўтарскай ацэнкай* – адносінамі творцы да апісаных ім падзей; выражэнне такіх адносін у тэксце немагчымае без эмаксыянальнага складніка. Зразумела, што «эмоцыя не дae прамой ацэнкі, а суправаджае яе пэўнымі адносінамі да прадмета ацэнівання», г. зн. «эмоцыя сама па сабе не надзелена сэнсам, аднак адносінца да сэнсаспараджальных рэгуля-

тараў» [2, с. 91]. У творы С. Маскевіча аўтарская ацэнка суправаджаеца, як правіла, адным-дву-ма эмацыянальна зараджанымі словамі, якія могуць разглядацца таксама і ў якасці эматываў, паколькі самі па сабе ўжо ствараюць ва ўяўленні рэцыпента ўстойлівыя вобразы: «З вартаснага войска пайшло туды няшмат: усё сцегачы, а шляхты дык і зусім мала, пераважна з нешматлікіх гусарскіх харугваў» [5, с. 42], «Нашыя ж павяліся не як рыцары, а як сапраўдныя бабы ці, дакладней, прасталыткі: ніводзін не адважыўся выйсці з лагера!» [5, с. 131], «Калі б тое сталася з бяднайшым, ён зазнаў бы вялікага няшчасця, а гэтаму і кат не перашкода» [5, с. 30], «І ўсё войска моцна караў пасля той прысягі Госпад Бог: відаць, шмат было крыватрысяжнікаў» [5, с. 79–80].

Многім аўтарскім ацэнкам спадарожнічаюць *каларытныя апісанні*, якія, безумоўна, з прычыны сваёй спецыфікі не маглі не спараджаць з боку рэцыпента пэўных эмоцый у адказ. Сказане да-тычыць у першую чаргу апісання нораваў і звычаяў, што панавалі ў пачатку XVII ст. у Маскоўскай дзяржаве і ўспрымаліся на заход ад яе меж прынамсі як своеасаблівая экзотыка. Прыкладам можа паслужыць згадка гісторыі з «пакараннем» Тыранам (царом Іванам IV) маскоўскай царквы св. Міхала Арханёла, у якой «склаў маскоўскі цар абязцяне, просьчы ў св. Міхала перамогі над польскім каралём; а паколькі пайшло не па яго задуме, угневаўшыся, загадаў сарваць з яе ўсё аздабленне і забраць скарб, а верх збіць гарматамі, і аддаў яе *в опалу*, у якой яна і сёння перарабывае» [5, с. 37].

Найбольшую ўвагу, аднак, мемуарыст надае апісанню і ацэнцы звычаяў і побыту рускага народа, а дакладней, псіхалогіі паводзін мас. «У пытанні веры сярод простага люду – вялікае невузутства. Калі кароль падышоў да Смаленска, навакольны люд пачаў уцякаць з быдлам у лясы, беручы з сабой з дому і абразы, на якія ўскладае празмерныя спадзяванні», – адзначае С. Маскевіч [5, с. 37]. Следам падаецца каларытная сцэна паводзін сялян пасля таго, як жаўнеры знайшли іх у лесе і адабралі быдла: «Гневаючыся на абразы, на знак ганьбы паразвешвалі іх на дрэвах дагары, кажучы: “Мы молімся вам, а вы нас ад літвы не ўбераглі”. А іншы, калі ўначы злодзея вывеў з яго хлява вала, скапіў са сцяны абраз і кінуў праз акно на хлеў (а той упаў у гной) ды сказаў: “Я тебе молюся, а ты мене от татя не борониш”» [5, с. 37]. У іншым эпізодзе, разва-жаючы аб прычынах негатыўнага стаўлення маскоўцаў да еўрапейскіх танцаў (“Шаноўны ж чалавек, – кажучы – павінен сядзець на сваім месцы і, пазіраючы на выкрунтасы *шута*, весляіцца, а не сам быць *шутом* для іншага” [5, с. 62]), аўтар прыходзіць да высновы, што прычына – у ад-сутнасці свабоды для жанчын, якім не дазваляеца «нідзе [паказвацца] на людзях, апрача цар-квы» [5, с. 63]. І нават дазваляе себе пэўныя гумарыстычны абертоны: калі б маладым хлапцам «дазвалялася сядзець з дзяўчынамі так свабодна, як у нас, то веру, што хлапец загарэўся б ды паварочаў бы лавы, а не толькі танчыў з дзяўчынай» [5, с. 64].

Пры ўсёй значнасці прыведзеных эпізодаў для мастацка-эстэтычнага плана твора «“падзеи-ны” бок мемуарыстыкі павінен цікавіць літаратуразнаўства куды менш, чым яе герой, тагачасны чалавек» [4, с. 10]. Проблема, аднак, у тым, што ў творах мемуарнага жанру раскрыццё характару героя адбываецца пераважна праз апісанне падзеі. Тым большую каштоўнасць уяўляюць нешматлікія эпізоды, звязаныя з самім аўтарам, у якіх ён не толькі выступае ў якасці героя ўласнага твора, але і дае самацэнку. У гэтым «Дыярыуш» С. Маскевіча набліжаецца да літаратуры Новага часу. Вобраз аўтара, якім ён паўстае ў «Дыярыушы», прадстаўляе кемлівага, разважлівага, рацыяналістычна настаўленага да рэлігіі чалавека, не пазбаўленага, аднак, веры ў містычнае, звышнатуральнае; ён ацэньвае чалавека па яго заслугах, скільны да рэфлексіі ў пытаннях маралі, рэлігійнага жыцця, палітыкі. Здольны ён ацаніць і ўласныя паводзіны і разлікі: «Пад-час гэтага трывалу я лёгка мог ажаніцца, аднак перашкодзіла мне благая кампанія. І так усё пайшло ўпустую: упусціў вялікія і добрыя магчымасці, якія, лічы, трymаў у руках» [5, с. 129]. Як бачым, тут няма гаворкі пра нейкія пачуцці да выбранніцы, аўтар сумленна і шчыра паведамляе пра ўласны разлік у гэтай справе – «упусціў вялікія і добрыя магчымасці». Гэтая шчырасць, «інтэлігентнасць натуры» і ўтварае тое эмацыянальнае абрамленне, якое характарызуе ўвесь твор. Менавіта таму С. Маскевіч не вагаецца паведаміць, чаму падмануў маскоўскага баярына Фёдара Галавіна, які меў сваяка ў Літве, «прыдумаўшы шмат такога, што магло б прыдацца для завязвання такога знаёмства, але чаго *in rerum natura* не было. [...] Я ж, нічога не ведаючы, выдаваў свае выдумкі за дакладныя звесткі. Ад таго часу мы з ім пакуміліся і пасябравалі, што прынесла мне вялікую выгоду. [...] асабліва падчас перавароту яго сяброўства было мне, як вянок ружаў» [5, с. 60–61].

Высновы. Такім чынам, аналіз «Дыярыуша» С. Маскевіча ў заяўленым аспекте дазваляе зрабіць наступныя высновы.

1. Нягледзячы на відавочную скіраванасць да падзеінай апісальнасці, абумоўленую жанрам твора, выяўленыя ў «Дыярыушы» праявы эмацыянальнага ўказываюць на мастацкую прыроду дадзенага твора, моцную прысутнасць суб'ектыўнага пачатку, спарадычнае імкненне аўтара да эстэтычнай ацэнкі.

2. У многім названыя асаблівасці могуць быць патлумачаны этаснымі ўстаноўкамі пісьменніка, яго прыналежнасцю да шляхецка-войскага саслоўя. Аднак эмацыянальная рэакцыя і ступень іх выяўленасці ўказываюць, што галоўную ролю тут адыграла аўтарскае ўспрыманне свету, яго імкненне даць праўдзівае (у яго разуменні) апісанне падзеі і выкліканых імі пачуццяў.

3. Істотна, што эмацыянальная рэакцыя маюць як імпліцытнае (кантэкстуальнае), так і экспліцытнае (з дапамогай эмацыянальна зараджаных лексем, параўнанняў) выражэнне, якое часта суправаджаеца аўтарскімі ацэнкамі, каларытнымі апісаннямі і дэталямі.

4. Эмацыянальныя акцэнты расстаўляюцца шляхам падбору эмацыянальна зараджанай лексікі і эматываў, праз алюзіі, стыль выкладу і агульны пафас асобных эпізодаў, праз зварот аўтара да апісання псіхалагічных ситуаций і псіхалогіі паводзін мас. Эпізоды, у якіх аўтар выступае ў якасці героя ўласнага твора і дае самаацэнку, служаць умацаванню эмацыянальнай сувязі паміж ім і рэципіентам.

Артыкул падрыхтаваны ў межах выканання тэмы Г20Р-383 пры падтрымцы Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў.

Спіс выкарыстаных крыніц

- Гаранін, С. Л. Гістарычна-мемуарная літаратура / С. Л. Гаранін // Гісторыя беларускай літаратуры XI – XIX стагоддзяў : у 2 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы. – Мінск, 2006. – Т. 1 : Даўняя літаратура: XI – першая палова XVIII стагоддзя. – С. 682–748.
- Калядка, С. У. Літаратуразнаўчая тэорыя паэтычнай эмоцыі / С. У. Калядка. – Мінск : Беларус. навука, 2018. – 350 с.
- Літературны́й энциклопедічны́ слоўтар / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Ніколаева. – М. : Совет. Энцикл., 1987. – 752 с.
- Мальдзіс, А. Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя: нарысы быту і звычаяў / А. Мальдзіс. – Мінск : Маст. літ., 1982. – 256 с.
- Маскевіч, С. І. Дыярыуш / С. І. Маскевіч // Дыярыушки XVII стагоддзя (1594–1707 гады) / уклад., пер. з пол. мовы А. У. Бразгуной ; рэдкал.: А. У. Бразгуной [і інш.]. – Мінск, 2016. – С. 21–151.
- Орлов, А. С. Древняя русская литература XI–XVI вв. / А. С. Орлов. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1937. – 379 с.
- Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. – М. : Изд-во Кулагиной : Intrada, 2008. – 357 с.

References

- Garanin S. L. Historic-memoir literature. *Gistoryya belaruskai litaratury XI–XIX stagoddzyau. T. 1. Daunyaya litatura: XI – pershaya palova XVIII stagoddzya* [History of the Belarusian literature of the 11th – 19th centuries. Vol. 1. Old literature: the 11th – the first part of the 18th century]. Minsk, 2006, pp. 682–748 (in Belarusian).
- Kalyadka S. U. *Literary theory of poetical emotion*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2018. 350 p. (in Belarusian).
- Kozhevnikov V. M., Nikolaev P. A. *Literary encyclopedic dictionary*. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1987. 752 p. (in Russian).
- Mal'dzis A. *Belarus in the mirror of the memoir literature of the 18th century: outlines of domestic life and customs*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1982. 256 p. (in Belarusian).
- Maskiewicz S. I. Diary. *Dyyaryushy XVII stagoddzya (1594–1707 gady)* [Diaries of the 17th century (1594–1707)]. Minsk, 2016, pp. 21–151 (in Belarusian).
- Orlov A. S. *Old Russian literature of the 11th – 16th centuries*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences publishing house, 1937. 379 p. (in Russian).
- Tamarchenko N. D. (ed.). *Poetics: a dictionary of actual terms and definitions*. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi Publ., Intrada Publ., 2008. 357 p. (in Russian).

Інформация об авторе

Брезгунов **Александр Владимирович** – кандидат філологіческих наук, ведучыі научныі сотрудник. Цэнтр исследаваній беларускай культуры, языка и литературы, Национальная академія наук Беларусі (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Мінск, Беларусь). E-mail: beowulf.bel@gmail.com

Information about the author

Alaxandr U. Brazgunou – Ph. D. (Philol.), Leading Researcher. Centre for Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganova Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: beowulf.bel@gmail.com

ПРАВА

LAW

УДК 342.92
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-110-117>

Поступила в редакцию 20.04.2021
Received 20.04.2021

Б. К. Ладутько

Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь

**АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ:
ТЕНДЕНЦИИ, ДОСТИЖЕНИЯ, ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ**

Аннотация. Рассмотрены основные тенденции, достижения и проблемы формирования и реализации административно-деликтной политики Республики Беларусь как стратегии управления государством по обеспечению законности и правопорядка, борьбы с административными правонарушениями в различных сферах общественных отношений. Современные задачи государства предопределяют трансформацию и новые тенденции развития административно-деликтной политики государства. Наиболее ярким проявлением этих изменений выступает реформирование законодательства об административных правонарушениях, предусмотренные в результате проведенной его реформы. Для повышения эффективности формирования и реализации административно-деликтной политики обоснована необходимость применения инструментов правового прогнозирования последствий введения новых запретов и мер административно-правового принуждения. Разработана система показателей для проведения полного цикла оценки регулирующего воздействия законодательства об административных правонарушениях. Обосновано расширение субъектов и объектов оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов в сфере применения мер административно-правового принуждения.

Ключевые слова: административно-деликтная политика, законодательство об административных правонарушениях, правовое прогнозирование, оценка регулирующего воздействия, оценка фактического воздействия

Для цитирования: Ладутько, В. К. Административно-деликтная политика Республики Беларусь: тенденции, достижения, повышение эффективности реализации / В. К. Ладутько // Вес. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 1. – С. 110–117. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-110-117>

Viyaleta K. Ladutko

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

**ADMINISTRATIVE AND DELICT POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS:
TRENDS, ACHIEVEMENTS, INCREASING THE EFFICIENCY OF REALIZATION**

Abstract. This article discusses the main trends, achievements and problems of forming and implementing the administrative and delict policy of the Republic of Belarus as a strategy of governing the state to ensure law and order, combating administrative offenses in various spheres of public relations. The modern tasks of the state predetermine the transformation and new trends in the development of administrative and delict policy of the state. The most striking manifestation of these changes is the reform of the law on administrative offences. The main innovations of the law on administrative offences, provided for as a result of its reform, are presented. In order to improve the efficiency of the formation and implementation of administrative and delicate policies, the need for legal forecasting tools for the consequences of new prohibitions and measures of administrative and legal coercion is justified. A system of indicators has been developed to conduct a full cycle of assessment of the regulatory impact of administrative law. The expansion of the subjects and facilities for assessing the regulatory impact of regulations in the application of administrative and legal coercion measures is justified.

Keywords: Administrative and tortuous policy, administrative law, legal forecasting, regulatory impact assessment, actual impact assessment

For citation: Ladutko V. K. Administrative and delict policy of the Republic of Belarus: trends, achievements, increasing the efficiency of realization. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 1, pp. 110–117 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-110-117>

Введение. Эффективная стратегия управления государством обусловлена созданием действенного механизма государственной политики, соответствующего конституционным основам и долгосрочным целям устойчивого развития. Инструментальные механизмы формирования и реализации государственной политики позволяют определять приоритетные направления развития государства и общества, влиять на принятие государственно важных решений, осуществлять мониторинг социально-политической ситуации в стране, а также контроль за реализацией государственной политики, оценку результативности принятых решений.

Проблемы формирования и реализации административно-деликтной политики и ее основы – административной деликтологии – стали предметом научных дискуссий среди зарубежных ученых, в частности, исследовались в работах А. П. Шергина, Е. В. Додина, В. Е. Севрюгина, Ю. Н. Старицова и др.

Вопросы формирования и реализации административно-деликтной политики в теоретическом аспекте в нашей стране были исследованы фрагментарно, поскольку внимание ученых в большей степени было сконцентрировано на феномене правовой политики в целом. В этой связи в данной статье затронуты принципиально новые аспекты понимания административно-деликтной политики с усилением роли научного обоснования при ее формировании и совершенствовании, а также использования инструментов правового прогнозирования при введении новых административно-правовых запретов, соблюдения прав и законных интересов субъектов административно-деликтных отношений. Не менее важным моментом в этом вопросе является научное ядро при проведении реформ административно-деликтного законодательства.

Административно-деликтная политика как составная часть правовой политики. Традиционно правовая политика исследуется преимущественно с позиции общей теории государства и права. Как отмечает М. Н. Марченко, это «является вполне понятным и оправданным, поскольку речь идет о правовом явлении и, соответственно, «правовой политике» как юридической категории». Однако такой подход не дает и не может дать полного представления об исследуемом явлении. Ведь правовая политика, как бы она ни понималась и ни представлялась, будучи по своей природе и характеру продуктом преимущественно государственной деятельности, формируется и осуществляется не только в сугубо государственной (точнее – государственно-правовой), но и в «негосударственной», в широком смысле, социальной среде» [1].

В научной литературе представлено большое количество мнений относительно понятия правовой политики. Наиболее приемлемым, с позиции предмета исследования в данной статье, является определение правовой политики как комплекса идей, мер, задач, целей, программ, реализуемых в сфере действия права и посредством права, формирующего стратегию государства в правовой сфере [2, с. 647].

Не вдаваясь в суть представлений о данной категории, следует отметить два принципиально важных теоретических момента в исследовании правовой политики. Во-первых, необходимо дифференцировать «собственно саму правовую политику как стратегию государства в правовой сфере (своего рода политику в статике) и механизм ее осуществления, правовую политику как процесс реализации соответствующих идей, программ и т. п. (правовую политику в динамике)». Во-вторых, недопустимо смешение правовой политики с другими видами социальной политики – экономической, культурной и др., которые опосредуются правом и осуществляются в рамках права. Правовая политика тем самым имеет статус самостоятельного и постоянного явления [1].

Указанный подход вполне обоснован, поскольку следует различать субъектный состав формирования и осуществления правовой политики, а также инструменты ее формирования и реализации, другие аспекты. Следовательно, в целом различию подлежат механизм реализации правовой политики и механизм ее формирования.

В научной литературе не сложилось единого представления о принципах формирования правовой политики и принципах ее реализации. Как справедливо отметил В. А. Рудковский, правовая политика начинается с определения принципиальной позиции государства по ключевым вопросам правового развития общества, а не с активизации правотворчества или иной юридической деятельности [3].

Административно-деликтная политика в научной литературе определяется как часть обще-государственной политики, представляющая «собой деятельность государства и общества по выработке и осуществлению мер, направленных на борьбу с административными правонарушениями и их предупреждение». Научной базой для формирования административно-деликтной политики, создания общегосударственной системы мер предупреждения административных правонарушений является административная деликтология [4, с. 8–9].

Еще в 1990-е гг. известный российский ученый-административист А. П. Шергин обосновал наличие «комплекса административно-деликтологических наук – науки административно-деликтного права, административной политики и административной деликтологии» [5, с. 60].

Развивая и поддерживая данное положение, П. Ю. Константинов, А. К. Соловьева, А. П. Стуканов полагают, что проведение административной реформы должно сопровождаться достижениями этого комплекса административно-деликтологических наук. Научной основой административно-деликтной политики является не только наука административно-деликтного права, но и административная деликтология и теория административной деликтолизации деяний [4, с. 7].

Придерживаясь указанного подхода, проведение реформы законодательства об административных правонарушениях должно основываться на фундаментальных разработках административно-деликтологических наук.

А. П. Шергин выделяет несколько составляющих административно-деликтной политики: «социально и научно обоснованная деликтолизация деяний, разработка системы действенных, справедливых и целесообразных административных наказаний; быстрое выявление и полное раскрытие административных правонарушений, правильная квалификация деяний и назначение наказания виновным; своевременное исполнение административных наказаний; предупреждение административных правонарушений» [6, с. 43].

По нашему мнению, административно-деликтная политика как составная часть государственной правовой политики представляет собой стратегию управления государством по обеспечению законности и правопорядка, борьбы с административными правонарушениями в различных сферах общественных отношений. Отдельного нормативного правового или иного акта, утвердившего такую стратегию, в нашей стране нет. В большей степени формирование административно-деликтной политики и ее развитие происходит стихийно, без планирования и прогнозов, без учета причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений. Единственным источником для анализа проводимой работы по борьбе с административными правонарушениями является статистика.

Реформа законодательства Республики Беларусь об административных правонарушениях: достижения, ожидания и научный прогноз. Современные задачи государства предопределяют трансформацию и новые тенденции развития административно-деликтной политики государства. Наиболее ярким проявлением этих изменений выступает реформирование законодательства об административных правонарушениях. Законодательство Республики Беларусь об административных правонарушениях подвержено частым изменениям, даже в большей степени, чем иные отрасли законодательства. Произошедшая его реформа (с 1 марта 2021 года вступили в силу новые Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) [7] и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) [8]) отражает новые тенденции и достижения, на некоторых из них остановимся подробнее.

Следует отметить, что ежегодно в Беларуси совершается более 4 млн административных правонарушений. Для нашей страны с почти десятимиллионным населением – это достаточно существенное количество. Наибольшее число правонарушений фиксируется в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта. В этой связи возникла необходимость переориентации деятельности государственных органов в сторону предупреждения правонарушений. Поэтому принципиально новые подходы к дифференциации административных правонарушений, меры профилактического воздействия, заложенные в КоАП, направлены именно на усиление профилактической функции административной ответственности, недопущение совершения правонарушений.

Впервые в истории развития административно-деликтного законодательства в КоАП закреплены цели административной ответственности – воспитание лица, совершившего правонарушение, предупреждение совершения новых правонарушений, восстановление социальной справедливости. Позиция законодателя, безусловно, важна для науки административно-деликтного права, поскольку в литературе уже долгое время ведутся дискуссии о целях административной ответственности.

В новом КоАП установлен подход к категоризации административных правонарушений на административные проступки, значительные административные правонарушения и грубые административные правонарушения, что позволяет смягчить и даже исключить привлечение к административной ответственности. Например, при наличии оснований лицо освобождается от административной ответственности за совершение административного проступка с вынесением предупреждения. Также закрепленный подход влияет на сроки, по истечению которых лицо считается не подвергшимся административному взысканию. Например, если гражданин превысил скорость, это деяние будет относиться к административным проступкам, и он будет считаться не подвергнутым административной ответственности с момента уплаты штрафа, а не в течение года, как это было установлено ранее.

Впервые в КоАП включены меры профилактического воздействия, к которым отнесены устное замечание, предупреждение и меры воспитательного воздействия (в отношении несовершеннолетних). Профилактические меры воздействия применяются при освобождении лица, совершившего административное правонарушение, от административной ответственности для предупреждения совершения данным лицом новых правонарушений. Принятие новых КоАП и ПИКоАП по своей сути является признанием того, что профилактическая функция административной ответственности и применения профилактических мер воздействия – это первостепенная задача для органов, наделенных полномочиями для привлечения к ответственности.

В новом КоАП особое внимание уделено либерализации административной ответственности несовершеннолетних, в частности, выделена самостоятельная глава, устанавливающая особенности такой ответственности. В первую очередь следует отметить сокращение количества статей (до 6), по которым возможно привлечение несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет, ранее таких статей было 16. Также при наложении административного взыскания на несовершеннолетнего учитывается ряд обстоятельств, впервые закрепленный в КоАП, например, условия его жизни и воспитания, влияние на его поведение родителей и др. Возможно и освобождение несовершеннолетнего от ответственности с применением предупреждения, применение мер воспитательного характера, к примеру, извинение перед потерпевшим, ограничение досуга и др.

Одной из новаций также является появление нового вида административного взыскания – общественные работы. Общественные работы как вид наказания в настоящее время предусмотрены в Уголовном кодексе. Основное отличие от уголовного наказания – это то, что общественные работы в соответствии с КоАП назначаются как основное административное взыскание и только при наличии согласия гражданина. Поскольку это новый вид административного взыскания, предполагающий общественно полезную деятельность лиц, привлекаемых к ответственности, спрогнозировать его широкое применение и практическую реализацию достаточно трудно. Возможно, это будет довольно затратный вид административного взыскания, требующий обеспечения привлекаемых к ответственности лиц специальной одеждой, инвентарем, техникой и другими средствами. Кроме того, отдельным нормативным правовым актом должны быть определены виды деятельности, к которым будут привлекаться граждане для выполнения общественных работ, их права и обязанности.

В новые КоАП и ПИКоАП внесены также изменения и для привлечения к административной ответственности водителей за правонарушения против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Учрежден максимальный срок лишения такого права. За управление транспортным средством в состоянии опьянения в зависимости от степени опьянения установлен дифференцированный подход, максимальный срок лишения составляет 5 лет. Данный подход вполне обоснован статистическими данными и практикой привлечения лиц к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения.

Изменения (в части расширения сферы применения) коснулись и оснований освобождения от административной ответственности, в частности, при малозначительности и в случае вынесения предупреждения при освобождении от административной ответственности. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 8.3 КоАП лицо, совершившее административный проступок, освобождается от административной ответственности с вынесением ему предупреждения при одновременном соблюдении следующих условий: оно признало факт совершения им правонарушения и выразило согласие на освобождение от административной ответственности с вынесением предупреждения; в течение одного года до совершения административного проступка на лицо не налагалось административное взыскание и лицо не освобождалось от административной ответственности за такое же нарушение.

Ожидания и научный прогноз от введение в действие новых кодексов очевидны. Конечно, не все проблемы будут решены после вступления в силу новых кодексов. Не менее важным вопросом при совершенствовании законодательства об административных правонарушениях является исключение плановости сумм штрафов при формировании республиканского бюджета на очередной финансовый год. Штрафы по бюджетному законодательству относятся к неналоговым доходам республиканского бюджета и, следовательно, плановые показатели должны быть выполнены контролирующими органами, поскольку в противном случае бюджет будет не сбалансирован по доходам и расходам. В некоторые годы плановые суммы были увеличены в несколько раз по сравнению с предыдущими годами.

КоАП призван охранять и защищать права и законные интересы не только граждан и юридических лиц, но также общества и государства от правонарушений, посягающих на установленный правопорядок. Значительное количество статей было исключено из КоАП (порядка 200), в то же время появился ряд статей, призванных охранять возникшие общественные отношения. Полагаем, что принятые КоАП и ПИКоАП создали принципиально новую законодательную основу и позволяют усовершенствовать правоприменительную практику государственных органов и организаций при привлечении к административной ответственности в достижении провозглашенных ее целей, задач и принципов.

Применение инструментов прогнозирования при формировании и реализации административно-деликтной политики Республики Беларусь. В научной литературе, помимо принципов планомерности, эффективности, экономичности, сбалансированности и последовательности правовой политики, отдельно выделяется принцип научной обоснованности правовой политики и механизма ее реализации [9].

К сожалению, научная мысль порой не успевает за законодательными новациями. Поэтому для научного юридического сообщества есть возможность проанализировать законодательные новации с позиции научного обоснования и определения перспектив развития теории административно-деликтного права, а также совершенствования административно-деликтной политики.

В этом аспекте важнейшим инструментом для формирования и совершенствования административно-деликтной политики может выступать институт прогнозирования последствий принятия нормативных правовых актов, предусматривающих введение новых мер административно-правового принуждения, новых запретов, действия административно-деликтных норм, их влияние на реализацию прав и законных интересов физических и юридических лиц.

Однако в отечественной практике институт прогнозирования, как и его составляющая – оценка регулирующего воздействия (далее – ОРВ), имеет ограниченную сферу применения. Во-первых, ОРВ проводится только для проектов нормативных правовых актов, т. е. ОРВ не имеет полного цикла и не включает оценку фактического воздействия (далее – ОФВ) законодательства об административных правонарушениях. Во-вторых, предмет ОРВ имеет ограниченный характер, т. е. ОРВ не проводится в отношении административно-деликтных норм. Исходя из этого, новые редакции КоАП и ПИКоАП, которые вступили в силу в Беларуси с 1 марта 2021 года, не были подвергнуты ОРВ. В то же время новые редакции КоАП и ПИКоАП были представлены на общественное обсуждение на национальном правовом форуме, тем самым была предоставлена возможность всем гражданам и субъектам хозяйствования участвовать в публичных обсуждениях данных проектов кодексов, высказывать свои замечания и предложения.

OPB норм законодательства об административных правонарушениях, которыми устанавливаются новые составы правонарушений, новые меры административно-правового принуждения, требует разработки методических основ, которые должны определить единый подход к обсуждению и оценке положительных (выгоды) и отрицательных (затраты, издержки, барьеры) последствий, связанных с реализацией положений нормативного правового акта (НПА), в том числе определению затрат республиканского и местного бюджетов на применение НПА, описанию ожидаемых последствий на экономику и общественные процессы, влиянию на реализацию прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, привлекаемых к административной ответственности, и в целом на всех участников административного процесса, рассмотрению альтернативных вариантов решения проблем, регулируемых НПА.

Полагаем, что OPB должны подвергаться не только проекты НПА, но и уже действующее административно-деликтное законодательство. Тем самым необходим полный цикл OPB, включающий также и ОФВ, позволяющий скорректировать правоприменительную практику по делам об административных правонарушениях.

Важными показателями (или индикаторами) при проведении полного цикла OPB законодательства об административных правонарушениях могут выступать, в частности:

достаточность защитных механизмов правового регулирования той или иной сферы общественных отношений;

уровень динамики совершенных административных правонарушений по каждой категории дел;

количество лиц, привлеченных к административной ответственности, и структура субъектов ответственности;

соподчиненность и своевременность применения мер административно-правового принуждения;

количество случаев освобождения от административной ответственности и административного взыскания;

степень обеспечения равенства участников административного процесса перед законом;

количество отмененных постановлений по делам об административных правонарушениях в разрезе категорий дел;

количество поданных жалоб (протестов) на постановление по делу об административном правонарушении;

количество отмененных в административном или судебном порядке постановлений о наложении административного взыскания в разрезе оснований для отмены;

количество исполненных и не исполненных постановлений о наложении административных взысканий, а также другие показатели.

При привлечении к административной ответственности правоприменители (должностные лица, составляющие протоколы об административных правонарушениях, и должностные лица, рассматривающие определенную категорию дел) должны не только правильно применять нормы административно-деликтного законодательства, но и выявлять недостатки в правовом регулировании в соответствующей сфере, поскольку до определения эффективности охранительного воздействия норм законодательства об административных правонарушениях в первую очередь необходимо установить качество регулирующего законодательства. При обнаружении неэффективных регуляторных норм органы, ведущие административный процесс, должны обращаться в государственные органы для принятия мер по совершенствованию законодательства, определяющего порядок регулирования той или иной деятельности. В этой связи следует говорить о расширении участников осуществления OPB как полного цикла, включающего и ОФВ законодательства. Участниками OPB должны признаваться не только органы, инициирующие разработку НПА или разрабатывающие проект НПА, но и правоприменительные органы и организации.

Заключение. На основании проведенного исследования дано определение административно-деликтной политики как составной части правовой политики, которая представляет собой стратегию управления государством по обеспечению законности и правопорядка, борьбы с административными правонарушениями в различных сферах общественных отношений.

Представлены основные новации законодательства об административных правонарушениях, предусмотренные в результате проведенной его реформы. Наиболее прогрессивным изменением следует признать институционализацию мер профилактического воздействия, что по своей сути отражает признание и приданье первостепенного значения профилактической функции административной ответственности. Особое внимание уделено и профилактике совершения административных правонарушений несовершеннолетними.

Для повышения эффективности формирования и реализации административно-деликтной политики обоснована необходимость применения инструментов правового прогнозирования последствий норм законодательства об административных правонарушениях, предусматривающих введение новых мер административно-правового принуждения, новых запретов, действия административно-деликтных норм, их влияние на реализацию прав, свобод и законных интересов участников административного процесса.

Сделан вывод о том, что необходим полный цикл ОРВ, включающий также и ОФВ, позволяющий скорректировать правоприменительную практику по делам об административных правонарушениях. Для обеспечения осуществления ОРВ предлагается разработать методические основы, которые должны определить единый подход к обсуждению и оценке положительных (выгоды) и отрицательных (затраты, издержки, барьеры) последствий, связанных с реализацией положений НПА, в том числе определению затрат республиканского и местного бюджетов на применение НПА, описанию ожидаемых последствий на экономику и общественные процессы, влиянию на реализацию прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, привлекаемых к административной ответственности, и в целом на всех участников административного процесса, рассмотрению альтернативных вариантов решения проблем, регулируемых НПА.

Разработана система показателей (индикаторов) для проведения полного цикла ОРВ законодательства об административных правонарушениях, которая может составить основу методических рекомендаций по проведению ОРВ норм административно-деликтного законодательства.

Полагаем целесообразным расширение субъектов и объектов ОРВ НПА в сфере применения мер административно-правового принуждения. В частности, предлагается включение административно-деликтных норм в перечень объектов проведения ОРВ, а также отнесение правоприменительных органов к субъектам проведения ОРВ.

Список использованных источников

1. Марченко, М. Н. Правовая политика: понятие, субъекты, механизм реализации / М. Н. Марченко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. – 2013. – № 5. – С. 26–37.
2. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2000. – 772 с.
3. Рудковский, В. А. Принципы правовой политики: понятие и содержание / В. А. Рудковский // Вестн. Сарат. гос. юрид. акад. – 2016. – № 6 (113). – С. 11–14.
4. Константинов, П. Ю. Административно-деликтная политика как одно из направлений административной реформы в Российской Федерации / П. Ю. Константинов, А. К. Соловьева, А. П. Стуканов // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. – 2007. – № 1 (270). – С. 5–20.
5. Шергин, А. П. Проблемы административно-деликтного права / А. П. Шергин // Государство и право. – 1994. – № 8–9. – С. 52–65.
6. Шергин, А. П. Нужна теория административной деликтолизации / А. П. Шергин // Право и государство: теория и практика. – 2005. – № 1. – С. 41–45.
7. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // ЭТАЛОН. ONLINE. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100091>. – Дата доступа: 15.02.2021.
8. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 92-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=HK2100092&p1=1&p5=0>. – Дата доступа: 15.02.2021.
9. Трофимов, В. В. Научная обоснованность правовой политики как фактор минимизации рисков в динамической структуре права / В. В. Трофимов // Юрид. техника. – 2019. – № 13. – С. 368–377.

References

1. Marchenko M. N. Legal policy: the concept, the subjects, the mechanism of the implementation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo = Moscow University Law Bulletin*, 2013, no. 5, pp. 26–37 (in Russian).
2. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. (eds.). *Theory of state and law*. 2nd ed. Moscow, Yurist" Publ., 2000. 772 p. (in Russian).
3. Rudkovskiy V. A. Principles of legal policy: notion and content. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*, 2016, no. 6 (113), pp. 11–14 (in Russian).
4. Konstantinov P. Yu., Solovieva A. K., Stukanov A. P. Administrative and tort policy as one of the orientations of the administrative reform in the Russian Federation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, 2007, no. 1 (270), pp. 5–20 (in Russian).
5. Shergin A. P. Administrative and delict law problems. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1994, no. 8-9, pp. 52–65 (in Russian).
6. Shergin A. P. Is necessary the theory administrative of delictolisation. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: Theory and Practice*, 2005, no. 1, pp. 41–45 (in Russian).
7. *Code of the Republic of Belarus on Administrative Offences*, 6 January 2021, no. 91-Z. Available at: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100091> (accessed 15.02.2021) (in Russian).
8. Procedure-Executive Code of the Republic of Belarus on Administrative Offences, 6 January 2021, no. 92-Z. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=HK2100092&p1=1&p5=0> (accessed 15.02.2021) (in Russian).
9. Trofimov V. V. The scientific validity of legal policy as a factor in minimizing risks in the dynamic structure of the law. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2019, no. 13, pp. 368–377 (in Russian).

Информация об авторе

Ладутько Віолетта Константиновна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Центра системного анализа. Белорусский государственный экономический университет (пр. Партизанский, 26, 220070, Минск, Республика Беларусь). E-mail: violadutska@mail.ru

Information about the author

Viyaleta K. Ladutko – Ph. D. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Center for Systemic Analysis. Belarusian State Economic University (26 Partizanskii Ave., Minsk 220070, Belarus). E-mail: violadutska@mail.ru

ЭКАНОМИКА
ECONOMICS

УДК 330.13:330.15:630*8
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-118-124>

Поступила в редакцию 09.10.2020
Received 09.10.2020

Т. В. Каштелян

Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь

**ИННОВАЦИОННО-СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
ЛЕСНОГО СЕКТОРА БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ РЕНТНЫХ
ОТНОШЕНИЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ**

Аннотация. Методологической базой исследования инновационно-социально-экологической трансформации лесного сектора Беларуси явилась фундаментальная теория ренты. Цель работы – представить современные закономерности развития рентных отношений хозяйственных систем и необходимость их учета в экономической деятельности лесного сектора, наметить пути практического применения сложного дифференцированного знания о ренте в аспекте активных и пассивных (фоновых) поведенческих паттернов инновационно-социально-экологического развития национальной экономики.

Рассмотрены особенности и направления развития рентных отношений, основанные на анализе их институциональной организации в различных сферах экономической деятельности. Обоснованы компоненты структурно-логической модели единого институционального социо-экосистемно-экономического пространства, аргументирована потребность их встраивания в рентные отношения лесного сектора с учетом постановки целей инновационного развития. Обозначается роль импакт-финансирования в системе «обратных связей» лесного сектора как составляющей институциональной платформы устойчивого развития. Предлагается система средств-ценностей образования лесной ренты. Раскрывается содержание инновационно-социально-экологической трансформации лесного сектора Беларуси, характеризующейся созданием собственности на основе устойчивой управляемой стоимости ренты, требующей увязки разнообразных интересов и управленческих решений с инновационным рентным форматом экономических отношений через создание ресурсов и собственности.

Ключевые слова: рентные отношения, рентообразование, лесной сектор, инновации, развитие, социальная трансформация, экологические институты, экономические и социальные эффекты

Для цитирования: Каштелян, Т. В. Инновационно-социально-экологическая трансформация лесного сектора Беларуси в контексте закономерностей рентных отношений хозяйственных систем / Т. В. Каштелян // Вес. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 1. – С. 118–124. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-118-124>

Taisiya V. Kashtelyan

Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

**INNOVATIVE SOCIAL AND ENVIRONMENTAL TRANSFORMATION OF THE FOREST SECTOR
OF BELARUS IN THE CONTEXT OF MODERN THEORY OF RENT RELATIONS IN ECONOMY**

Abstract. Fundamental theory of rent is a methodological framework of a research of innovative social and environmental transformation of forest sector of Belarus. The purpose of the work was to highlight an importance of patterns of rent-based economies and the need for them to be accommodated in the economic relations of the forest sector, as well as to identify the operational applications of complex and differentiated knowledge of rents in an aspect of active and passive (monitoring, associative) behavioral patterns.

Analysis of the institutional organization of production is presented; the features and directions of development of rental relations are considered. Components of the structural and logical model of single institutional socio-ecosystem space that are embedded in the rental relations of society; are justified by the forestry practice. The role of impact investment and a “feedback” loop of the forestry sector as an institutional platform for sustainable development is outlined. The content of the innovative-socio-ecological transformation of the forestry sector in Belarus characterized by posing questions on property creation covered by stable and manageable value of rent, requiring the linking of various interests and management decisions with the rental format of economic relations as a mechanism for the transition to sustainable development through resources and property, is revealed.

Keywords: rental relations, rent formation, forest sector, innovation, development, social transformation, impact investing, ecological institute, economic and social effects

For citation: Kashtelyan T. V. Innovative social and environmental transformation of the forest sector of Belarus in the context of modern theory of rent relations in economy. *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 1, pp. 118–124 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-118-124>

Введение. Беларусь – одна из стран, которая не остается в стороне от проблем устойчивого эколого-экономического развития и «зеленого» роста. Ряд аспектов внедрения стандартов охраны окружающей среды в производство и финансирование эколого-ориентированных мероприятий дает основание говорить об институциональном совершенствовании экономических отношений и хозяйственного порядка. Осуществляется обсуждение вопросов трансформации видов экономической деятельности, связанных с потреблением возобновляемых природных ресурсов, в частности лесных. Однако система рентных отношений лесного сектора в едином дискурсе теоретического контекста несколько умалывается, в то время как она обладает потенциалом повышения эффективности и улучшения положения экономики в условиях усиленной глобальной конкурентной борьбы за средства к существованию, развития сложных «зеленых» рынков, интеллектуализации общества, демократизации собственности и др.

Устойчивое развитие на базе земель лесного фонда предполагает решение разноплановых, разнонаправленных проблем экономического роста с одновременным сохранением качества среды обитания и расширением масштабов «зеленого» финансирования. Институциональные преобразования и решения, связанные с финансами и экологическим регулированием, должны многопланово трансформировать социо-экологическую среду, обеспечивая «прозрачность» выгод природопользования, стимулы и эффективное развитие на базе стоимостных критерииев, связанных с проявлениями ренты. Содержание и назначение финансовых средств участников современных рентных отношений лесного сектора подлежат переосмыслению в аспекте достижения целей инновационного развития, которые представляются и с позиций инфраструктурных потребностей, и в аспектах сложных социально-экологических отношений «зеленого» роста. Имеются дискуссии по усилению процессов коммерциализации природных благ и их последствий, широко рассматриваются вопросы присвоения материально-вещественных ценностей и позиционирования услуг лесных экосистем.

Цель исследования и основные результаты. Цель работы – представить закономерности развития рентных отношений хозяйственных систем и необходимость их учета в экономической деятельности лесного сектора, наметить пути практического применения сложного дифференциированного знания о ренте в аспекте активных и пассивных (фоновых) поведенческих паттернов инновационно-социально-экологического развития экономики. Методологическая база – фундаментальная теория ренты, в которой отображается, с одной стороны, проблема существования ограниченных факторов общественного производства (входные параметры) и их доходности, с другой – деятельность по осуществлению трансфертов, потребляемых экономическими агентами в связи с изъятием, преобразованием, сохранением и восстановлением разнообразных природно-ресурсных (продуктовых, инфраструктурных) благ и экосистемных услуг.

Содержательный аспект рентных отношений в условиях бурных технологических изменений и выстраивания структуры современного постиндустриального общества считаем возможным исследовать через совокупность свойств современных экономических процессов, учитывая институциональные новшества современной теории и практики хозяйствования, включая социально-экологические. Рассмотрение термина «рента» в экономике предполагает не просто проведение практических оценочных расчетов «излишков» доходов, но и понимание эволюционного перехода экономических отношений от «земельной ренты» к расширенной концепции природно-ресурсного и экологического капиталов (лесного в том числе). Именно система «воспроизводство» позволила утвердить стоимость ренты как «излишка» или той добавленной стоимости, которую может присваивать собственник. Учитывая такую особенность институциональной «окраски» рентных отношений, нами выделен общий пошаговый контент, в котором функционирует триада «воспроизводство – адаптация – развитие» [1].

Воспроизведение в данной логической последовательности означает позиционирование стоимости как момент проявления возмещения потраченных активов и ресурсов, но особые проявления ренты можно наблюдать в системе «адаптация», когда стоимость обретает приспособляемость к внутренним обстоятельствам многоотраслевой национальной экономической деятельности и внешним условиям. Экономическая реальность достаточно быстро меняется. Воспроизводственный подход к организации общественного производства стал испытывать на себе значительные издержки «провалов» рынка и неспособности экономических процессов обеспечивать новое качество трансформации общества, связанного с достижением глобального благосостояния. В частности, за период 2016–2018 гг. рейтинг Беларуси, оцениваемый по индексу экологической эффективности, заметно снизился (от 35-го до 44-го места), причем доля отрицательного влияния динамики по совокупному показателю «экологическое здоровье» оказалась в два раза меньше, чем негативное воздействие комплексного критерия «жизнеспособность экосистем» [2]. На наш взгляд, такая ситуация является одним из следствий несоответствия лесной ренты ее содержанию и требованиям учета закономерностей прогрессивных рентных отношений, «играющих новыми красками» в современном инновационном, сетевом, цифровом обществе.

Исследования ренты и рентных отношений представлены довольно широким перечнем работ. Многие используют понятие «ренты» как отношение между пользователем («добытчиком» или тем, кто зарабатывает доход) и владельцем прав на использование ограниченного ресурса или применение его в целях извлечения предпринимательской прибыли. Однако акцентирование на этом распределительном моменте экономической реальности превратилось в некий «приоритетный» фактор выражения требований государства к доходности моделей осуществления бизнес-процессов и поведения субъектов в сложной экономической среде, обеспечивающей накопление природно-ресурсного и экологического капитала (через модернизационный потенциал ресурсов, финансовый менеджмент и инвестирование). В то же время, как показал анализ [2], постановка инновационных целей развития национальной экономики требует корректировок практики и стимулов для обеспечения высоких результатов работы с позиций крупномасштабных инфраструктурных проектов, связанных с экосферой в частности.

На рубеже 2000-х гг. большое значение стало придаваться правилам и нормам, которым должны следовать субъекты хозяйствования, организуя производство в окружающей среде. Существуют как теоретические, так и эмпирические доказательства того, что экономические отношения претерпели так называемое смещение центров, формирующих добавленную стоимость, при этом классические схемы рентных отношений видоизменились, стали источниками социальной напряженности и конфликтов [3]. С начала нынешнего тысячелетия исследования развивались в направлениях формирования собственности, фиксирующей материальное и нематериальное производство природных благ. Основными трудностями, с которыми столкнулись экономисты постсоветского экономического пространства, – это зависимость от искажений рыночного механизма (несовершенств рынков, ограничивающих правила, необоснованных информационных «фильтров», методов управления, которые привлекали внимание, прежде всего, с позиций поляризации обобществленной и частной форм собственности).

Сегодня, в условиях высокого влияния на экономику информационных технологий, приходится констатировать, что большую роль играют «вычислительные» ресурсы развития хозяйственных систем. В качестве факторов улучшения организации экономического пространства указываются «киберфизические системы» и медиаплатформы «Земля», другие элементы экономики знаний, управляемой большими данными, поддерживаемыми совокупными экономическими агентами – домашними хозяйствами, собственниками, инвесторами и др. При этом все указанные группы «привязки» к созданию так называемого «символического» производства природы являются потребителями экономических и экологических благ, осуществляют интеракции и трансакции в биоэкономической системе, обладающей взаимодействием биофизических, социальных, институциональных и других факторов. Уязвимость систем наращивания стоимости в триаде «воспроизведение – адаптация – развитие» лесного сектора Беларуси, несмотря на широкое применение геоинформационных технологий для учета ресурсов, связана с условиями ограниченного финансового потока от пользователя к титульному владельцу, не обладающему, по сути, возможностями оптимизации растратываемых средств. «Символическое» производство

природы (в условиях переданного дохода от титульного собственника государственным учреждениям, что оценивается нами только положительно) пока не привело к существенному увеличению предложений по его совершенствованию и к решениям проблем эффективно функционирующих практик менеджмента.

Рентные отношения современности как отношения, связанные с формированием и использованием земельной недвижимости и ресурсов, ассоциируются с интенсивностью приносимого дохода и обновлением природного капитала. С позиций принятия управленческих решений для инновационного развития (накопления финансовых средств) выделим широко применяемые способы получения ренты в аспектах экономического и социально-экологического дискурса: 1) через учет потребностей населения в системе конвертации земельных (лесных) ресурсов по активному направлению деятельности (спросу на товары и услуги промежуточного и конечно-го потребления); 2) посредством невозмещения затрат загрязняющего и расточительного (неэкономного) функционирования экономических агентов. Суть последнего истощающего природу накопления капитала заключается в нерациональной эксплуатации ресурсов и объектов земельной недвижимости. Для субъектов хозяйствования это означает отсутствие необходимого и достаточного уровня вкладов в воспроизводство ресурсов, нанесение урона окружающей среде, истощение плодородия почв, водных систем и др. С позиций рентных отношений и формирования экономики инновационного типа для институционализации решения экологических задач и недопущения плохого менеджмента требуется применение различных и многоуровневых знаний о сетевых благах современного общества, которые опосредуют отношения между социумом и окружающей средой в определенных исторических и географических условиях.

В своих исследованиях ренты как термина, используемого в современном мире глобализации и цифровизации, О. Фрейссе [5] указывает, что факт о принятии видимости «земельной» ренты ничего не говорит о механизмах создания стоимости или присвоения, составляющих содержание ренты. Интересны выводы данного автора об абсолютной ренте как о «дани», возникающей в ситуации, когда одна часть общества требует от другой отдачи за само право жить на земле. Таким образом, О. Фрейссе акцентирует внимание на исключительно политических характеристиках абсолютной ренты. Он затрагивает и сферу природопользования, однако не конкретизирует задачи и содержание регулирования земельных отношений.

Процесс создания ренты в интернет-среде определяется как совместная работа пользователей и поставщиков услуг. Однако пользователи пока не имеют возможностей запрашивать заработную плату за время, проведенное в сети [4]. Эта характеристика рентных отношений, данная О. Фрейссе, является сходной с состоянием непрекращающегося конфликта между собственниками капитала и труда. Инкорпорирование стоимости ренты с ее распределительными моментами «общественного блага» и «биополитической» конкретикой затраченного времени на то, чтобы эксплуатировать предоставленное виртуальное пространство, позволяет расширить понимание возможностей хозяйствования на базе лесных земель от продуктово-энергетических цепей добавленной стоимости до атрибутов систем природных комплексов. К подобным выводам приходят и другие исследователи, наделяя рентные отношения эксплуатационно-пространственным смыслом и монопольными правами использования объектов недвижимости [5].

Экологические институции хозяйственных систем рассматриваются сегодня сквозь призму формирования «вкладов Природы» и социально-экологической экономии «второго контура» Д. Харви [5], что актуально для функционирования отечественной государственной собственности (хозяйствования на государственных лесных землях). Контекст рентных отношений «обратной связи» не лишает нас возможностей рассмотрения присвоения стоимости, простирающейся из прав власти и земельных прав в частности, в то же время он допускает трактовку ренты как финансовой основы развития социо-экологической среды государства, зависящей от институционального разнообразия хозяйственных практик.

Рентные отношения стали заметным явлением обобществленной собственности, в частности интеллектуальных ресурсов. Это отметили авторы публикации [6], посвященной современным экономическим отношениям в аспектах ухода от форм частной интеллектуальной ренты к большим данным публичного характера и позиционирования прав на них через институционализацию форм и условий коммерциализации инноваций. Результативность деятельности по-

тенциальных «добытчиков» ренты «достигает своей ценности и доказывает свое использование только в условиях строгой взаимозависимости с непрерывным расширением данных, являющихся общественным достоянием» [6]. Так, интерпретируя инновационный поворот в сфере доступа к интеллектуальным ресурсам (на примере биоинформатики), учеными выдвинута идея импульсов эффективности экономики – «инновационный институциональный источник вариаций и экспериментов», который позволил на основе роста частного и корпоративного рынка с его «захватами» ренты эволюционировать системе «общественного благосостояния благодаря распределенному пространству ценностей» [6]. В любом случае интеллектуальная рента объективно реализует инновационное развитие. Но вместе с тем следует признать позицию, что наличие ренты глобального (планетарного) пространства – это система прав и элементов, которые имеют завуалированные ценности, их реализация на рынки возможна в ситуации де-юре на базе партнерских отношений частных субъектов, корпораций и государства.

Лесная рента Беларуси не отрицает прав создания общественного достояния, в то же время она не «улавливает» совладельческую функцию работников лесного хозяйства, которые обязаны обладать не просто базами больших данных для осуществления мониторинга и реальных хозяйственных практик, но и «сетью» обмена предоставляемых услуг для обеспечения четких ориентиров воспроизводственных процессов в аспектах адаптации и развития [1]. «Распыленные» права и кластеры пространственных ценностей, генерируемые деятельностью работников лесного хозяйства, в системе стоимостного обмена национальной экономики институционально организованы по принципу «производственной функции», ориентированной на неинтегративные цели. Обрамление ренты (экономической) концептуальными положениями экологической ее стоимости, ассоциируемой как с правовыми элементами планетарных границ менеджмента, так и с коллективным потреблением общественных (сетевых) благ при их индивидуальном и корпоративном производстве, выводит нас на так называемую «накопительную» емкость добавленной стоимости во имя будущего. Импакт-инвестирование – это финансовые ресурсы во имя обновления (накопления и рационального использования амортизационного фонда) природной среды. На наш взгляд, их функционирование можно связать и с системой страхования экономической деятельности, основанной на перспективах получения ресурсов в будущем.

Импакт-инвестирование стоит рассматривать как неотъемлемую часть владения активами и ресурсами. Для нашей страны и ее лесного сектора вполне приемлемыми должны стать собственные модели инновационного развития, направленные на максимально возможный отказ от ненужного перераспределения финансов, в которых рентные отношения будут выстраиваться по принципу новых типов социо-эколого-экономических отношений (связи распределения с производством, государственно-частного партнерства и др.). Речь идет о движении по вектору самоорганизации систем хозяйствования, что в конечном итоге позволит активизировать барьерную функцию – противостояния финансово-экономическому капиталу в его стремлении «инвестировать» в «купленные выгоды», т. е. применять не эколого-ориентированные технологии. Для институционализации инновационно-социально-экологического развития лесного сектора Беларуси следует учитывать значимость лесовосстановительных процессов, многообразие устойчивого лесопользования и эколого-ориентированного развития национальной экономики в целом, осуществляемого с помощью «раздачи» прав и их создания в биофизическом и экономическом смыслах (что идентифицируется и в киберпространстве).

Для отрасли лесного хозяйства как сферы применения технологии эколого-ландшафтного обустройства территории земель государственного лесного фонда в широком рентном формате целесообразно прибегнуть к ресурсо-созидающим и эколого-инклузивным средствам инновации экономических процессов и в первую очередь рентных отношений [7; 8]. С этих позиций мы можем обозначить современную систему средств-ценностей рентообразования (рисунок).

Схематически существование институционального социально-эколого-экономического пространства с точки зрения рантье предполагает мониторинг средств достижения ценностных ориентаций устойчивого развития, но «обратные связи» социально-экологических эффектов (улучшенной экоструктуры пространства, эколого-ландшафтные ценности) предполагают центральное позиционирование ценовых способов извлечения добавленной стоимости, создаваемых

Компоненты рентообразования в аспекте институционального единства социально-экологого-экономического пространства лесов

Components of rent formation in an aspect of institutional unity of socio-ecological and economic space of forests

интеграционными решениями. Посредством ценообразующих практик лесного девелопмента возможными становятся рентно-продуктивные организационно-экономические отношения отраслевых и региональных мезосистем. Представленность в лесном секторе Беларуси неинтиериоризированной стоимости лесной ренты обуславливает потребность преобразований экономических отношений через «вычисляемую» информацию, включая результативность импакт-инвестирования в связи с реализацией Целей устойчивого развития. При этом неизбежно совершение правил владения-присвоения ренты с учетом динамики инновационной системы прав на рыночную самореализацию экономических агентов, сопровождающуюся развитой системой рычагов государства – стимулирующих, санкционирующих, контролируемых обществом.

Выводы. Особенности и направления развития рентных отношений нами конкретизированы в виде следующих положений:

1) современные рентные отношения опираются не только на системы завоевания рынков (экономику рыночного обмена), но и на различного рода территории рынков и пространства (естественные и искусственные по своему происхождению), в широком (планетарном) аспекте – на созданные социо-эколого-экономические пространства и возможности их эксплуатации в определенных условиях;

2) переход от ренты к стоимости осуществляется и через продукт рынка, и посредством распределения ценностей в пространстве, что обуславливает политический аспект рассмотрения стоимости ренты как управляемой и устойчивой, а это предполагает не столько абсолютизацию прав на часть прибавочной стоимости бизнес-структур, сколько реализацию инновационного поворота (развитие);

3) отслеживание и анализ социально-экологических изменений, инновационного и инклюзивного развития для достижения устойчивого роста экономики выступают в качестве неотъемлемой атрибутики конкурентной (политической) борьбы за пространство в условиях международного соперничества и интеграционных процессов;

4) эксплуатация пространства как объективная причина возникновения экономических (рентных) отношений, через юрисдикцию переходящую в сферу прав, предполагает многоплановые процессы интеллектуализации и информатизации хозяйственных систем (экономику знаний), создающие предпосылки к интеграционным решениям генерации добавленной стоимости и другим средствам-ценностям образования ренты.

Инновационно-социально-экологическая трансформация лесного сектора Беларуси призвана играть важнейшую роль в определении богатства нашей нации и построении устойчивого буду-

щего на основе рентного механизма управления лесными ресурсами. Кругооборотные процессы рентных отношений в контексте «воспроизводство» предполагают постановку целей формирования управляемой устойчивой стоимости ренты как производной от результатов мониторинга лесного пространства в рамках публичного права, с выходом на контент «адаптация» по конкурентным преимуществам территории государства через возможности идентификации и реальной организации инноваций эколого-ориентированной и устойчивой экономики.

Список использованных источников

1. Каштелян, Т. В. Проблемы разграничения институциональных сдвигов и оценка перспектив развития лесного сектора Беларуси / Т. В. Каштелян // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2018. – № 5 (110). – С. 133–139.
2. Батова, Н. Н. Индекс экологической эффективности как новый индикатор устойчивого развития / Н. Н. Батова // Российская экономика: взгляд в будущее : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. / Тамб. гос. ун-т ; отв. ред. Я. Ю. Радюкова. – Тамбов, 2018. – Ч. 1. – С. 205–213.
3. Ciuriak, D. Economic rents and the contours of conflict in the data-driven economy [Electronic resource] / D. Ciuriak. – Waterloo : Centre for Intern. Governance Innovation, 2020. – Mode of access: <https://doi.org/10.2307/resrep25327.6>. – Date of access: 25.09.2020.
4. Frayssé, O. Is the concept of rent relevant to a discussion of surplus value in the digital world? / O. Frayssé // Reconsidering value and labour in the digital age / ed.: E. Fisher, C. Fuchs. – London, 2015. – P. 172–187. https://doi.org/10.1057/9781137478573_10
5. Park, J. Land rent theory revisited / J. Park // Science & Soc. – 2014. – Vol. 78, № 1 – P. 88–109. <https://doi.org/10.1521/siso.2014.78.1.88>
6. Harvey, M. Public or private economies of knowledge: The economics of diffusion and appropriation of bioinformatics tools / M. Harvey, A. McMeekin // Intern. J. of the Commons. – 2010. – Vol. 4, № 1. – P. 481–506. <https://doi.org/10.18352/ijc.144>
7. Каштелян, Т. В. Особенности рентных отношений в лесном комплексе / Т. В. Каштелян // Тр. БГТУ. Сер. 5, Экономика и упр. – 2019. – № 1 (220). – С. 41–48.
8. Каштелян, Т. В. Ориентиры воспроизводственных процессов лесного сектора Беларуси в свете теории «переходной» экономики / Т. В. Каштелян // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. Сер. D, Эканоміка, сацыялогія, права. – 2019. – № 1 (53). – С. 32–41.

References

1. Kashtelyan T. V. Problems of differentiation of institutional shifts in the economy and assessment of prospects for the development of the forest sector in Belarus. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny = Proceedings of Francisk Scorina Gomel State University*, 2018, no. 5 (110), pp. 133–139 (in Russian).
2. Batova N. N. Environmental performance index as a new indicator of sustainable development. *Rossiiskaya ekonomika: vzglyad v budushchee: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russian economy: a look into the future: materials of the IV International scientific and practical conference]. Tambov, 2018, pt. 1, pp. 205–213 (in Russian).
3. Ciuriak D. *Economic rents and the contours of conflict in the data-driven economy*. Waterloo, Centre for International Governance Innovation, 2020. Available at: <https://doi.org/10.2307/resrep25327.6> (accessed 25.09.2020).
4. Frayssé O. Is the concept of rent relevant to a discussion of surplus value in the digital world? *Reconsidering value and labour in the digital age*. London, 2015, pp. 172–187. https://doi.org/10.1057/9781137478573_10
5. Park J. Land rent theory revisited. *Science & Society*, 2014, vol. 78, no. 1, pp. 88–109. <https://doi.org/10.1521/siso.2014.78.1.88>
6. Harvey M., McMeekin A. Public or private economies of knowledge: The economics of diffusion and appropriation of bioinformatics tools. *International Journal of the Commons*, 2010, vol. 4, no. 1, pp. 481–506. <https://doi.org/10.18352/ijc.144>
7. Kashtelyan T. V. Features of rental relations in the forest complex. *Trudy BGTU. Seriya 5, Ekonomika i upravlenie = Proceedings of BSTU. Issue 5. Economics and Management*, 2019, no. 1 (220), pp. 41–48 (in Russian).
8. Kashtelyan T. V. Reference points in reproductive processes of Belarusian forest sector in the light of the “transitional” economy theory. *Vesnik Magileuskaga dzyarzhaunaga universitetu imya A.A. Kulyashova. Seryyya D, Ekanomika, satsyyalogiya, prava = Mogilev State A. Kuleshov Bulletin. Series D, Economics. Sociology. Law*, 2019, no. 1 (53), pp. 32–41 (in Russian).

Информация об авторе

Каштелян Таисия Васильевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры организации производства и экономики недвижимости. Белорусский государственный технологический университет (ул. Свердлова, 13а, 220006, Минск, Республика Беларусь). E-mail: taisiya_kascht@mail.ru

Information about the author

Taisiya V. Kashtelyan – Ph. D. (Econ.), Associate Professor of the Department of production organization and Real Estate economics. Belarusian State Technological University (13a Sverdlov Str., Minsk 220006, Belarus). E-mail: taisiya_kascht@mail.ru

РЭЦЭНЗІІ
REVIEWS

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-125-128>

Паступіў у рэдакцыю 03.08.2021

Received 03.08.2021

А. У. Бразгуноў

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
Мінск, Беларусь*

**«ОТКРЫВАЮЩИЙ ВРАТА УЧЕНОСТИ»:
НОВАЯ КНИГА ПРА СІМЯОНА ПОЛАЦКАГА**

З'яўленне кнігі – заўсёды свята, перш за ёсё для разуму, і асабліва ў выпадку навуковай працы. Кніга, якая не выклікае зваротнай рэакцыі ад чытача, напісана дарэмна. (Хаця ў сучасным свеце, які адмаўляе многія выпрацаваныя стагоддзямі ісціны, падобныя развагі могуць быць інтэрпрэтаваны як «ерась».) Навуковая праца можа быць каштоўнай і цікавай пры ўмове, што нясе новую інфармацыю, новыя веды. Але, да таго ж, і пакідае чытачу магчымасць адчуць асабістую рэфлексію з нагоды прачытанага. Новае даследаванне Лолы Уткіраўны Званаровай (Зво-нарёва Л. У. Открывающий врата учености: жизнь и творчество Симеона Полоцкого / монография. Отечественная история. – М. : Academia, Библио ТВ, 2020. – 400 с.) як мага найлепш адпавядае вышэйназваным критэрыям.

Чытач, які, зыходзячы з назвы манографіі, спадзяецца на традыцыйнае выкладанне матэрыялу, – апісанне этапаў жыццёвага шляху асветніка, узбагачанага выкладам зместу і сэнсу яго твораў, – будзе падмануты ў сваіх чаканнях. Але падмануты ў станоўчым, калі так магчыма сказаць, сэнсе слова. У «Предисловии: 40 лет спустя» аўтар з асаблівай цеплынёй і ўдзячнасцю да людзей, якія прынялі ўдзел у яе навуковым лёсе, згадвае час свайго навучання ў Маскоўскім дзяржаўным універсітэце, у аспірантуры Інстытута літаратуры АН БССР, а таксама этапы свайго станаўлення як вучонага – даследчыка жыцця і творчасці Сімёона Полацкага, найярчэйшай творчай асобы ўсходнеславянскай айкумены. Задача, якую ставіць перад сабой даследчыца, – разгледзець феномен Сімёона Полацкага «на фоне складаных расійска-польска-беларуска-ўкраінскіх культурных і палітычных узаемасувязей і ўзаемаўплываў» (с. 41) – не з лёгкіх.

У цэнтры даследавання, вядома, знаходзіцца асока Сімёона Полацкага. Але разам з tym яно арыентавана таксама і на спасціжэнне прычын і абставін паступовых, не заўсёды ўстойлівых змен у дзяржаўным, рэлігійным, культурным і грамадскім жыцці Маскоўскай дзяржавы другой паловы XVII ст. Змен, ідэйным натхняльнікам многіх з якіх стаў Сімёон Полацкі, змен, што набылі незваротны характар у час царавання Пятра I і ператварылі Маскоўскую дзяржаву ў Расійскую імперию. Таму падзел асноўнай часткі даследавання на тры раздзэлы, прысвечаныя адпаведна ідэйнаму, тэалагічнаму і педагогічнаму ўкладу асветніка ў развіццё рускай культуры, бачыцца цалкам дарэчным.

Хаця сцверджанне, што Сімёон Полацкі – знакавая для культуры і гісторыі ўсходніх славян асока, даўно стала агульнаўпрызнаным, tym не менш яно захоўвае сваю актуальнасць. Знакавасць у многім вынікае з фактологіі жыццёвай і творчай біяграфіі пісьменніка: навучанне ў Кіеве і Вільні, выкладчыцкая і асветніцкая дзейнасць у Полацку і Маскве. Ды не толькі ў фактологіі справа. Не меншае, а можа, і вырашальнае значэнне мелі практичныя пачынанні і ідэйныя задумы асветніка.

У гэтай сувязі характэрная назва першага раздзела даследавання – «Политическая позиция просветителя как результат осмысления опыта всеобщей и европейской истории». Тут

Л. У. Званарова з прыцягненнем мноства фактаў, звязаных з руска-польска-шведскім адносінамі ў 1655–1657 гг., раскрывае аbstавіны фарміравання палітычнай пазіцыі Сімяона Палацкага, якая знайшла адлюстраванне ў яго творчасці гэтага перыяду. Несумненна, вырашальны ўплыў на адмоўнае стаўленне асветніка да вайны зрабіў асабісты вопыт: вайна 1654 – 1667 гг. паміж Маскоўскай дзяржавай і Вялікім Княствам Літоўскім скараціла насельніцтва беларускіх зямель напалову, а родны горад пісьменніка фактычна ператварыла ў руіны. Як вучонаму, аўтару даследавання робіць гонар, што яна не замоўчвае непрыемных старонак беларуска-рускіх адносін, звязаных з гэтай вайной. Напрыклад, жорсткага знішчэння і разрабавання Вільні і яе жыхароў у 1655 г. маскоўскім войскам пад камандаваннем ваяводы Якуба Чаркаскага і гетмана запарожскага войска Івана Залатарэнкі (с. 65–66), незайдроснай долі ўніяцкага насельніцтва (с. 86), а таксама жалосных для далейшага лёсу старабеларускай культуры вынікаў згаданай вайны. Гэта важна, паколькі, на наш погляд, у дадзеных непрыемных акалічнасцях і хаваецца адна з асноўных, побач з названымі шаноўнай даследчыцай (с. 86–87), прычын пераезду Сімяона Палацкага ў Маскву, дзе яму было прапанавана высокая становішча пры царскім двары і дапамога ў ажыццяўленні разнастайных задум. За плячыма заставалася зруйнаваная Радзіма, узнаўленне насельніцтва якой да ўзроўню 1654 г., года пачатку вайны, заняло наступныя сто гадоў. (Сучасны беларускі чытак мог бы ўгледзець у паводзінах асветніка своеасаблівую нацыянальную зраду. Але ж справа ў тым, што нацыянальная свядомасць як такая, у адрозненне ад этнічнай і рэлігійнай, у разглядаемую эпоху яшчэ адсутнічае.)

У гэтым святле зусім іначай успрымаецца напісаная асветнікам у сталіцы гады «Гутарка пра ваяванне» («Беседа о брани»), якая павінна была, па справядлівай заўваже Л. У. Званаровай, на блізіць цара і яго прыдворных да єўрапейскай прававой свядомасці (с. 70). Развагі Сімяона Палацкага каштоўныя тым больш, што ён катэгарычна асуджае вайну дзеля захопу чужых зямель і якое-небудзь апраўданне ёй бачыць толькі ў тым выпадку, калі яна скіравана на ўстанаўленне «міру і цішыні ў народзе».

Веды, набытыя асветнікам у навучальных установах на радзіме, «эмог ён з карысцю прымяняць у маскоўскі перыяд грамадска-асветніцкай дзейнасці» (с. 101), пра што падрабязна распаведзена ў 2-й главе першага раздзела «От освоения белорусско-украинско-польского культурного пространства – к просветительской миссии в России». Паколькі сваю задачу асветнік бачыў ва ўдасканаленні расійскага грамадства, з рэтраспектывы яго пераезд у Маскву выглядзе іначай, чым для сучаснікаў: ён трymаў сябе як сапраўдны хрысціянін, паколькі пабачыў магчымасць «скарэння» ўсходняга суседа ВКЛ сілай слова, а не зброі. Такія задумы былі невыпадковыя для манаха Сімяона: фарміраванне яго светапоглядных прыярытэтаў цесна звязана з перыядам навучання ў Кіева-Магілянскай калегіі, у мурах якой клопатамі кіеўскага мітрапаліта Пятра Магілы і яго паслядоўнікаў была распрацавана стратэгія рэлігійнага і культурнага сінтэзу Захаду і Усходу. У яе межах было прадугледжана таксама і ідэяна-культурнае абнаўленне праваслаўя. Гэты рух у многім быў падрыхтаваны эпохай Адраджэння з яе культам універсальных ведаў, якія не маюць канфесійных абмежаванняў. З гэтай прычыны, напрыклад, нечуваная для тагачаснай Маскоўскай дзяржавы «ерась» – навучанне праваслаўных у каталіцкіх і пратэстанцкіх установах – у ВКЛ успрымалася за натуральны стан рэчаў. Адметна, што гады вучобы Сімяона Палацкага, уніята-базыльяніна, прайшлі ў двух асноўных адукцыйных цэнтрах Украіны і Беларусі першай паловы XVII ст. – у праваслаўнай Кіева-Магілянскай калегіі і каталіцкай Віленскай акадэміі.

З Украінай і Беларуссю звязана і станаўленне творчага стылю Сімяона Палацкага, якому ўласцівая не строгія лагічныя пабудовы навуковага трактата, а паэтычная вобразнасць, іншасказальніасць, алегарычнасць. Так, ён – філософ, але перадусім – мастак. І гэта не выпадкова: У мурах калегіі фарміраваліся ў «студыёзусаў» уяўленні пра паэтычнае мастацтва як сацыяльна і маральна каштоўнасць, богаўгодную справу, роўную па сваёй асветніцкай значнасці апостальскім дзеям і здольную прывесці да спазнання ісціны, а значыць, наблізіць чалавека да Бога. Ідэя гэтая вынікала з барокавай тэорыі прыпадбення творчасці паэтаў, надзеленых «спрытнымі розумам», творчасці Усявышняга. Лічылася, што ісціну немагчыма спасцігнуць па частках, яна з'яўляецца чымосьці цэльным, непадзельным і самадастатковым. Адсюль імкненне Сімяона Палацкага ахапіць у сваёй паэтычнай творчасці неабдымае, т. зв. энцыклапедызм, жаданне даць паэтычнае апісанне, ацэнку з боку духоўнай карысці нават самай нязначнай рэчы,

з'яве, паняццю. «Благоумие», «гадание», «камень», «сокол», «торжество», «яма» і тысячи іншых подобных загалоўкаў-азначэнняў «Вертаграда шматкветнага» і «Рыфмалагіёна» – усё гэта складаныя часткі цэласнай карціны светабудовы. Узятыя сукупна, ва ўяўленні Сімяона Палацкага яны адкрываюць чалавеку Ісціну. У той жа час у сваім свецкім ужытку яны служаць маральнаму выхаванню і асвешце, што складае галоўную задачу мастацтва барока.

Узрастанне свецкага пачатку ў рускай культуры, зварот Расіі да духоўных каштоўнасцей Захаду, пошук новых ідэйных і маральных арыенціраў развіцця, адсоўванне на другі план дамінаваўшай раней канцэпцыі візантыйства – усё гэта, як паказвае праца Л. У. Званаровай, паслужыла Сімяону Палацкаму надзейным грунтам для распрацоўкі арыгінальнай канцэпцыі эвалюцыі ўсходнеславянскага свету ў рэчышчы хрысціянскага ўніверсалізму. Адным з адметных прыёмаў, скарыстаных ім у абурнаванні дадзенай канцэпцыі, было выкарыстанне Святога Пісання для інтэрпрэтацыі расійскай гісторыі і сучаснасці – пра гэта ідзе гаворка ў 3-й главе першага раздзела «Проецирование библейских сюжетов на исторические события в текстах Симеона Погоцкого». Аднак варта ўлічыць, што ў паэтычнай творчасці, як справядліва заўважае Л. У. Званарова, свобода дзеяння была надзвычай вузкай: «У маскоўскі перыяд творчасці паэтычная свобода мела для Сімяона Палацкага канкрэтныя рамкі: этыка-эстэтычныя нормы, прадыктаваныя ладам жыцця царскага двара другой паловы XVII стагоддзя» (с. 152).

У адрозненне ад свецкай улады праваслаўная царква па-ранейшаму заставалася прыхільніцай візантыйскай традыцыі, якая ставіла знак тоеснасці паміж абсалютнай уладай Госпада ў нябесах і ўладай яго зямных абраннікаў, чым спрыяла абагаўленню ўладара ў вачах падданых. Гэтым рэлігійным дагматам была абумоўлена, як нам падаецца, тая дваістасць палітычнай пазіцыі Сімяона Палацкага, пра якую вядзе гаворку даследчыца: сімпатыі да беларусаў і палякаў, а разам з тым падтрымка расійскага абсалютызму, які не зусім адпавядаў маральным ідэалам асветніка (с. 82). Яго ідэалам быў мудры кіраўнік, што клапоціцца пра дабро сваіх грамадзян і з'яўляеца ўзорам цнотаў – прыпадобнены Пантакратару (Спасу-Усётырмальніку) зямны манарх (аўтакрат).

Рэфарматарскія пачынанні асветніка закранулі, як вядома, многія сферы расійскай культуры таго часу, падрабязны выклад асаблівасцей іх ажыццяўлення чытач знайдзе па ўсім тэксле даследавання. Тут зазначым толькі, што паспяховасць реформ наўпрост залежала ад прыхільнасці і ўхвалення царскага двара. Асабліва зацягтая барацьба разгарнулася з другой паловы 1660-х гг. паміж свецкай і царкоўнай уладай, што адзначаеца ў другім раздзеле «Сімеон Погоцкій и московские “любомудры”: партия “латинистов-западников” и ее влияние на церковную жизнь России». Тут асноўны акцэнт даследчыца зрабіла на распечатай саборам 1674 г. дыскусіі пра выпраўленне ранейшага і стварэнне новага перакладу Бібліі, а таксама на традыцыйным характары заходніх арыентацыі ў царкоўных дзеячаў Расіі пачынаючы з другой паловы XVII ст. У гэтым раздзеле нам не хапіла больш падрабязнага аналізу (у аспекте светапогляду палацкага асветніка) трактата «Посах кіравання» («Жезл правління», 1667), напісанага Сімяонам Палацкім дзеля выкрыцця «расколанавучальнікаў» Мікіты Даўрыніна-Пустасвята і папа Лазара і надрукаванага ў 1667 г. ад імя сабора, што адбыўся годам раней. Яркае і каларытнае абвінавачанне рэлігійных апанентаў (напрыклад, «яко бо козлищъ бл(а)гая и плодоносная древеса об[ъ]ядаетъ и губить, свиния же сквернымъ носомъ вертоградъ рыеть и нивочтожествуетъ, тако и скотоумный сей Никита сотвори в саде бл(а)гоплодовитомъ и в вертограде бл(а)гованноцветномъ с(в)ятыхъ писаний» (арк. 29адв. – 30)), як вядома, скончылася для іх спаленнем зажывала. Дарэчнай, як нам падаецца, была б тут і згадка пра ўплыў традыцый беларуска-ўкраінскай царкоўнай палемікі канца XVI – першай трэці XVII ст. на дадзены твор, а таксама на гамілетычныя творы Сімяона Палацкага «Обед душевный» і «Вечеря душевная». Гэтыя заўвагі, аднак, маюць прыватныя характеристики.

Сярод сваіх асноўных задач Сімяон Палацкі бачыў знаходжанне гармоніі паміж грамадскім і асабістым, узмацненне магутнасці дзяржавы праз інтэлектуальнае развіццё яе грамадзян, што, маючы на ўвазе аўтакратызм расійскай улады, было магчыма выключна шляхам рэалізацыі ідэі цара-філосафа, гэта значыць асвеченага манарха. З'яўляючыся прыдворным пастам магутнага «ўсходняга» цара, Сімяон Палацкі не мог, натуральна, адкрыта выяўляць перад ім уласныя светапоглядныя перакананні, што было ўласціва бургерскаму і манаскаму асяроддзю на яго раздіме. Тым не менш, на нашу думку, ён рабіў гэта няяўным чынам. Па-першае, стараўся прывіць цару і прыдворным новыя нормы, погляды і перакананні праз шматлікія прыемныя для іх усхваты.

ленні, праслаўленні, прывітанні з нагоды і інш. У гэтым бачыўся асветніку залог далейшага ўдасканалення ўсяго грамадства. Па-другое, яго паэтычныя творы арыентуюць чытача не на суперальна-духоўнае, а на дынамічнае, інтэлектуальнае, а значыць, крытычнае ўспрыманне свету.

У гэтым сэнсе трэці, заключны раздзел даследавання – «Педагогіческі аспект общественна-литаратуранай дзейнасці Сімяона Палацкага і его влияние на систему образования в России» – каштоўны найперш тым, што раскрывае шляхі непасрэднага эстэтычнага і практычнага ўздзеяння культуры на больш шырокія пласці грамадства. Маральнае і грамадзянскае выхаванне і ўдасканаленне гледача і чытача было галоўнай мэтай тэатральнай і выдавецкай дзейнасці Сімяона Палацкага. Раскрыццю яе асаблівасцей, таксама як і фарміраванню высокай культуры кніжнай справы, прысвечаны 2-я і 3-я главы раздзела. Надзвычай пазнавальнай з'яўлецца 1-я глава – «Історыческі опыт мировой “учительнай” літературы». Тут даследчыца на канкрэтных прыкладах раскрывае не толькі агульнаеўрапейскі, але і беларуска-ўкраінскі літаратурны і культурны ўплыў, што знайшоў адлюстраванне ў творчасці Сімяона Палацкага маскоўскага перыяду і быў звязаны з імёнамі Францішка Скарыны, Мікалая Гусоўскага, Сымона Буднага, Лаўрэнція Зіданія, Мялеція Сматрыцкага, Мацея Сарбейскага, Ігнація Яўлевіча і інш. Асабліва хацелася б адзначыць арыгінальнае прачытанне тыпалагічных сыходжанняў творчасці асветніка з творамі ўсходнеславянскага першадрукара Францыска Скарыны (с. 250, 256, 262–264).

Дадзеныя развагі, натуральна, не могуць падмняніць індыўідуальнага прачытання разглядаемай навуковай працы, тым больш расставіць у ёй адназначныя акцэнты. Усё сказанае намі – толькі суб'ектыўныя рэфлексіі, першае ўражанне. Але, не баючыся памыліцца, мы можам сцвярджаць, што дадзеная манаграфія Лолы Уткіраўны Званаровай прадстаўляе навукова абронтуваны, але разам з тым і неардынарны погляд на жыццё і творчасць ўсходнеславянскага асветніка. Упершыню ў «сімяонапалацказнаўстве» асоба пісьменніка разгледжана цэласна пад вуглом адлюстравання ў літаратурнай творчасці яго індыўідуальных грамадскіх, педагогічных, ідэалагічных і прыродазнаўчанавуковых уяўленняў. Кніга, несумненна, будзе запатрабавана не толькі ў Расіі, але таксама ў Беларусі, Украіне і іншых краінах.

Выказваючы згоду з высновамі шаноўнай даследчыцы, дазволім сабе напрыканцы дзве цытаты, што апісваюць, на наш погляд, надзвычай важныя вынікі ўсёй працы: «Гэта быў першы выпадак у гісторыі рускай культуры, калі чалавек выступіў з актыўнай пропагандай навуковых ведаў не з пазіцый здзіўлення, уласцівага пабочнаму назіральніку або неафіту, а з трывуны науки, выступіў як яе актыўныя носьбіт» (с. 326). І яшчэ: «Такім чынам, да Захаду Маскоўская Русь паварочваеца задоўга да Пятра. Ён застасе ў Маскве ўжо трывала аселую калонію кіеўскіх і «літоўскіх» выхадцаў і навучэнцаў, цэлае пакаленне, якое вырасла і было выхавана ў думках пра Захад, калі не ў заходніх думках. Менавіта ў гэтым асяродку ён знаходзіць першае спачуванне сваім культурным пачынанням. Навізна Пятроўскай рэформы не ў заходніцтве, але ў секулярызацыі» (с. 226–227). Як пераконвае нас даследаванне Л. У. Званаровай, заслуга Сімяона Палацкага ў поспеху дадзенага працэсу надзвычай істотная.

Свае першыя ўпэўненныя крокі ў бок агульнаеўрапейскага культурнага лёсу Маскоўская дзяржава зрабіла шмат у чым дзякуючы Сімяону Палацкаму, які адкрыў перад ёй браму еўрапейскай вучонасці. Не выключана, што з часам гэты выбор быў бы зроблены Расіяй у любым выпадку. Але без творчага, інтэлектуальнага і духоўнага гарэння, імпету і руплівасці полацкага асветніка гэта быў бы якасна іншы выбор у першую чаргу для расійскіх самадзержцаў-рэфарматараў, яго вучняў – цароў Фёдара Аляксееўіча і Пятра Першага. Творчы запал Сімяона Палацкага даў той штуршок, які на стагоддзі вызначыў кірунак развіцця Расіі як адметнай, але еўрапейскай па духу цывілізацыі. І ў гэтым, мяркуем, яго значэнне для мінуўшчыны, цяперашняга часу і будучыні ўсходнеславянскага культурнага дыялогу.

Інформация об авторе

Брезгуноў Аляксандр Віладимиравіч – кандыдат філологічных наукаў, ведучы научны сотрудник. Цэнтр исследаваній беларускай культуры, языка і літературы, Нацыянальная акадэмія наук Беларусі (ул. Сурганава, 1, корп. 2, 220072, Мінск, Беларусь). E-mail: beowulf.bel@gmail.com

Information about the author

Alexandr U. Brazgunou – Ph. D. (Philol.), Leading Researcher. Centre for Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: beowulf.bel@gmail.com